
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01732718 0

ЧЕРНАЯ РАДА

ХРОНИКА 1663 ГОДА.

Сочиненіе

П. А. Кулиша.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Августа 23-го дня 1857 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

(*изъ Русской Бесѣды. 1857 г.* кн. 2 и 3.)

ЧЕРНАЯ РАДА,

ХРОНИКА 1663 ГОДА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

А Сомко́ Мушкетъ попе́реду да й не выграва̀е,
Копя̀ уде́ржуе, до се́бе притя́гуе, ду́мае-гада̀е....
Пропаде́, мовъ порошѝна зъ дула, та коза̀цькая сла̀ва,
Що по всёму світу дѝвомъ ста̀ла,
Що по всёму́ світу степо̀мъ розляглась, простяглась,
Да по всёму світу луговѝмъ го̀міномъ оддала̀сь....

Народная дума.

Весною 1663 года два путешественника, верхомъ на добрыхъ коняхъ, подъѣзжали къ Кіеву, по Бѣлогородской дорогѣ. Одинъ былъ молодой козакъ, въ полномъ вооруженіи; другой — по одеждѣ и по длинной сѣдой бородѣ казался священникомъ, а по саблѣ, бренчавшей подъ рясою, по пистолетамъ въ кобурахъ и по длиннымъ шрамамъ на лицѣ — воиномъ. Усталые кони и большіе вьюки позади сѣделъ заставляли думать, что всадники держали путь неблизкій.

Не доѣзжая до Кіева версты двѣ, или три, они взяли влѣво и поѣхали лѣсомъ, по извилистой дорогѣ, едва пробитой между пнями. И всѣ, кто только видѣлъ ихъ съ поля, знали почти навѣрное, куда они ѣдутъ. Дорога эта вела въ Хмарѝще, хуторъ богатаго козака Череваня, извѣстнаго во всей Кіевской околицѣ своимъ хлѣбосольствомъ. Дѣло происходило спустя немного лѣтъ послѣ войнъ Богдана Хмельницкаго, которыя обогатили козаковъ добычею. Черевань служилъ въ войскѣ знатнымъ старшиною и, разоряя шляхетскіе дворы и замки, припряталъ

себѣ въ примѣтномъ мѣстѣ ворохъ серебра и золота; а когда война кончилась, онъ купилъ подъ Кіевомъ хуторъ съ богатыми лугами и полями, да и зажилъ спокойною, лѣнивою и веселою жизнью. Всѣ славили его богатство, а еще больше добродушное хлѣбосольство. Къ нему-то повернули два путника.

День былъ на исходѣ. Солнце свѣтило безъ зною. Птицы пѣли и свистѣли вездѣ по лѣсу такъ звонко, такъ весело, что все, и густая трава, и свѣтлозеленый мохъ по старымъ пнямъ, сквозящій на солнцѣ, и деревья, окинутыя легкимъ покровомъ изъ молодыхъ листьевъ, и золотыя облака надъ ними — все какъ будто усмѣхалось. Но лица путниковъ омрачены были какими-то тяжелыми мыслями. Никто бы не сказалъ, что они ѣдутъ въ гости къ веселому пану Черевашо.

Вотъ они и у Хмарища. Хуторъ Череваня стоялъ въ болотистой долинѣ, надъ небольшою рѣчкою, черезъ которую вела къ нему узкая плотина; за плотиной насыпанъ былъ валъ — ибо времена тогда были смутныя — и въ валу надъ крѣпкими дубовыми воротами возвышалась широкая, низкая деревянная башня, какъ въ настоящей крѣпости. Вмѣсто зубцовъ, она убрана была частоколомъ, изъ-за котораго удобно было отстрѣливаться, въ случаѣ нападенія непріятелей; а надъ воротами прорублено было въ ней оконце для пушки, которой однакожъ на этотъ разъ въ немъ не было видно. За отсутствіемъ пушки, оно служило единственно для того, чтобъ посмотрѣть, кто пожаловалъ въ гости къ пану Черевашо, прежде чѣмъ отворить ворота: предосторожность необходимая, ибо времена, повторяю, были тогда смутныя, и не каждаго гостя впускали въ хуторъ безъ разбору.

Когда путники подъѣхали къ воротамъ, младшій изъ нихъ началъ колотить въ ворота рукоятью сабли, съ усердіемъ, которое показывало, что гости не сомнѣваются въ радушномъ пріемѣ. По лѣсу пошло эхо, но въ замкѣ никто не отзывался. Наконецъ нескоро уже послышался чей-то кашель, и вмѣстѣ съ нимъ раздались медленные, старческіе шаги внутри башни.

—Врагъ его знаетъ, говорилъ кто-то, взбираясь, какъ казалось, не безъ труда по скрипучей лѣстницѣ къ оконцу,—какой теперь шумный народъ насталъ! Пріѣдетъ, Богъ знаетъ, кто, Богъ знаетъ, откуда, и стучитъ, какъ въ свои собственныя ворота. А лѣтъ какихъ нибудь пятнадцать назадъ, тотъ же самый народъ сидѣлъ тихо и смирно, какъ пчелы въ зимовникѣ.... Ге, то-то и есть! когда бъ окаянные Ляхи не встревожили козацкихъ ульевъ, то и до сихъ поръ такъ бы сидѣли.... Худо было при Ляхахъ, да уже-жъ и наши гуляютъ не въ свою голову!... Охъ, Боже правый, Боже правый!... Кто тамъ стучитъ? Кому это такъ нужно припало?

—Это Василь Невольникъ, сказалъ старикъ, не глядя на своего спутника.—Все тотъ же, что̀ и прежде!

—Кто тамъ стучитъ? спрашивалъ громче прежняго Василь Невольникъ, высунувши въ оконце голову.

—Да полно тебѣ допрашивать! отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторой досадой —Не бойся, не Татаре!

—Боже правый! воскликнулъ Василь Невольникъ, что̀ жъ это такое?... это Паволочскій полковникъ Шрамъ! (¹) Что̀ жь тутъ дѣлать? Отворять сперва ворота, или бѣжать къ пану?

—Отвори сперва ворота, отозвался угрюмо Шрамъ, — а потомъ ступай себѣ, куда хочешь.

—Правда, правда, добродѣю мой милый! сказалъ старый привратникъ, и началъ спускаться внизъ, думая посвоему въ слухъ:—Гора съ горою не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется.... Охъ, не надѣялись мои старыя очи увидѣть еще разъ пана Шрама! а вотъ и увидѣли.... Охъ, Боже правый, Боже правый!

Вслѣдъ за тѣмъ застучалъ засовъ, и отворились ворота, въ которые козаки проѣхали склонясь, чтобъ не задѣть за сводъ высокими шапками.

Василь Невольникъ не зналъ, что̀ дѣлать отъ радости бросился къ Шраму, и поцѣловалъ его въ колѣно. Потомъ

---

(1) Паволочь—нынѣ мѣстечко въ Сквирскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи. Въ старину это былъ важный пунктъ на театрѣ польско-украинскихъ войнъ.

обратился къ его спутнику: — Боже правый! пане полковнику, это твой сынъ Петрò? Орелъ, а не козакъ!

Петрò наклонился съ коня и поцѣловался съ Василемъ Невольникомъ.

—Орелъ, а не козакъ! продолжалъ Василь Невольникъ.— Ну, пан'отче, наградилъ тебя Господь сынкомъ! Чтò, коли бъ хоть двѣ *чайки* ([1]) такихъ молодцовъ повстрѣчали галеру, гдѣ сидѣлъ я на цѣпи?... Охъ, Боже правый, Боже правый! далась мнѣ та проклятая неволя дóбре знать! кандалы потерли руки и ноги, холодное желѣзо попроѣдало тѣло до костей!

И точно, въ его наружности было чтò-то такое жалкое, какъ будто онъ былъ только-что выпущенъ изъ галеры. Это былъ низенькій, сгорбленный, худощавый старичокъ, со впалыми, какъ будто къ чему присматривающимися глазами. Онъ былъ одѣтъ въ синій казакинъ и старые, полотняные шаровары, но и этотъ нарядъ казался на немъ чужимъ.

Петрó соскочилъ на землю и взялъ отъ отца коня. Пастбище было тутъ же, потому что хуторъ Черевани былъ не чтò иное, какъ *левàда*, или *пастòвникъ*. На горбѣ, между старыми грушами, виднѣлись двѣ хаты, съ бѣлыми, низкими стѣнами и высокими, соломенными, позеленѣлыми крышами, надъ которыми стояли черные деревянные дымари подъ рѣзными крышками. Дубовые косяки въ окнахъ вырѣзаны были зигзагами, какіе можно видѣть въ старинныхъ деревянныхъ церквахъ. Двери подъ навѣсами были внизу и вверху ýже, чѣмъ по срединѣ, и этою формою напоминали осанистыя фигуры пожилыхъ старшинъ козацкихъ, которые въ нихъ проходили. Тутъ же стоялъ и колодезь съ высокимъ *журавлемъ*, на подобіе глаголя. У колодезя виденъ былъ почернѣвшій образъ, съ бѣлымъ, вышитымъ красными узорами *рушникомъ*. За колодеземъ тянулся весь увитый хмѣлемъ плетень, ограждающій садъ, пàсику и огородъ отъ вторженія телятъ, которыя паслись между

---

(1) Такъ назывались лодки, на которыхъ плавали Запорожцы по Черному морю.

деревьями. Левада скатывалась съ горба въ низину, гдѣ изъ-за зеленаго камыша блестѣла запруженная вода и выглядывала почернѣвшая, стромкая, съ двумя шпилями, крыша шумящей мельницы. Усадьба Черевана съ трехъ сторонъ была защищена топкими камышчатыми берегами рѣчки, а съ четвертой деревянною башнею и валомъ. Въ случаѣ опасности, пастухи сгоняли сюда овецъ, рогатый скотъ, лошадей, а сами брали мушкеты и пищали, которыхъ у Черевана хранилось въ башнѣ немало, и готовы были отстрѣливаться хоть цѣлый мѣсяцъ отъ Татаръ, или отъ бродячей *затяжной* роты Ляховъ. Тѣ и другіе появлялись въ Кіевскихъ окрестностяхъ, какъ метеоры, и слухъ объ нихъ могъ прійти въ Хмарище во всякое время. Но теперь все въ хуторѣ было тихо; пчелы жужжали въ цвѣтущихъ грушахъ; мельница глухо шумѣла; за высокимъ камышемъ раздавались на водѣ крики дикихъ птицъ; а соловьи въ саду всѣ эти звуки ладили одни съ другими. Свѣжесть обняла усталыхъ путниковъ въ этомъ мирномъ и полномъ всякаго добра уголкѣ; разнузданные кони весело заржали.

—Ну веди жь насъ къ пану, Василь, сказалъ полковникъ Шрамъ.—Гдѣ онъ? въ свѣтлицѣ, или въ пасѣкѣ? Я знаю, онъ издавна былъ охотникъ до пчелъ; а теперь, подъ старость, вѣрно зажилъ настоящимъ пасичникомъ.

—Да, мой добродію, отвѣчалъ Василь Невольникъ.— Благую часть избралъ себѣ панъ Черевань. Пускай его Господь на свѣтѣ подержитъ! Почти и не выходитъ изъ пасики.

—Но отъ людей, однакожъ, не отрекся? или уже живетъ настоящимъ пустынникомъ?

—Ему отречься отъ людей? отвѣчалъ Василь Невольникъ. — Да ему и хлѣбъ не пойдетъ въ горло, коли не раздѣлитъ съ добрымъ человѣкомъ. У насъ и теперь не безъ гостей. Э, пан'отче! какой у насъ гость!... Нѣтъ, не скажу—увидишь самъ.

И, отворивъ калитку въ пасику, повелъ Василь Невольникъ Шрама узкой тропинкой, подъ густыми вѣтвями деревъ.

Но что̀ за лицо былъ этотъ Шрамъ, въ которомъ соединялись два званія, по понятіямъ нашего вѣка вовсе несовмѣстныя?

Былъ онъ сынъ Паволочскаго священника, по фамиліи Чепурно́го; воспитывался онъ въ Кіевскомъ Братскомъ училищѣ, и уже вышелъ было изъ училища съ правомъ на званіе священника. Но тутъ поднялись козаки противъ шляхты, подъ предводительствомъ гетмана Остряницы, и молодой поповичъ очутился въ козацкихъ рядахъ. Онъ былъ горячей натуры человѣкъ, и не усидѣлъ бы въ своемъ приходѣ, слыша, какъ льется родная кровь за безбожное ругательство надъ Украинцами польскихъ *консистентовъ* (¹) и урядниковъ, за оскорбленіе греко-русской вѣры отъ католиковъ и уніятовъ. Тогда безурядица въ Польшѣ дошла до того, что каждый староста (²), каждый ротмистръ, каждый знатный человѣкъ дѣлалъ все, что̀ приходило ему въ шальную голову, а особенно съ народомъ безоружнымъ, мѣщанами и пахарями, которые не имѣли никакихъ средствъ ему сопротивляться. Квартируя въ городахъ и селахъ, начали *жолнѣры* (³) требовать отъ народа беззаконные *око̀рмы* и *напитки*, начали женъ и дочерей козацкихъ, мѣщанскихъ и мужичьихъ безчестить и тиранить, людей зимою, въ трескучіе морозы, запрягать, при ломкѣ льда, въ плуги, а Жидамъ приказывали ихъ погонять, чтобъ они плугами ледъ «безпотребно на одинъ смѣхъ и наругу орали и рисовали» (⁴). Между тѣмъ помѣщики-католики, а вмѣстѣ съ ними и наши отступники вѣры, старались ввести на Украйнѣ унію, и не въ одну церковь, противъ желанія народа, поставили священникомъ уніята; греко-русскую вѣру называли мужицкою вѣрою; а отдавая на аренду Жидамъ села, не разъ вмѣстѣ съ селами отдавали

---

(1) Такъ назывались польскія войска, которыя *консистовали*, или стояли постоемъ, въ украинскихъ селахъ и городахъ.

(2) Старосты были въ родѣ нынѣшнихъ губернаторовъ, съ правомъ пользоваться доходами съ управляемыхъ ими областей.

(3) *Жолнѣръ* значило собственно *солдатъ;* но подъ словомъ *солдаты* мы разумѣемъ нижніе чины, тогда какъ здѣсь идетъ дѣло о начальникахъ.

(4) Изъ универсала гетмана Остряницы.

имъ на откупъ и церкви (1). И некому было на такія ругательства жаловаться, потому что сенаторы, паны и епископы держали въ рукахъ и самого короля; *городовая* же козацкая старшина принимала сторону старость, владѣльцевъ имѣній и ихъ намѣстниковъ и арендаторей, а межъ собой дѣлилась жалованьемъ, которое отпускалось отъ короля и Рѣчи Посполитой (2), по тридцати злотыхъ въ годъ на каждаго реестрового козака. Поэтому реестровые, или городовые козаки (3) были тоже подавлены. Многіе изъ нихъ были обращены насильно въ подданные старость и *держа́вцевъ* (4); остальные исправляли въ домахъ у своихъ старшинъ всякія работы, какъ крестьяне. Шесть тысячъ только вписано было въ реестръ, но и тѣ, находясь въ совершенномъ порабощеніи у своихъ старшинъ, волею и неволею держали сторону Поляковъ, и только при Хмѣльницкомъ единодушно возстали за Украйну. При такомъ положеніи дѣлъ, могли ли земляки жаловаться имъ на свои бѣдствія?... Жаловались міряне и «благочестивые» священники только далекимъ своимъ землякамъ—козакамъ Запорожскимъ, которые, живя въ дикихъ степяхъ, за Порогами, избирали старшину свою изъ среды себя и не давались въ руки коронному гетману Польскому. Вотъ и выходили изъ Запорожья на Украйну, одинъ за другимъ, козацкіе гетманы: Тарасъ Трясило, Павлюкъ, Остряница, съ мечомъ и огнемъ противъ враговъ родного края.

Но не надолго поднимали Украинцы, подъ ихъ знаменами, поникшую голову. Ляхи держались крѣпко за руки съ *недоляшками* (5), гасили пламя возстанія быстро и

---

(1) Кіевская коммиссія въ своихъ «Памятникахъ» напечатала нѣсколько актовъ, которые свидѣтельствують объ этомъ возмутительномъ произволѣ шляхты Польскаго королевства.

(2) Рѣчью Посполитою, то есть республикою, называлась вся политическая польская система, именно: собственно Польша, Литва и Русь; Русью же называлась въ Польшѣ Галиція, Подолія, Волынь и Украина. Сѣверную Русь называли Поляки Москвою, или Московскимъ государствомъ.

(3) Городовые козаки составляли военную корпорацію, совершенно отличную отъ козаковъ Низовыхъ, или Запорожскихъ, не только по внутреннему устройству, но и по политическимъ убѣжденіямъ.

(4) Вотчинниковъ. Старосты пользовались правомъ помѣстнымъ.

(5) Такъ называли тогда отступниковъ вѣры и родины, угнетавшихъ соб-

опять распоряжались съ Украйной по-своему. Но вотъ поднялся изъ Запорожья ужасный, неугасимый огонь— поднялся на Ляховъ и на всѣхъ враговъ отечества козацкій батько Хмѣльницкій. Напрасно всполошились старосты и королевскіе коммисары (1) съ городовыми козаками; напрасно поднялись изъ покойныхъ квартиръ своихъ консистенты-ротмистры съ своими жолнѣрами; напрасно вооружали наши *перевертни*-недоляшки надворную свою стражу (2); напрасно придумывали Поляки средства, какъ бы погасить это пламя, и преграждали своими заставами степныя дороги, чтобъ не пустить никого изъ Украйны на Запорожье. Бросаетъ пахарь на нивѣ плугъ съ волами; бросаетъ пивоваръ котлы въ *бро̀варѣ* (3); бросаютъ чеботари, портные и кузнецы свою работу; отцы оставляютъ маленькихъ дѣтей; сыновья безсильныхъ отцовъ и матерей, и всѣ пробираются на Запорожье къ Хмѣльницкому, черезъ дикія степи, скрываясь днемъ въ терновыхъ кустахъ и байракахъ, а ночью направляя свой путь по звѣздамъ. И

ственныхъ земляковъ. Слово *недоля́шекъ* означаетъ человѣка, который *до Ляха* не достигъ еще въ отступничествѣ. Но въ этомъ словѣ выражается больше ненависти и презрѣнія, нежели въ словѣ *Ляхъ*, или *кателикъ*, которые до сихъ поръ остаются бранными словами у малороссійскаго простонародья.

(1) Особенные чиновники для удержанія козаковъ въ повиновеніи.

(2) Въ тѣ времена помѣщичья усадьба необходимо принимала устройство зáмка, съ болѣе или менѣе значительнымъ гарнизономъ, который назывался *надворною стражею*, а иногда *надворными козаками*. Часто нужно было помѣщикамъ отражать Татаръ, а еще чаще защищаться отъ бродячихъ шаекъ такихъ людей, какъ извѣстный во время возстанія Хмѣльницкаго староста Лащъ (явленіе вовсе не исключительное въ Польшѣ). Эти надворные козаки, слабо привязанные къ своимъ панамъ, оставляли ихъ при наступленіи великой опасности и увеличивали собою козацкое ополченіе.

(3) Пивоварня. Хмѣльныхъ напитковъ выкуривалось и варилось тогда очень много. Корсунскій полковникъ Филоненко, въ извѣстной думѣ, набирая охотниковъ, обращается преимущественно къ винокурамъ и пивоварамъ:

«Ви, ви́нники, ви, бровáрники!
Годі вамъ по ви́нницяхъ горíлокъ кури́ти,
По броваря́хъ пи́въ вари́ти,
Спи́ною сáжи вытирати!
Ходíмъ зо мною на Черкéню—доли́ну гуля́ти,
Слáви—рыцáрства козáцькому війську доставáти!

тогда-то «разлилась козацкая слава по всей Украинѣ», какъ поютъ наши бандуристы.

Гдѣ же проживалъ, гдѣ скитался Паволочскій поповичъ Шрамъ во всѣ эти десять лѣтъ отъ Остряницы до Хмѣльницкаго? Много заняла бы мѣста подробная о немъ повѣсть. Сидѣлъ онъ зимовникомъ, то есть жилъ хуторомъ, среди дикихъ степей въ Низовьяхъ Днѣпра; проповѣдывалъ онъ божію правду рыбакамъ и чабанамъ (пастухамъ) запорожскимъ; побывалъ онъ на полѣ и на морѣ съ Запорожцами; видалъ не разъ и не два смерть въ глаза, и закалился въ военномъ ремеслѣ такъ, что Хмѣльницкій, поднявшись на Ляховъ, имѣлъ въ немъ крѣпкую опору. Никто лучше Шрама не водилъ козаковъ въ схватку: никто, такъ какъ онъ, «не вертѣлъ Ляхамъ веремѣя» (1). Въ такихъ-то случаяхъ исполосовали ему шрамами все лицо, и козаки прозвали его за то Шрамомъ. Это названіе такъ хорошо ему пришлось, что никто и не вспоминалъ реестрового его имени. Впрочемъ, и въ реестрахъ записанъ былъ онъ не отцовскимъ именемъ. Въ ту отчаянную войну козаки били на удачу: или панъ, или пропалъ; и потому не каждый вписывался въ реестръ подъ собственнымъ фамильнымъ прозвищемъ.

Но вотъ миновали, какъ короткіе святки, десять лѣтъ *Хмѣльничины*. Уже и сыновья Шрамовы подросли и служили при отцѣ въ походахъ чурами (2). Двое изъ нихъ легло въ битвѣ подъ Смоленскомъ; остался только Петро́. Еще и по смерти Хмѣльницкаго не разъ ходилъ Шрамъ на Ляховъ и Татаръ; но потомъ, чувствуя упадокъ силъ, сложилъ съ себя «полковничій урядъ», принялъ постриженіе въ священники, и прилѣпился всею душою къ церкви. «Теперь ужь Украина», думалъ онъ, «Ляховъ отблагодарила, недоляшковъ прогнала вонъ, унію уничтожила, Жи-

(1) Выраженіе козацкое. Это значило—налетѣть вьюгою; одурить непріятелю голову внезапнымъ и бѣшеннымъ нападеніемъ.

(2) Оруженосцами. Чуры были самые близкіе повѣренные не только у простыхъ козаковъ, но и у старшинъ. Служить чурою значило учиться не одному военному ремеслу, но и вѣрности. Отъ своихъ чуръ козаки ничего не скрывали.

довъ передушила. Пускай теперь живетъ умомъ громадскимъ» (1).

Послѣ военныхъ бурь и общественной дѣятельности въ санѣ полковника (2), Шрамъ полюбилъ тишину домашней жизни. Въ случаѣ надобности, онъ посылалъ въ походы сына, а самъ хозяйничалъ на сѣнокосахъ и поляхъ, сиживалъ одинокимъ пустынникомъ въ пасикѣ, а въ праздники молился съ народомъ Богу, и потомъ распивалъ съ старыми пріятелями меды и наливки; любилъ изрѣдка посѣтить хуторъ такого жъ, какъ и самъ, пасичника, заброшенный въ какомъ нибудь глухомъ баіракѣ, чтобы помянуть за чаркой старину; любилъ и у себя въ хатѣ, увѣшанной, по тогдашнему, оружіемъ, употчивать далекаго и близкаго гостя; словомъ—велъ такую жизнь, о какой только можетъ мечтать козакъ подъ старость.

Такъ думалъ онъ окончить дни свои; думалъ, что Малороссія наконецъ успокоится отъ войнъ, опустошавшихъ ее въ теченіи полувѣка. Но этой странѣ предназначено было долго еще волноваться, горѣть пожарами и обливаться кровью. Сперва замутилъ козацкія головы хитрый Выговскій; потомъ недостойный сынъ Хмѣльницкаго, Юрій, своимъ слабодушіемъ далъ Полякамъ возможность схватиться снова за Украйну. Преемникъ Юрія Хмѣльницкаго, Павелъ Тетера, радъ былъ отдать имъ во власть все безоружное населеніе края, лишь бы только удержать за собою лестное имя козацкаго гетмана. Уже польскіе паны, пользуясь его потачкою, входили въ старыя свои права

(1) *Громада*—общество. Громадское или общинное начало было развито нѣкогда очень сильно въ Малороссіи. Въ каждомъ селѣ были еще въ царствованіе Елисаветы Петровны избирательныя власти подъ именемъ *громадскихъ мужей*, которые пользовались великимъ уваженіемъ въ народѣ. Старинная дума говоритъ:

«Тогò не знали нì чýры козацькиì,
Нì мýжи громàдськиì,
Щò панъ Хмельницькиѝ....
У городì Чигиринì задýмавъ вже ѝ загадàвъ.»

(2) Полковникъ былъ не только предводитель козаковъ своего полка, но и верховный судья всѣхъ живущихъ въ округѣ того полка; по обширности своей власти, онъ былъ равенъ удѣльному князю.

на западной сторонѣ Днѣпра; подъ ихъ защитою и Жиды начали прибирать къ своимъ рукамъ откупа и разныя отрасли промышленности. Старый Шрамъ видѣлъ, къ чему это клонится; душа его возмутилась страшными опасеніями. Лучшая часть Малороссіи, по Днѣпръ, именно та, которая всего больше употребила усилій для соединенія съ Московскою Русью, готова была отпасть отъ нея въ добычу иновѣрцамъ. Всего грустнѣе было предчувствовать это сподвижнику Хмѣльницкаго, и онъ рѣшился противодѣйствовать Тетерѣ всѣми возможными мѣрами.

Онъ предостерегалъ простолюдиновъ отъ обольщеній противо-московской партіи, и поселялъ недовѣрчивость и нелюбовь къ гетману въ козакахъ, на которыхъ всегда имѣлъ великое вліяніе. Наконецъ, когда умеръ Паволочскій полковникъ, и на полковой радѣ (вѣчѣ) зашелъ вопросъ, кого избрать на его мѣсто, Шрамъ явился въ своей рясѣ на раду, и сказалъ козакамъ такое слово:

—Дѣти мои! наступаютъ времена грозныя: скоро опять перекреститъ насъ Господь огнемъ да мечомъ. Нужно вамъ теперь такого полковника, который бы зналъ, кто волкъ, а кто лисица. Нужна вамъ теперь не такъ рука, какъ голова, да такая голова, чтобъ знала прежнее и смекала о будущемъ. Послужилъ я православному Христіанству при батькѣ Хмѣльницкомъ; послужу вамъ, дѣти мои, еще и теперь, коли будетъ на то ваша воля.

Всѣ пришли въ восторгъ отъ такого предложенія. Шрама прикрыли шапками и знаменами, вручили ему полковничьи клейно́ды (¹), и провозгласили передъ всѣмъ народомъ полковникомъ, при пушечной пальбѣ и трубной музыкѣ.

Гетманъ Тетера съ досадою узналъ объ этомъ непредвидѣнномъ избраніи, но не былъ силенъ уничтожить опредѣленіе полковой рады, такъ какъ рада—выражаясь словами народа—была старше гетмана. Прислалъ Тетера Шраму подтвердительный свой универсалъ на титло полковника, и оба они сохраняли видъ пріязни, но втайнѣ наблюдали подозрительно каждое дѣйствіе другъ друга. Наконецъ

---

(2) Такъ назывались знаки власти: булава, бунчукъ и литавры.

Шрамъ задумалъ что-то рѣшительное, распустилъ слухъ о своей болѣзни, и, сдавши управленіе полкомъ и городомъ своему эсаулу Гулаку, выѣхалъ изъ Паволочи, будто бы въ одинъ изъ дальнихъ своихъ хуторовъ *на покой*. Въ тѣ времена рѣдко прибѣгали въ недугахъ къ другимъ лѣкарствамъ, кромѣ покоя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Чи вжè жъ дармо та безщàсна Украïна Бóгові молила,
Щобъ міцнà Его воля съ-підъ кормы́ги Лядськоі слобони́ла,
На позóръ да наругу невірнимъ не давàла,
Щасгьемъ наділила...
Чи вжè жъ дàрмо вонà Бóгові моли́ла?

Народная дума.

Войдя въ пàсику, Шрамъ помолился передъ образомъ святаго Зосимы, покровителя пчелъ. Образъ стоялъ на высокомъ ульѣ подъ небольшимъ навѣсцемъ, который защищалъ святого Зосиму отъ дождя, и сверхъ того образъ прикрытъ былъ, на подобіе рамки, бѣлымъ рушникомъ, разшитымъ красными нитками.

Василь Невольникъ былъ преданъ душою святому Зосимѣ (1), и, пока Шрамъ тихо молился, онъ благословлялъ Бога и его угодника за то, что они научили людей пчеловодству. Онъ вѣрилъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, что въ старину пчелы были извѣстны только какимъ-то *Плясовицамъ*, которыя при восходѣ солнца, мѣсяца и звѣздъ плясали на нашихъ степныхъ могилахъ: святой Зосима, по повелѣнію божію, служилъ у нихъ пасичникомъ и потомъ научилъ весь народъ обходиться съ пчелами. Объ этомъ-то подвигѣ святого распространился было Василь

---

(1) Старосвѣтскіе Малороссіяне подъ конецъ жизни большею частію пристращались къ пасикѣ. Такъ славный кошевой отаманъ Сиркò окончилъ дни свои въ уединенномъ зимовникѣ среди степей запорожскихъ, занимаясь пчеловодствомъ.

Невольникъ; но вниманіе Шрама было развлечено отдаленными звуками бандуры и пѣніемъ.

—Что́ это? спросилъ онъ.—Ужъ не Божій ли Человѣкъ гоститъ у васъ?

—А кто же другой могъ бы такъ играть и пѣть, какъ не *Божій Человѣкъ?* отвѣчалъ Василь Невольникъ. — Такого кобзаря не было, да и не будетъ уже межъ козаками. Когда онъ поетъ про козацкую славу — волосъ на головѣ вянетъ, и душа въ гору ростетъ! Охъ, Боже правый, Боже правый! три года я не слышалъ....

Но Шрамъ, не слушая обычныхъ его сѣтованій, пошелъ на голосъ далѣе. Скоро увидѣлъ онъ подъ деревомъ Божьяго Человѣка и Череваня. Они сидѣли на травѣ по-турецки, поджавъ подъ себя ноги, а передъ ними стоялъ полдникъ съ подкрѣпительнымъ напиткомъ въ мѣдномъ тонкошеемъ кувшинѣ. Божьимъ Человѣкомъ назывался слѣпой кобзарь или бандуристъ, пользовавшійся у козаковъ необыкновеннымъ почтеніемъ,—и не за однѣ пѣсни. Онъ былъ одаренъ, какъ думали, сверхъестественнымъ разумѣніемъ языка всѣхъ травъ и растеній. Каждая былинка въ полѣ, каждая травка въ лѣсу говорила ему, отъ какой болѣзни она помогаетъ. По этому-то онъ исцѣлялъ самыя опасныя раны, и вылѣчивалъ отъ всякихъ болѣзней. Иные приписывали чудесную силу не столько травамъ, которыми онъ обкладывалъ и поилъ больныхъ своихъ, сколько его долгимъ молитвамъ, которыми онъ облегчалъ самыя жестокія страданія. Говорили также, что и пѣсни его дѣйствовали на больныхъ, какъ чары: заслушается человѣкъ его чудныхъ, сладкихъ рѣчей подъ звонъ бандуры, и впадаетъ въ такое забытье, какъ будто душа отдѣлилась отъ тѣла. Онъ не искалъ награды за труды свои, но просилъ пожертвовать что́-нибудь для выкупа козаковъ, томившихся въ неволѣ у Турокъ и Татаръ. Многіе такимъ образомъ были обязаны ему своимъ освобожденіемъ; за то не было ему и другаго имени, какъ *Божій Человѣкъ*. Наружность его вполнѣ соотвѣтствовала этому имени. Съ длинной сѣдой бородой, съ правильными, умными и строгими чертами лица, онъ больше походилъ на благочестиваго пустынника, нежели на странствующаго козацкаго бояна.

Слушатель его, Черевань, былъ человѣкъ изъ разряда людей весьма обыкновенныхъ. Лысая, шарообразная голова, огромное брюхо, или по-малороссійски *черево*, по которому и прозвали его Череванемъ, руки съ растопырившимися отъ жиру пальцами, веселость и простодушіе въ чертахъ лица — таковъ былъ старый пріятель полковника Шрама. Слушая печальную пѣсню о Берестечской битвѣ, онъ смѣялся самымъ добродушнымъ смѣхомъ; но это происходило не отъ того, чтобъ онъ не сочувствовалъ пѣснѣ: напротивъ, онъ восхищался ею не меньше любого козака, только не умѣлъ иначе выражать чувствъ своихъ, какъ смѣхомъ.

Увидя вдругъ передъ собою Шрама, Черевань вскочилъ съ необыкновенною легкостью на ноги и вскричалъ, картавя на буквѣ *р:*

—Бгатику! ты ли это, или это твоя душа прилетѣла слушать Божьяго Человѣка?—И обнялъ Шрама, какъ роднаго, давно невиданнаго брата.

Божій Человѣкъ также обрадовался Шраму, и, оставивъ бандуру, поднялся на ноги, чтобъ осязать его. Шрамъ наклонилъ къ нему голову.

—Такъ, такъ, говорилъ слѣпой пѣвецъ, водя рукою по его:—лицу, это нашъ рыцарь, это его шрамы... И борода... Слыхали мы, слыхали, что Господь благословилъ тебя попомъ.

Василь Невольникъ радовался между тѣмъ по своему. Качая грустно головою, онъ только говорилъ:—Боже правый, Боже правый! есть же такіе люди на свѣтѣ!

—Какимъ случаемъ? по волѣ, или по неволѣ? спрашивалъ Шрама Черевань.

—Слава Богу, по волѣ, отвѣчалъ Шрамъ:—прошли тѣ проклятыя времена, когда нашимъ братомъ козакомъ помыкали вельможные пьяницы.

—И прямо ко мнѣ?

—Ну, нѣтъ, не совсѣмъ прямо: есть на свѣтѣ кое-что лучше твоихъ наливокъ. Ѣду въ Кіевъ къ церквамъ божіимъ, къ мощамъ святымъ.—А тебя жъ, батько, откуда Богъ несетъ? обратился Шрамъ къ Божьему Человѣку.

—У меня, отвѣчалъ тотъ,—одна дорога по всему свѣту: *Блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.*

—Такъ, мой батько, такъ, мой добродѣй! сказалъ Василь Невольникъ.—Пускай такъ надъ тобой Господь умилосердится, какъ ты надо мною умилосердился! Три года, не три дня, мучился я на проклятой галерѣ въ турецкой каторгѣ; не думалъ уже видѣть святорусскаго берега; а ты выпѣлъ своими пѣснями за меня сто дукатовъ, и вотъ опять я на славной Украйнѣ, опять слышу христіанскую рѣчь!

—Не меня благодари, Василь, сказалъ бандуристъ, благодари того, кто не поскупился вынуть изъ гамана́ ([1]) сотню дукатовъ: онъ, а не я, вызволилъ тебя изъ неволи!

—Развѣ жъ я его не благодарю? говорилъ Василь Невольникъ, взглянувъ на Череваня.—Монахи звали меня въ монастырь—я таки и грамотный себѣ немножко; козаки звали меня въ Сѣчь—не годъ да и не два отамановалъ я надъ Каневскимъ куренемъ, пока не попался въ проклятую неволю, и всѣ *гірла* знаю, какъ свои пять пальцевъ; но я ни туда, ни туда не захотѣлъ, а сказалъ: Нѣтъ, братцы, пойду служить тому, кто вызволилъ меня изъ бусурманской неволи; буду у него конюхомъ, буду у него послѣднимъ грубникомъ ([2]); пускай знаетъ, что̀ такое благодарность!

Черевань слушалъ его съ видимымъ удовольствіемъ.—*Ка'зна'щò ты горòдишь, бгàтіку!* сказалъ онъ, однакожъ.—Послѣ Корсуня, Пилявцевъ и Збаража ([3]), мы червонцы приполами носили. Ну, сядемъ же, сядемъ, гости мои дорогіе, да выпьемъ за здоровье пана Шрама.

И, выпивши, онъ опять обратился къ своему доброму дѣлу:—Что̀ объ этомъ толковать, бгатцы? Когда пришелъ ко мнѣ Божій Человѣкъ, да спѣлъ свою пѣсню про невольниковъ, какъ они погибаютъ тамъ на галерахъ, да раскazалъ, что и Василь нашъ тамъ же мучится,—такъ я го-

(1) Изъ кошелька.

(2) Истопникомъ. Груба—печь, но не та, въ которой готовятъ пищу: та называется и у Малороссіянъ печью.

(3) Мѣста побѣдъ козацкихъ.

товъ былъ послѣднюю сорочку отдать на выкупъ! ей Богу, братцы, такъ!

Но тутъ Шрамъ повелъ бесѣду о другомъ. Онъ обратился къ Божьему Человѣку:

—Ну, скажи жъ мнѣ, батько,—ты вездѣ странствуешь—что̀ слыхать у васъ за Днѣпромъ?

—Слыхать такое, что лучше и не говорить: межъ козаками никакого ладу: одинъ направо, а другой налѣво.

—А старшина жъ и гетманъ у васъ на что́?

—Старшины у насъ много, да некого слушаться.

—Какъ некого? А Сомко́?

—Что̀ жъ Сомко́? Сомку тоже не даютъ гетьманствовать.

—Какъ же это такъ?

—А такъ, что лукавый искусилъ на гетманство сѣдого старика Васюту Нѣжинскаго. Много козаковъ и на его сторонѣ, сильна его рука и въ царскомъ дворѣ—и тамъ за него стараются. А Сомко́, видите, не хочетъ никому *придите поклонимся*; надѣется взять правдою свое. Вотъ, какъ не стало миру межъ старшими головами, такъ и козаки пошли одинъ противъ другаго. Столкнутся гдѣ-нибудь въ шинкѣ или на дорогѣ: «Чья сторона?»—А ты чья?»—«Васютина.»—«Убирайся жь къ нечистому, боярскій подножекъ!»—«Нѣтъ, убирайся ты, Переяславскій кра̀марь!» Это, видите, противъ того, что у Сомка есть *крамныя комо̀ры* (1) въ Переяславѣ. Вотъ и схватятся....

Слушая такой неутѣшительный разсказъ, нашъ Шрамъ и голову повѣсилъ: стѣснили ему сердце эти новости.

—Да постой же! сказалъ онъ, вѣдь Сомка̀ жъ избрали гетманомъ въ Козельцѣ?

—Избрали, и самъ преосвященный Меѳодій былъ тамъ, и приводилъ козаковъ къ присягѣ гетману Сомку; а послѣ опять все разстроилось; а разстроилось, коли хочете знать, отъ Сомковой прямоты, а иные говорятъ—отъ скупости. Ну, я Сомка знаю не за скупаго. Теперь-то онъ казну свою бережетъ крѣпко, только на добрыя дѣла, на общую корысть, а не изъ скупости.

---

(1) Лавки съ товарами.

—Какое же кому дѣло до его казны? спросилъ угрюмо Шрамъ.

—А такое, какъ и до крамныхъ коморъ. Зависть! Но тутъ вотъ откуда подулъ нехорошій вѣтеръ. Отецъ Меѳодій надѣялся заработать у Сомка за козацкую присягу какую-нибудь сотню червоныхъ на рясу, а Сомку и не въ догадъ. Ну, оно и ничего бы, да тутъ Васюта Золотаренко подвернулся съ искушеніемъ. Водился онъ въ старые годы съ Ляхами, звался у нихъ паномъ Золотаревскимъ, и научился всякому пронырству. Брякнулъ кисою передъ владыкою; тотъ и смастерилъ какую-то грамоту въ Москву (1),

(1) «Лѣтопись Самовидца», изданная Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, очень выразительно говоритъ о недостойныхъ поступкахъ епископа Меѳодія, стр. 35: «Епископъ Меѳодій, который на той радѣ былъ и до присяги приводилъ, также и Васюта, полковникъ Нѣжинскій, описали Сомка гетмана, же (что) конечне по Орду посылаетъ, хотячи измѣнити, *что была неправда*»; стр. 41: «Епископъ Меѳодій протопопу послалъ, при этихъ же посланныхъ отъ себе, *стараючися о ихъ згубѣ*». (т. е. о гибели Сомка и его приверженцевъ). Въ этихъ доносахъ епископъ Меѳодій является ревностнымъ слугою Московскаго правительства и Бруховецкаго, но когда Бруховецкій, 4-ю статьею такъ называемаго Московскаго договора выразилъ желаніе, чтобы въ Кіевъ присылаемы были митрополиты изъ Москвы, онъ началъ бунтовать народъ противъ одного и другаго. Бантышъ-Каменскій выписалъ рѣчь его изъ малороссійскихъ дѣлъ Коллежскаго Архива, и напечаталъ въ своей «Исторіи Малой Россіи» (т. II, стр. 85, изд. 1842). Вотъ она: «Малороссіяне! доколѣ будете повиноваться тирану (т. е. Бруховецкому), посягающему на драгоцѣннѣйшее ваше наслѣдіе, на ваши права, кровію предковъ пріобрѣтенныя? Доколѣ будете терпѣть отъ него безпрестанныя обиды и поруганія? Отвѣтствуйте мнѣ: кто даровалъ ему власть назначать начальниковъ вашихъ и лишилъ васъ права избирать ихъ свободными голосами?... Малороссіяне! вы зрите сіи неправды и пребываете въ бездѣйствіи. Уже время сбросить тяжкія оковы, носимыя вами. Да падетъ врагъ спокойствія вашего», и пр. Бруховецкій испугался и употребилъ всѣ средства, чтобы расположить къ себѣ епископа. Тогда Меѳодій оказался явнымъ врагомъ Московскаго правительства. Въ малороссійскихъ дѣлахъ Коллежскаго Архива хранится слѣдующее письмо его къ гетману, противъ котораго онъ недавно еще возстановлялъ народъ: «Для Бога, не плошай. Теперь идетъ торгъ о насъ: хотятъ, взявши за шею, выдать Ляхамъ. Окружай себя болѣе Запорожцами, укрѣпляй также своими людьми порубежные города. Утопающій хватается за бритву для своего спасенія. Безбожный Шереметевъ нынѣ въ тѣсной связи съ Ляхами и Дорошенкомъ. Остерегайся его и Нащокина. Мила мнѣ отчизна. Горе, если поработятъ оную Ляхи и Москали! Лучше смерть, нежели зоглъ живого. Страшись имѣть одинакую участь съ Барабашемъ.» (Ист. Мал. Росс. Бант. Кам., т. II, стр. 98.).

а тутъ и по гетма́нщинѣ пустили говоръ, что Козелецкая рада незаконная. «Надобно, говорятъ, созвать новую, полную раду, на которой бы и войско Запорожское было, да избрать такого гетмана, котораго бы всѣ слушались.» А то Васюта ищетъ себѣ гетманства и не слушается Сомка, а Запорожцы гетманомъ Бруховецкаго зовутъ....

— Бруховецкаго! вскрикнулъ Шрамъ. — А это что̀ еще за *проя́ва* (1)?

— Проява на весь свѣтъ, сущая сказка, да совершается передъ глазами, такъ по неволѣ повѣришь. Вы знаете Иванца?

— Еще бы не знать чуры Хмѣльницкаго! отвѣчалъ за всѣхъ Шрамъ, который слушалъ разсказъ Божьяго Человѣка съ нетерпѣніемъ, и, казалось, пожиралъ слова его.

— Ну, слыхали вы и про то, что онъ поссорился съ Сомкомъ?

— Слыхали, да что̀ въ этомъ?

— Кажется, Сомко назвалъ Иванца свиньею, что̀ ли? вмѣшался Черевань.

— Не свиньею, а собакою, да еще старою собакою, да еще не *на само́тѣ* или тамъ какъ-нибудь подъ веселый часъ, а передъ всею генеральною старшиною, на домашней радѣ у молодаго гетмана!

— Га-га-га! засмѣялся Черевань. Отвѣсилъ соли, нечего сказать!

— Отвѣсилъ соли, да себѣ въ убытокъ.

— Какъ такъ?

— А такъ, что не слѣдовало бы вельможному Сомку задѣвать Иванца. Иванецъ конечно былъ себѣ человѣкъ незнатный, да почетный. Служилъ онъ усердно батьку Богдану; на Дрижиполѣ даже спасъ его отъ вѣрной смерти, самъ попался въ плѣнъ, и принялъ отъ невѣрныхъ много муки. Можетъ быть, и навѣки тамъ бы пропалъ, когда бъ старый Хмѣльницкій не выкупилъ дорогою цѣною.

Далѣе Бантышъ-Каменскій разсказываетъ, что епископъ Меѳодій былъ лишенъ епископскаго сана, отправленъ въ Москву и кончилъ жизнь свою подъ стражею. (Тамъ же, стр. 102.)

(1) Чудо, необыкновенное явленіе.

Въ чести былъ у гетмана Иванецъ, но не бралъ отъ него ни золота, ни уряду ([1]). Простенькой, смирненькой былъ себѣ человѣчекъ, и незамѣтно совсѣмъ было его въ домѣ. Ты бъ сказалъ — такъ себѣ служка ; а посмотри, въ какомъ почетѣ у ясневельможнаго ! Бывало , проживаю въ гетманскомъ дворѣ, такъ и слышу: « Иванецъ, друже мой вѣрный! » отзывается бывало къ нему покойный гетманъ, подъ веселый часъ, за чаркою. — « Держись, Юрýсь, говоритъ, бывало, сыну; держись, Юрýсь , Иванцовыхъ совѣтовъ , когда меня не будетъ на свѣтѣ. Это вѣрная душа , онъ тебя не обманетъ. » Ну, Юрусь и держался его совѣтовъ, и чтò , бывало , скажетъ Иванецъ, тó уже свято. А Сомкó, сами знаете, доводится дядя Юрусю; его мать была родная сестра Сомкова; вѣдь старый Хмѣль былъ въ первый разъ женатъ на Ганнѣ Сомковнѣ; такъ Сомку и не понравилось, что Иванецъ управляетъ его племянникомъ. Разътрактовала о чемъ-то старшина у молодаго гетмана, а Иванецъ , прислушавшись къ ихъ бесѣдѣ, и болтнулъ что-то спроста. Ну, а вы знаете Сомка: вспыхнетъ , какъ порохъ. « Пане гетмане ! говоритъ , стараго пса непристойно бы мѣшать въ нашу бесѣду. » Вотъ какъ оно было, панóве, коли хочете знать. Я самъ случился на то время въ гетманскомъ *будúнкѣ* ([2]), и слышалъ всѣ рѣчи своими ушами. При мнѣ же сдѣлалась и тревога ночью, когда Сомко поймалъ Иванца съ ножомъ въ рукѣ возлѣ своей постели. Вотъ и судили его войсковою радою, и присудили отрубить голову. Оно бы такъ и было , панове ; да Сомко выдумалъ ему хуже кару : посадить на свинью и провезти по всему Гадячу.

—Га-га-га! захохоталъ отъ всей души Черевань. *Котýзі по заслýзі!*

Но Шрамъ сказалъ мрачно: — Чтó объ этомъ расказывать? Все это мы давно слышали.

— А о томъ слышали, чтó сдѣлалъ послѣ Иванецъ?

— А чтó жъ онъ, бáтику, сдѣлалъ? спросилъ Черевань.

---

(1) Должности по службѣ.

(2) Въ хоромахъ.

Если бъ я былъ на его мѣстѣ, то, ей Богу, не знаю, что́ бъ я и дѣлалъ послѣ такого казуса! Какъ тебѣ кажется, Василь?

Василь Невольникъ покачалъ только головою.

— Вотъ что́ сдѣлалъ Иванецъ: подружился съ нечистымъ; давай деньги копить, давай всякому угождать, кланяться, давай просить у молодаго гетмана почетнаго уряду. Вотъ и сдѣлали его хорунжимъ; да какъ пошелъ Юрусь въ монастырь, такъ Иванецъ—вѣдь у него были отъ скарбницы ключи—подчистилъ все сребро и золото, да на Запорожье. А тамъ сыпнулъ деньгами, такъ Запорожцы за нимъ роемъ: «Иванъ Мартыновичъ! Иванъ Мартыновичъ!» А онъ ледачій со всѣми братается, да обнимается...

—Ну, что́ же изъ этого? спросилъ нетерпѣливый Шрамъ, между тѣмъ какъ его губы дрожали отъ какой-то страшной мысли.

— А вотъ что́: Запорожцы такъ его полюбили, что созвали раду, да и бухъ Иванца кошевымъ!

— Какъ! Иванца кошевымъ отаманомъ!

— Нѣтъ, не Иванца, а Ивана Мартыновича. Теперь уже онъ Иванъ Мартыновичъ Бруховецкій!

— Силы небесныя! вскрикнулъ, схватившись за голову, Шрамъ. Такъ это его-то зовутъ Запорожцы гетманомъ?

— Его, пан'отче, его самаго.

— Боже правый, Боже правый! отозвался самъ къ себѣ Василь Невольникъ. — Переведется же, видно, скоро совсѣмъ Запорожье, коли такихъ кошевыхъ выбираютъ!

А Черевань отъ удивленія смѣялся такъ же, какъ и отъ радости.—Га-га-га! вотъ, братцы, диковинка, такъ, такъ! и во снѣ никому такое диво не снилось!

— Братья мои милые! сказалъ, помолчавши, Шрамъ, тяжело моему сердцу; не въ силахъ я больше передъ вами таиться. Ѣду я не въ Кіевъ, а въ Переяславъ, къ гетману Сомку, а ѣду вотъ за чѣмъ. Украину разодрали на двѣ части, и одна скоро попадетъ въ лапы Ляхамъ. Легко это сказать?... Я думалъ, что Сомко крѣпко сидитъ на гетманствѣ; и если бъ было такъ, то можетъ быть... нѣтъ, навѣрное знаю, что уговорилъ бы его вести козацкіе полки

на ляденкаго прислужника Тетеру, опановать всѣ украинскіе города, и сдѣлать изъ обоихъ береговъ Днѣпра одну гетманщину, какъ было при Хмѣльницкомъ. Горьки мнѣ, батько, твои вѣсти; перевернули онѣ мнѣ всю душу... но еще не совсѣмъ бѣда... еще все пойдетъ въ ладъ; только бы всякая вѣрная душа подала одна другой руку. Поѣзжай со мной за Днѣпръ, Божій Человѣче; тебя козаки почитаютъ; твоего совѣту послушаются...

— Нѣтъ, мой добродѣй, отвѣчалъ бандуристъ, не намъ мѣшаться въ ваши усобицы: намъ указалъ Господь особую дорогу. Будетъ съ меня и давнишнихъ походовъ. Богъ отнялъ у меня очи и повелѣлъ мнѣ идти другимъ путемъ къ вѣчному свѣту....

— Ты и пойдешь своимъ путемъ, сказалъ Шрамъ: никто тебя съ твоей дороги не совратитъ. Мы саблею, а ты разумнымъ словомъ; мы военнымъ совѣтомъ, а ты пѣснями направишь козацкія сердца къ согласію.

— Не мнѣ учить васъ, козаковъ, коли васъ бѣды не научили! отвѣчалъ Божій Человѣкъ. Да и слушать меня никто изъ вашихъ старшинъ не будетъ. Все теперь полѣзло въ панство да въ чванство. Разбогатѣвши, всѣ стали такъ умны, что нашему брату только и бесѣды, что съ простымъ народомъ. Старшина начала через-чуръ шляхетствовать. Тѣ же недоляшки!... Уже имъ не по вкусу и старинныя козацкія пѣсни, которыя, и людей возвеселяютъ, и Богу непротивны. Вмѣсто кобзарей завели себѣ мальчиковъ съ бандурками,—играй имъ только къ танцамъ, да къ смѣхотворству. И наша темная, невидящая старчота, ради того несчастнаго куска хлѣба да чарки горилки, бренчитъ имъ всячину; забыли и страхъ божій. Ужъ жь ты не видишь ничего, уже ты какъ будто взятъ съ этого свѣта: за чѣмъ же тебѣ возвращаться къ грѣхамъ человѣческимъ? Умудрилъ Господь твою слѣпоту, такъ пой же добрымъ людямъ, не прогнѣвляя Господа; такъ пой, чтобъ человѣка не на зло, а на добро направить!

— Братцы! сказалъ Черевань, полно вамъ толковать про войсковыя суматохи да про чванство! Здѣсь у насъ этого, слава Богу, нѣтъ. У насъ все тихо да мирно. Ко мнѣ

ѣздятъ добрые люди изъ Кіева; я тоже не забываю въ Кіевѣ добрыхъ пріятелей. Пьемъ себѣ да вспоминаемъ старину; а о новомъ времени пускай горюютъ новые люди! Пойдемте-ка въ хату. Когда задумали вы ѣхать за Днѣпръ, то помоги вамъ, Боже; но только прошу васъ, не говорите больше объ этомъ. Отложимъ, бгатцы, на этотъ вечеръ всякое попеченіе и повеселимся такъ, *щобъ ажъ ворогáмъ булò тя́жко!*

Такъ говоря, Черевань поднялся съ своего мѣста и повелъ своихъ гостей къ хатѣ.

Шрамъ шелъ за нимъ, потупивъ глаза въ землю и грустно качая головою. Василь Невольникъ, глядя на него, выражалъ обычною поговоркою свое сочувствіе. Божій Человѣкъ былъ свѣтелъ лицомъ и спокоенъ, какъ будто его душа жила не на землѣ, а на небѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Чи всі тиі сады цвіту́ть,
Що веснóю розвиваютця?
Чи всі тиі вінчаютця,
Що вірнéнько да кохáютця?

Половúна сáду цвіте́,
Половина осипáетця:
Однá пáра вінчáетця,
А другáя розлучáетця.

Народная пѣсня.

Между тѣмъ какъ старики толковали о козацкихъ дѣлахъ, Петро Шраме́нко, пустивъ коней на пашу, вспомнилъ, что у Череваня есть дочка, которую молва прославила красавицею невиданною. Онъ зналъ ее, когда она была еще дитятею, и часто съ нею рѣзвился, забывая свои лѣта. Теперь она была невѣста, и слухи о ея красотѣ не были преувеличены. Онъ не пошелъ въ пасику, а поспѣшилъ вмѣсто того къ хатамъ, изъ которыхъ одну, повыше и пороскошнѣе, занималъ самъ Черевань съ семействомъ, а въ другой жили его подсосѣдки и наймыты, составлявшіе въ то время обычную челядь у богатыхъ

людей. Вдали за огородомъ виднѣлись еще два дымаря изъ-за деревьевъ.

Хата пана Черевана отличалась тѣмъ, что въ ней устроено было такъ называемое *поддашье*, то есть углубленный въ самую постройку навѣсъ, въ прохладѣ котораго семейство *господаря* (1) проводило жаркіе часы лѣтнихъ дней. У другой хаты навѣсъ выступалъ впередъ, и опирался на рѣзные столбики, тогда какъ здѣсь онъ былъ забранъ снаружи окончатою легкою стѣною съ зигзагами, какіе до сихъ поръ попадаются въ развалинахъ старинныхъ деревянныхъ колоколенъ. Подъ крышею висѣли сухія травы и коренья, собранные весною для разныхъ цѣлительныхъ настоекъ и припарокъ, такъ какъ народная медицина была тогда въ полномъ своемъ ходу, за отсутствіемъ медицины ученой. Подъ окнами, за низенькимъ частоколомъ, насажено было множество цвѣтовъ. Старая яблонь стояла у самаго входа въ поддашье, наклонивъ къ землѣ раскошныя свои вѣтви, и, вся осыпанная крупными цвѣтами, издавала сладкое благоуханіе и жужжала роями пчелъ. Солнце, закатываясь за вершины окрестныхъ деревьевъ, облило краснымъ свѣтомъ позеленѣлыя соломенныя крыши съ тяжелыми закуренными дымарями, раскидистую побѣлѣвшую отъ верху до низу яблонь, пучки сухихъ травъ подъ крышею, рѣзаную зигзагами наружную стѣну поддашья, бѣлыя стѣны хатъ, и сверкало огнемъ въ круглыхъ шибкахъ старосвѣтскихъ оконъ. Жилище Черевана казалось въ это время царскимъ жилищемъ. Кругомъ зелено, свѣжо, просторно... прожилъ бы вѣкъ въ такомъ затишьи и не соскучился!

Такія чувства приходятъ въ душу особенно послѣ долгой и утомительной дороги. Такъ чувствовалъ и мой Петро, подходя къ хатѣ Черевана; а изъ хаты, какъ нарочно, сквозь поднятыя до половины окна и отворенныя настежъ, по лѣтнему, двери, неслась молодая, весенняя пѣсня, которая и зимой возвращаетъ душу къ веснѣ, къ цвѣтущимъ садамъ, къ протоптаннымъ черезъ нихъ тропинкамъ, къ

---

(1) Господарь—обыкновенное названіе *хозяина* въ почтительномъ смыслѣ.

таинственнымъ перелазамъ, криницамъ и всей обстановкѣ молодыхъ встрѣчь и приключеній. Такая пѣсня неслась навстрѣчу гостю, какъ призывъ, какъ обѣщаніе всего, что̀ такъ прекрасно грезится юношеской душѣ. Онъ легкими шагами, безъ шуму, прошелъ черезъ поддашье, вымощенное прохлаждающими ка́хлями, черезъ сѣни, изъ которыхъ одна дверь вела въ пустую на то время свѣтлицу, и, заглянувъ на лѣво въ пекарню, увидѣлъ тамъ жену Черевання и ея дочку, которая носила въ семействѣ уменьшительное имя Леся.

Пекарня съ *комна́тою*, въ тѣ времена простоты нравовъ, составляла жилую половину дома; *свѣтлица* съ *комна́тою* назначалась для пріема гостей, и тутъ ужъ сосредоточивалась вся тогдашняя роскошь домашняго убранства. Въ пекарнѣ, кромѣ обычной малороссійской чистоты да цвѣтовъ за *сво̀локомъ* (¹) и за образами, не было замѣтно никакихъ стараній объ убранствѣ. Правда, висѣли въ нѣсколькихъ мѣстахъ по стѣнамъ бѣлые *рушники*, роскошно вышитые красными и синими узорами. Но лучшее украшеніе пекарни составляли женщины. Обѣ были красавицы, въ своемъ родѣ. Череваниха была то, что̀ называется *сама въ себѣ*, то есть въ полномъ развитіи тѣлесныхъ формъ. Лѣта прибавили ей тучности, но не уменьшили игры румянца на щекахъ и блеску умныхъ и веселыхъ глазъ, которымъ черныя брови придавали особенную выразительность. Засучивъ по локоть широкіе разшитые узорами рукава сорочки, она своими панскими, полными и довольно изнѣженными руками лѣпила вареники къ ужину. Вареники были любимымъ кушаньемъ пана Черевания, и онъ утверждалъ, что во всемъ мірѣ никто не сдѣлаетъ ихъ лучше его Мела́си (²). Пани Череваниха охотно тому вѣрила, и угождала своему мужу. Нарядъ ея былъ простъ: плахта, запаска, безрукавая кофта, на головѣ приношенный парчевый очипокъ; но что она была богатая пани, это было видно изъ дорогаго ожерелья, сверкавшаго въ ея

(1) Брусомъ, на который опираются потолочныя перекладины.
(2) Уменьшительное отъ Меланіи.

намистѣ и изъ алмазныхъ колецъ на рукахъ. Украшенія гордыхъ польскихъ панiй перешли тогда къ женамъ отважныхъ козаковъ, которыя носили ихъ ежедневно, какъ вещи неизносимыя, а пожалуй, и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ ихъ высокой цѣнѣ.

Леся Черевановна была портретомъ своей матери, написаннымъ въ дѣвическія лѣта ея. На ней, кромѣ нитки кораллловъ, длинныхъ плоскихъ цѣпочекъ изъ чистаго золота вмѣсто серегъ и свѣжихъ цвѣтовъ за золототканной лентой вокругъ головы, не было никакихъ украшенiй. Она надѣнетъ такія же дорогія монисты, какъ и у матери, подъ вѣнецъ, и будетъ блистать ими до старости, до тѣхъ вялыхъ лѣтъ, когда ея общество будутъ составлять одни внучата, которыхъ будутъ занимать ея сказки, ея старинныя пѣсни и прибаутки, а не дорогія украшенія. Но кто думаетъ о будущей зимѣ въ самый разцвѣтъ весны! Леся была прекрасна какъ весна, въ своемъ малиновомъ корсетѣ, стянутомъ на груди золотыми шнурками, въ своей коронѣ изъ цвѣтовъ, съ наклоненною немного на бокъ головою и глазами, опущенными въ тихой задумчивости на руки, которыя проворно перебирали на столѣ только что собранныя ею въ рощѣ сыроѣжки для ужина. Пѣсня лилась у нея медленно и окружала ея голову грезами любовныхъ свиданiй, разлуки, лунныхъ ночей, тихихъ рѣчекъ съ гибкими черезъ нихъ кладками, зеленыхъ яворовъ, наклонившихся надъ водою. Она не пѣла, а какъ-будто мечтала вслухъ, какъ обыкновенно поетъ въ уединеніи задумчивая Украинка. Сама мать заслушалась ея и давно уже молчала, погрузясь въ свое занятіе.

Въ эту минуту Петро наклонился, чтобъ пройти въ низкую дверь, и потомъ выпрямясь выше ея узорчатаго косяка, остановился у порога. Въ одной рукѣ держалъ онъ высокую баранью шапку, которой красный колпакъ повисъ почти до полу, другою придерживалъ саблю, чтобъ не брепчала; но предосторожность была напрасна. Череваниха почти въ то же мгновеніе, какъ онъ вошелъ, оглянулась, и узнала его съ разу. Леся тихо вскрикнула, и обѣ подошли къ гостю. Пока Череваниха обтирала муку на ру-

кахъ, чтобъ обнять Петра по обычаю тогдашняго здорованья, онъ смотрѣлъ на бывшую маленькую рѣзвушку, и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Она сама почувствовала, что молодцоватый козакъ теперь для нея другой человѣкъ, и, встрѣтясь съ нимъ глазами, тотчасъ опустила ихъ внизъ и стояла передъ нимъ, какъ на картинѣ, держа пальцы одной руки въ другой и нѣжно склоня на бокъ голову, съ той граціей, какую природа внушаетъ какъ-будто однѣмъ только Украинкамъ.

Петро, поздоровавшись съ пригожею, полнощекою Череванихою, остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ, и самъ казался смущеннымъ передъ пышно развернувшеюся красотою Леси.

— Да поцѣлуйтесь же! сказала весело Череваниха.— Или вы не узнали теперь другъ друга?

Смѣлый козакъ несмѣло подступилъ къ красавицѣ и, поцѣловавъ ее, какъ будто выпилъ сладкой отравы. Все въ немъ мгновенно измѣнилось. Онъ почувствовалъ душою тотъ великій, пророческій мигъ, въ который какъ-будто свыше назначается человѣку его суженая.

— Ну, просимъ же у насъ садиться, сказала хозяйка, протирая своимъ передникомъ на лавкѣ мѣсто, хотя лавка была совершенно чиста.—Ну, вотъ не вѣрь примѣтамъ! Сегодня сорока передъ окномъ скрекеке́ да скрекеке́! Я и сказала: «Будутъ же у насъ, доню, гости!» И кошка всё умывалась на постели.

И засыпала Петра вопросами объ его отцѣ и обо всемъ, что́ мы ужъ отчасти знаемъ. Петро отвѣчалъ ей вяло и разсѣянно. Душа его вступила въ новую жизнь: впервые онъ почувствовалъ, что любитъ, но не понималъ, что́ съ нимъ сдѣлалось,—отъ чего сердце его сжалось тоскою...

Прошло въ такой бесѣдѣ довольно времени. Пани Череваниха посматривала на него съ удивленіемъ, и взглядомъ давала замѣтить дочери свое удивленіе; иногда качала она головой, продолжая свое занятіе; наконецъ потеряла терпѣніе, и сказала:

— Что́ это, Петрусю! (она, по старой памяти, называла его дѣтскимъ именемъ). Ты какъ-будто въ воду опущенъ!

Усталъ въ дорогѣ? Нѣтъ, не то. Такіе козаки въ дорогѣ не устаютъ. А вижу я—ты что-то грустенъ. Не такимъ привыкла я тебя видѣть. Правда, тогда лѣта твои были еще не для смутку. То уже теперь зашла та пора, что, говорятъ, дѣвичьи очи мерещатся козаку и днемъ и ночью. Видно, оставилъ въ Паволочи свою чернобровую? Признайся намъ по правдѣ.

— Можетъ быть, и оставилъ, сказалъ Петро,—можетъ быть, и не одну оставилъ; только всѣ онѣ, сколько бъ ихъ ни было, не стоятъ...

Онъ взглянулъ на Лесю и не договорилъ. Мать въ одно мгновеніе смекнула дѣломъ, и подхватила:

— Не стоятъ того, чтобы тосковать!... Слышишь, Леся, какіе теперь козаки пышные да гордые стали? Что̀ жь, доню, о насъ, хуторянкахъ, скажутъ?

Взглядъ, который она бросила при этомъ на Лесю, выражалъ материнскую гордость. Красавица засмѣялась, слегка закинувъ голову, и, взглянувъ на мать съ довѣрчивостью нѣжной дружбы, отвѣчала:

— Ничего не скажутъ, мамо. Кто насъ знаетъ? Кто насъ видитъ?

Эти слова, сказанныя шутливымъ голосомъ, сильно подѣйствовали на мать. Она бросила свое дѣло, быстро повернулась къ дочери, и, ударивъ себя объ полы руками съ тѣмъ жестомъ, которымъ Малороссіянки выражаютъ досаду, начала говорить раздраженнымъ голосомъ:

— А что жъ, развѣ не правда? и никто не будетъ видѣть, никто не будетъ знать, пока будемъ сидѣть въ этомъ монастырѣ! Говорю тебѣ, Леся: проси отца, чтобъ повезъ насъ за Днѣпръ къ дядѣ Гвинтовкѣ!

— Что̀ мои просьбы, мамо? отвѣчала дочь.—Онъ отбудетъ меня смѣхомъ да шуткою; а вамъ бы просить его!

— Мнѣ просить!... Я уже голову ему прогрызла; такъ что̀ же, когда лѣнь совсѣмъ одолѣла человѣка! Въ Кіевъ его не поднимешь, а не то за Днѣпръ! Ты не повѣришь, Петру́сю, продолжала пани Череваниха, принимаясь снова за вареники,—какъ обсидѣлся дома мой Михайло. Слышалъ ты, какъ трудно сдвинуть камень, которымъ нава-

лежъ кладъ? Нужно запречь двѣнадцать черныхъ воловъ отъ одной коровы. А его не сдвинешь съ мѣста никакими чарами.

И разсмѣялась пани Череваниха отъ своей шутки; и досады какъ не бывало. А взглядъ ея по прежнему устремлялся на Петра; только, вмѣсто удивленія, въ ея лицѣ выражалось самодовольство. Она не переставала говорить съ нимъ, перебѣгая отъ одного предмета къ другому, какъ бы забавляясь неохотой, съ которой онъ отвѣчалъ ей. Его глаза и чувства стремились къ Лесѣ, но онъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ, что не умѣетъ заговорить съ дѣвушкой.

Леся сама обратилась къ нему:

— А въ самомъ дѣлѣ мы живемъ, точно въ монастырѣ. Какой великій свѣтъ Украина! Мы объ ней только слышимъ отъ людей; а какъ бы пріятно увидѣть разные города и церкви святыя своими глазами! Но страшно далеко отъѣзжать отъ Кіева!

— Чего страшно? спросилъ Петро.

— А Татары?

— Если бъ я провожалъ васъ, я провелъ бы васъ такими дорогами, которыми Татары никогда не ходятъ.

— А проводилъ бы ты насъ за Днѣпръ?

— Съ дорогою душею! воскликнулъ козакъ, которому вдругъ мелькнула возможность ѣхать за Днѣпръ вмѣстѣ съ семействомъ Череваня.

— *И оцé бъ то сёму́ правда!* сказала Леся, посмотрѣвъ на него пристально.

Петру Богъ знаетъ что́ померещилось въ этомъ взглядѣ: вся душа его отозвалась на него. Но тутъ послышался въ сѣняхъ голосъ Череваня.

— Э, да ты, братику, мнѣ жениха привезъ! говорилъ онъ Шраму, заглянувъ мимоходомъ въ пекарню.—Смотри, какъ у нихъ весело! не такъ, какъ у насъ. Щебечутъ, какъ воробьи. Что́ за чудесный вѣкъ молодецкій! Ну, Василь, веди жь ты гостей въ свѣтлицу, а я поздороваюсь съ Шрамовымъ орленкомъ.

И переваляясь через высокій порогъ, Черевань заклю-

чилъ Петра въ свои мягкія объятія, и облобызалъ его трижды со всѣмъ усердіемъ своего добродушнаго характера.

— Ну, бгатъ, говорилъ онъ, — нечего сказать, не внизъ идешь, а въ гору! То былъ молодецъ, а теперь еще лучшій. Чтобъ меня Татаринъ взялъ, коли я видѣлъ на вѣку такаго козака! Развѣ Сомко гетманъ... да что̀ намъ до Сомка? — Меласю! (обратился онъ къ своей женѣ) вотъ намъ зятекъ! Лесю! вотъ женихъ тебѣ подъ пару, такъ, такъ! Га-га-га! *Бачъ, бга́те, якій я чоловікъ!* самъ набиваюсь съ своимъ добромъ. *Такъ не бере́ жь бо ніхто́, да й го́ді!* Пойдемъ, бгатіку, со мной въ свѣтлицу. Женское дѣло — пекарня, а намъ, козакамъ, чарка да сабля.

И, взявъ Петра подъ руку, онъ потащилъ его въ свѣтлицу.

Оглянулся козакъ, переступая черезъ порогъ, и сердце въ немъ взыграло: Леся провожала его глазами, а въ глазахъ у ней сіяла нѣжность, и видно было сожалѣніе и что-то еще такое, чего не выразить никакими словами. Очевидно полюбился козакъ красавицѣ.

Свѣтлица у Черевапя не была лучше тѣхъ, какія и теперь еще можно встрѣчать въ козачьихъ хатахъ, выстроенныхъ въ тѣ времена, когда козаки не были еще мужиками [1]. Сво́локъ въ ней былъ дубовой съ рѣзьбою и надписями, изъ которыхъ одна была — текстъ изъ Псалтири: *Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудится зиждущій; аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бодрствуетъ стрегій;* а другая гласила потомству, что такого-то року (т. е. году) создася домъ сей благочестивымъ рабомъ божіимъ, войсковымъ хорунжимъ Михайломъ Череванемъ. Лавки были липовыя, со спинками; онѣ были покрыты небольшими, нарочно для того ткаными коврами. Эту роскошь вы встрѣтите и теперь еще въ старосвѣтскихъ козацкихъ хатахъ, хотя вновь уже никто изъ козаковъ не дѣлаетъ лавокъ и

---

(1) Въ договорныхъ статьяхъ Богдана Хмѣльницкаго *козакъ* противопоставляется *мужику*, какъ человѣкъ высшаго сословія. Въ универсалѣ гетмана Остряницы козаки названы *шляхетно-урожденными*.

ослóновъ со спинками, никто не покупаетъ *килимцóвъ* для нихъ. И столъ на толстыхъ точеныхъ ножкахъ, и рѣзной *бóжнúкъ* съ разшитымъ *рушникóмъ* вокругъ, и все въ свѣтлицѣ у Череваня было такъ точно усроено и расположено, какъ и теперь водится у зажиточныхъ козаковъ—все, кромѣ одной особенности, о которой изчезло уже и воспоминаніе въ народѣ. По всѣмъ четыремъ стѣнамъ свѣтлицы, повыше низенькихъ оконъ, шла дубовая полка, а на полкѣ разставлены были серебряные, золотые и хрустальные кубки, коновки, фляги, подносы и разная дорогая посуда, добытая оружіемъ. Когда жгли козаки шляхетскіе дома и княжескіе замки въ Украйнѣ, на Волыни, на Подольи и по берегамъ Вислы, то мѣшками и приполами таскали заграничный хрусталь, золото и серебро. Совершился тогда надъ Польскимъ государствомъ судъ божій; исполнился переворотъ невѣроятный: вельможные паны перестали возсѣдать съ этими кубками за многолюдными столами, перестали покрикивать на своихъ гайдуковъ и маршалковъ, и хвалиться храбростью, окруживъ сброкованную бочку съ старымъ *венгрúномъ* (1). Однихъ угнали въ Крымъ Татары, другіе пали подъ Корсунемъ, подъ Пилявцами, подъ Збаражемъ и на многихъ другихъ мѣстахъ, прославленныхъ ихъ позорною гибелью отъ руки порабощеннаго ими племени; а ихъ кубки, ихъ тяжелые ковши и украшенныя гербами полуведерныя кружки изъ чистаго золота и серебра, стояли у козака въ свѣтлицѣ. Этого мало: по стѣнамъ висѣли у него ихъ сабли, пищали дорогой работы, старосвѣтскіе татарскіе *сагайдáки* (2), шитые золотомъ *рóнды* (3), нѣмецкіе аркебузы, стальныя сорочки, которыхъ не разрубитъ никакая сабля. Но ничто не защитило вельможной, гордой шляхты отъ козаковъ и *посполитыхъ* Украинцевъ. Долго негодованіе народа возбуждало въ панахъ только надменный смѣхъ и безразсудную мстительность; наконецъ зло коснулось своихъ предѣловъ, и те-

(1) Венгерскимъ виномъ.
(2) Луки.
(3) Конскій уборъ.

перь ихъ предковскіе, сбереженные многими поколѣніями мечи сіяли не у одного Череваня въ свѣтлицѣ и веселили козацкое сердце.

— А посмотри, дидусю, сказалъ Черевань, подведя Петра къ Божьему Человѣку,—тотъ ли это Петрусь Шраменко, что̀ переплылъ Случь подъ пулями? Ей Богу, я до сихъ поръ дивуюсь! молодой мальчикъ, и такая смѣлость! Пробрался въ польскій станъ, убилъ хоружжаго и принесъ его хоругвь къ гетману! Что̀ же теперь онъ сдѣлаетъ?

Божій Человѣкъ положилъ руку на голову молодого козака, и сказалъ:—Добрый козакъ! въ отца козакъ!... Будетъ долговѣченъ и счастливъ на войнѣ; ни сабля, ни пуля его не одолѣетъ, и умретъ онъ своею смертью!

— Пускай умретъ, сказалъ Шрамъ, отъ сабли и отъ пули, лишь бы за доброе дѣло, за цѣлость Украины, что̀ разодрали на двое.

— Ну, полно, братцы, полно объ этомъ, сказалъ Черевань стараясь удалить отъ Шрама предметъ его безпокойства: я вамъ дамъ лучшую матерію для бесѣды.

И онъ досталъ съ полки большую серебряную кружку съ барельефами, представлявшими греческихъ вакханокъ. Крышка была украшена литою статуйкою Фавна.

— Жалѣю, братъ, о твоей темнотѣ, сказалъ онъ Божьему Человѣку. Пощупай-ка руками, что̀ это за дивная вещь. Это я въ Польшѣ такую себѣ добылъ.

— Суета суетъ! сказалъ бандуристъ.

— Нѣтъ, братику, не суета. Вотъ какъ выпьемъ изъ этого божка по кубку, то заговоришь иначе.

— Изъ божка? сказалъ Шрамъ. Такъ этотъ чортикъ называется у тебя божкомъ?

— Пускай онъ будетъ и чортикъ, отвѣчалъ Черевань, но, говорятъ, въ старину, у Грековъ... былъ народъ Греки—такъ, примѣромъ, какъ мы теперь козаки — народъ непобѣдимый... такъ у тѣхъ Грековъ, говорятъ, онъ былъ въ большой чести.

— А у тебя ужъ не въ такой? спросилъ Шрамъ.

— Ну, нѣтъ; на меня онъ не пожалуется, а вотъ вы смотрите, не огорчите вы его!

И, обратясь опять къ полкамъ, Черевань досталъ грубо окованный серебромъ деревянный подносъ, или, какъ говорили тогда, тáцу, на которой, съ козацкимъ искусствомъ, намалеванъ былъ Жидъ, дающій Запорожцу пить водку изъ боченка. Художникъ старался придать Жиду такое положеніе, по которому видно бы было, что онъ весь трясется отъ страха и отъ скупости; а надъ Запорожцемъ, прильнувшимъ губами къ бочонку, было надписано: *Не трясúсь, псюю́хо! гу́бы побъе́шъ!*

На такую-то тацу Черевань поставилъ нѣсколько серебряныхъ кубковъ-рѣпокъ, и началъ наполнять ихъ какою-то настойкою.

— Это, бгатцы, говорилъ онъ, у меня не настойка, а жизнь человѣческая: мертвый ожилъ бы, выпивши добрую чарку!

И поднесъ каждому по кубку, не минуя и Василя Невольника, хотя тотъ, изъ уваженія къ своему благодѣтелю, держался подальше, въ положеніи смиреннаго служки передъ игуменомъ.

— Ну, братъ Михайло, сказалъ, подкуражась немного Шрамъ, загадаю я тебѣ загадку про твоего божка—отгадай. «Стоитъ божекъ на трехъ ножкахъ. Король говоритъ: *утѣха моя*; краля говоритъ: *погибель моя.*»

— Ну, бгатику, хоть убей, ничего не второ́паю! Какъ ты сказалъ? «Король на трехъ ножкахъ, а краля говоритъ....»

— Не король, а божокъ на трехъ ножкахъ.

— *А, пекъ же его́ ма́тері, якъ му́дро!* Ну вотъ, вотъ, кажется, разгадаешь, да нѣтъ!... «Король говоритъ: *утѣха моя*»... Это бъ то, когда человѣкъ напьется, то уже тогда кричитъ: «Я король!» а жинка испугавшись: *Охъ погибель же моя! де жъ мині тепе́ръ ді́тьця!*

— Какъ разъ! сказалъ Шрамъ; видно, та жинка на твою непохожа; твоя не струсила бъ тебя, хоть бы ты былъ и королемъ!

— Еще не отгадалъ? спрашивалъ съ удивленіемъ Черевань. А ну жъ ты самъ!

— Мнѣ-то не диво, а вотъ если бъ ты показалъ свою премудрость!

— Моя премудрость, бгатику, сказалъ Черевань, знаетъ только палить да выпить, а тамъ себѣ умствуйте, какъ хотите: на то вы попы, на то вы мужи совѣта, на то вы головы народные.

— Не мѣшаетъ, однакожъ, и не-попамъ и не-мужамъ совѣта знать, сказалъ Шрамъ, что король означаетъ здѣсь тѣло, а краля—душу. Тѣло наслаждается, когда человѣкъ предается пьянству, а душа погибаетъ.

— Правда, бгатику, ей Богу правда! сказалъ съ умиленіемъ Черевань.—Выпьемъ же еще по кубку!

Но на этотъ разъ освободила его отъ заботы угощенья хозяйка. Она взошла въ свѣтлицу, румяная и веселая, какъ солнце: на кругломъ моложавомъ лицѣ ея написано было полное довольство своимъ положеніемъ, довольство мужемъ, который не слушался ея иногда только по своей лѣни,—довольство дочкой красавицей, съ которой никто не могъ равняться ни въ Кіевѣ, ни во всей Украинѣ. Вмѣсто домашняго очи́пка, надѣла пани Череваниха, для гостей, корабликъ изъ дорогаго бобра; вмѣсто кофты—легкій парчевый кунтушъ съ золотыми галунами по всѣмъ краямъ и съ золотыми крестами на перехватѣ. Отъ кораблика низко спускались по спинѣ бархатныя тесмы съ золотыми кистями. Череваниха въ этомъ нарядѣ была то, что̀ называется *пáні на всю гу́бу*.

Когда она подошла къ Шраму «подъ благословеніе», Шрамъ съ удовольствіемъ принялъ честь, подобающую его сану, но не хотѣлъ отказаться и отъ козацкаго права на поцѣлуй хозяйки. Онъ предъявилъ это право въ такой формѣ:

— Позвольте съ вами привитаться, добро́дійко.

А она отвѣчала:

— *Да якъ же изво́лите, добро́дію.*

И въ слѣдъ за тѣмъ поцѣловались трижды.

Череваниха немедленно вступила въ свою обязанность, поднесла гостямъ по кубку.

Черевань выпилъ кубокъ до дна, брызнулъ остаткам въ потолокъ и воскликнулъ:

— *Щобъ нáши діти такъ выбры́кували!*

А Череваниха, держа передъ собой недопитую чарку, повела такую бесѣду:

— Такъ это вы на богомолье, пан'отче? Святое дѣло... Вотъ, моя дружи́но (обратилась она къ мужу), вотъ какъ добрые люди дѣлаютъ: изъ самой Паволочи, изъ какого далека, ѣдутъ молиться Богу! А мы живемъ вотъ подъ Кіевомъ, и еще не были ни разу въ эту весну у Святыхъ. *Ажъ со́ромъ*! Но уже, какъ себѣ хочешь, а у меня не даромъ рыдванъ обмытъ и подмазанъ: прицѣплюсь къ пану Шраму, и куда онъ, туды и я.

— *Отъ божевільне жіно́цтво!* сказалъ Черевань.—«Куды онъ, туды и я!» А если панъ Иванъ махнетъ за Днѣпръ?

— Такъ що жъ? я не махну? Долго ли еще сидѣть намъ въ заточеніи? Вотъ уже въ который разъ передаетъ мой братъ черезъ людей, чтобъ пріѣхали къ нему въ гости! И почему бы не поѣхать?

— Да ей Богу, Мела́сю, говорилъ Черевань,—я радъ бы душею, коли бъ меня кто взялъ да и перенесъ къ твоему брату подъ Нѣжинъ. Говорятъ, и живетъ онъ хорошо,— таки совсѣмъ по пански. Не даромъ его козаки прозвали княземъ.

— Какъ будто его за достатокъ княземъ зовутъ! сказала Череваниха:—у него жинка—княгиня, Полька изъ Волыни. Какъ руйновали наши Волынь, такъ онъ захватилъ себѣ какую-то бѣдняжку княгиню,—да и красавица, говорятъ, на диво! вотъ козаки и прозвали его княземъ.

— Князь Гвинто́вка! сказалъ засмѣявшись Черевань.— То были Вишневецкіе да Острожскіе, а теперь пошли князья Гвинтовки. Знай нашихъ! А добрая, говорятъ, душа вышла съ той княгини. Поѣхалъ бы къ Гвинтовкѣ хоть сей часъ, когда бъ не такая страшная даль. Подъ Нѣжиномъ... шутка?

Въ это время заскрипѣла дубовая дверь съ намалеванными на ней Адамомъ и Евою посреди рая, и взошла въ свѣтлицу красавица дочка Череваня. Она тоже принарядилась для гостей въ дѣвичій кунтушъ, съ большимъ вырѣзомъ, открывавшимъ весь бюстъ, сквозившій изъ-подъ тонкихъ складокъ сорочки, и часть груди, перекрещенной

золотымъ снуркомъ по сорочкѣ, съ кокетливостью, которой учитъ женщинъ сама природа. Яркозеленый шелкъ кунтуша, малиновый корсетъ, видный почти весь изъ-подъ его распахнутыхъ полъ, и раздѣлявшая его бѣлая полоса съ золотымъ шнурованьемъ,—этотъ нарядъ былъ внушенъ нашимъ прабабушкамъ распускающимися маковыми цвѣтами! Хвала ихъ вкусу, простому и изящному!

— А вотъ и моя краля! сказалъ Черевань, идучи къ Лесѣ на встрѣчу.

Въ світлоньку вхóдить,
Якъ зоря́ всхóдить;
Въ світлоньку ввійшлà—
Якъ зоря́ взійшлà!

А що, бгатъ? развѣ не чѣмъ похвалиться на старости Черевапю?

Шрамъ не отвѣчалъ на это ничего и молча любовался красотою дѣвушки, когда она подошла къ нему за благословеніемъ.

Красавица потупила глаза и наклонила внизъ голову, какъ полный цвѣтокъ къ травѣ. Она какъ-будто тяготилась сознаніемъ, что она такъ очаровательна,—какъ-будто старалась скрыть блескъ красоты своей. Но красота ея сіяла какъ-бы сверхъ-естественнымъ блескомъ, и никто не могъ оторвать отъ нея глазъ. Наконецъ отецъ велѣлъ ей попотчивать гостей, какъ говорилось тогда, *изъ бѣлыхъ рукъ*. Это была самая высокая честь въ старинномъ гостепріимствѣ.

Шрамъ осушилъ кубокъ съ видимымъ удовольствіемъ и сказалъ:

— Ну, братъ Михайло, теперь и я скажу, что тебѣ есть чѣмъ похвалиться на старости.

Черевань отъ удовольствія только смѣялся.

— А чтò жъ, пріятель? продолжалъ Шрамъ, хоть у меня теперь на рукахъ другія хлопоты, но — чтобъ не упустить счастливой минуты—не отдашь ли ты свою кралю за моего Петра?

— А почему жъ не отдать, бгате? Развѣ ты не Шрамъ, а я не Черевань?

— Такъ чего жъ долго думать? давай руку, свате!

Сваты обнялись и поцѣловались. Потомъ Шрамъ взялъ за руку сына, а Черевань дочь, и свели ихъ вмѣстѣ, въ полной увѣренности, что и та и другая сторона согласны съ ихъ желаніями.

— Боже васъ благослови! говорили они. Поцѣлуйтесь, дѣти.

Петру это внезапное сватовство казалось сновидѣніемъ; онъ не помнилъ себя отъ радости. Но Леся съ испугомъ посмотрѣла па отца и напомнила ему, что матери не было въ свѣтлицѣ. Въ самомъ дѣлѣ Череваниха, улучивъ минуту, выбѣжала въ кухню къ своимъ *дівча́тамъ*, чтобъ распорядиться приготовленіемъ *вече́ри*.

Отсутствіе матери было въ глазахъ обоихъ сватовъ важнымъ препятствіемъ къ обрученію. Но пани Череваниха летала мухою по всему дому, успѣвая хлопотать за десятерыхъ, и какъ разъ во́ время показалась въ свѣтлицѣ.

— Мела́сю! сказалъ ей мужъ, видишь ли, что̀ тутъ у насъ совершается?

— Вижу, вижу, пышный мой панъ! отвѣчала жена, и тотчасъ же овладѣла рукою дочери.

Смотритъ Петро: куда же дѣвалась нѣжность въ глазахъ у Леси? куда дѣвалось сожалѣніе и то чувство, котораго никакими словами не выразишь? Она склонила голову на плечо къ матери и играется ея ожерельемъ, а на него и не взглянетъ. Гордо приподнялась ея нижняя губка: красавица была обижена сватовствомъ.

— Ну, нечего сказать, пане полковникъ, обратилась Череваниха къ Шраму, скоро вы съ своимъ сыномъ берете города. Только мы вамъ докажемъ, что женское царство сто́итъ на свѣтѣ крѣпче всякаго другаго.

Черевань восхищался бойкостью своей половины и только издавалъ свои густые: га-га-га! Но Шрамъ былъ недоволенъ перемѣною дѣйствующихъ лицъ и сказалъ:

— Врагъ меня побери, коли съ иною крѣпостью не легче совладать, чѣмъ съ бабою! Какой же вы намъ сдѣлаете отпоръ? Чѣмъ я вамъ не сватъ? чѣмъ сынъ мой не женихъ вашей дочкѣ?

Когда Шрамъ говорилъ, Черевань смотрѣлъ на него, вытаращивъ глаза; и потомъ съ такимъ же вниманіемъ обратилъ ихъ на свою хозяйку. Прочіе также выражали ожиданіе, чѣмъ это кончится, а молодые стояли, потупя глаза.

— Пане полковникъ, пріятель нашъ почтенный, сказала Череваниха, стараясь говорить какъ можно ласковѣе,—не къ тому тутъ клонится рѣчь; съ дорогою душею готовы мы отдать тебѣ свое дитя, только нужно сдѣлать это по-христіянски. Наши дѣды и бабушки, когда думали заручать дѣтей, то сперва ѣхали всею семьею на богомолье въ монастырь, или къ чудотворному образу; тамъ усердно молились Богу,—вотъ Богъ давалъ ихъ дѣтямъ и здоровье и согласіе на всю жизнь. Дѣло это святое, сдѣлаемъ же и мы его попредковски. Отправимся завтра всѣ гуртомъ въ Кіевъ, отслужимъ въ пещерахъ святымъ угодникамъ молебенъ, да тогда уже и за сватовство.

Такая рѣчь совершенно смягчила Шрама.

— Ну, нечего сказать, Михайло, обратился онъ къ Череваню, благословилъ тебя Господь дочкою, да не обидѣлъ и жинкою!

— Га-га-га! отвѣчалъ Черевань.—Да, братъ! моя Мелася не уронила бъ себя и за гетманомъ!

—*По сій же мòві да бувàймо здорòви!* сказала Череваниха, поднося гостямъ кубки.

— *Щобъ нàшимъ ворогàмъ булò тяжко!* какъ говоритъ мой сватъ, воскликнулъ Шрамъ, выпивши до дна кубокъ.

— *А діти нàши нехàй оттàкъ выбрыкують!* прибавилъ Черевань, брызнувши водкою въ потолокъ.

— Аминь, заключила хозяйка.

Такимъ образомъ нечаянное сватовство остановилось на неопредѣленныхъ условіяхъ. Ни Черевань, ни старый Шрамъ не сомнѣвались, что оно совершится въ свое время; но не такъ думалъ Петро: онъ тотчасъ догадался, что у Черевачихи есть другой зять на примѣтѣ. Печальный отошелъ онъ къ прежнему мѣсту, и въ одну минуту жизнь покрылась для него мракомъ, какъ будто до сихъ поръ онъ только и дышалъ этой дѣвушкой. Леся ушла изъ

свѣтлицы и не явилась къ ужину. А послѣ ужина тотчасъ всѣ разошлись спать.

Старому Шраму и Божьему Человѣку приготовили постели въ свѣтлицѣ, а Петру вмѣсто всякой постели предложили идти спать подъ скирду сѣна. Въ тѣ времена простоты нравовъ это былъ самый лучшій ночлегъ для молодаго козака.

На другой день, возвратясь въ свѣтлицу, Петро не нашелъ тамъ уже въ компаніи Божьяго Человѣка. Бандуристъ ушелъ изъ хутора еще до восхода солнца. Всѣ были готовы къ выѣзду; только старый Шрамъ, стоя передъ образомъ, доканчивалъ въ полъ-голоса свои утреннія молитвы. На полкахъ оставлены были только оловянные, стеклянные и глиняныя фляги, кубки и ковши, со стѣнъ изчезли дорогіе мушкеты, панцыри и сагайдаки. Все это, по случаю отсутствія хозяина изъ дому, перенесено было въ подземные тайники, безопасные отъ набѣга Татаръ или шайки гайдамакъ, никогда не переводившихся въ Малороссіи.

Старый Шрамъ велѣлъ сыну сѣдлать коней, и едва онъ съ этимъ управился, какъ и Василь Невольникъ явился на дворѣ съ рыдваномъ. Козаки тоїі эпохи такъ обогатились военною добычею, вытѣсняя польскихъ пановъ изъ Украйны, что ихъ семейства нерѣдко разъѣзжали въ княжескихъ рыдванахъ. И странно было видѣть геральдическія украшенія на этихъ рыдванахъ, у людей, которые считали эти символы простыми цацками. Гдѣ было теперь семейство, которое гордилось львами и пушками, изображенными въ гербѣ череванева рыдвана? Можетъ быть, и имя его изчезло вмѣстѣ съ его благоденствіемъ.... Черевань и Шрамъ, верхами, открыли поѣздъ; Петро хотѣлъ присоединиться къ нимъ, но какъ будто противъ воли остался у рыдвана, гдѣ мѣсто кучера занялъ Василь Невольникъ.

Хуторъ остался подъ охраненіемъ пастуховъ, пасичника и служанокъ.

Черевань не торопился ѣхать, изъ уваженія къ своей полновѣсной особѣ; поѣздъ подвигался впередъ медленно и представлялъ довольно красивую группу. По лѣсу разда-

валось пѣніе птицъ. Солнце играло на одеждахъ, нарядахъ и вооруженіи путниковъ. Посреди свѣжей весенней зелени еще ярче горѣлъ пурпуръ сукна и шелку, золотилась парча и блистали розы щекъ и свѣжихъ устъ красавицы, которая была такъ хороша въ своемъ аломъ кунтушѣ и черномъ сверху открытомъ кораблнкѣ, поднимавшемся посреди пышныхъ ея косъ наподобіе короны (1), что всѣ прочіе богомольцы казались подлѣ нея подданными, сопровождавшими свою княгиню. Можно бы подумать, что это древняя Ольга Игориха выѣзжала погулять по заповѣднымъ кіевскимъ лугамъ, и возвращается въ свою столицу, въ сопровожденіи кормилицы и приближенныхъ бояръ своихъ.

Долго Петро ѣхалъ подлѣ рыдвана молча. Мать и дочь тоже не находили, о чемъ заговорить съ нимъ. Наконецъ онъ собрался съ духомъ и сказалъ, обратясь къ Череванихѣ:

— Пани-матко! вчера дѣло пошло было на ладъ, но по твоей милости все развязалось, и не знаю, свяжется ли когда нибудь. Не по правдѣ вы дѣлаете, не во гнѣвъ вамъ будь сказано. Я къ вамъ съ искреннимъ сердцемъ, а вы съ хитростью. Скажи мнѣ на отрѣзъ, такъ чтобъ и спрашивать больше было не о чемъ, что̀ у тебя на умѣ? думаешь ли ты отдать за меня Лесю, или у тебя есть другой женихъ на примѣтѣ.

— И есть и нѣтъ, и нѣтъ и есть, отвѣчала Череваниха, не обращая вниманія на волненіе, съ которымъ говорилъ бѣдный искатель.

— Что̀ это за загадки? вскричалъ онъ. Говори мнѣ прямо, какъ козаку и рыцарю! Хоть я и такъ готовъ распрощаться съ вами на вѣки, но не знаю, почему желалъ бы,

---

(1) Дѣвушки носили очень легкіе мѣховые, или бархатные, кораблики съ открытыми тульями; молодыя женщины носили кораблики сверху закрытые, а старухи дѣлали изъ нихъ просто шапочку и надѣвали на уши. Въ домашнемъ архивѣ пановъ Ханенковъ сохранилось преданіе, что одна дѣвушка, въ доказательство любви своей, позволила одному изъ предковъ Ханенковъ сбить у нея съ головы кораблнкъ стрѣлою. Изъ этого видно, что дѣвическіе кораблики надѣвались, какъ корона.

чтобы и послѣдняя нитка между нами была перерѣзана. Еще я могу быть свободенъ, какъ соколъ, если вы мнѣ скажете на отрѣзъ—*нѣтъ*; но пока будете путать меня своими загадками, я все равно, что медвѣдь въ тенетахъ. Скажите жъ мнѣ прямо, скажите, кто у васъ на мысляхъ?

— *Э, паниченьку!* сказала безпечно Череваниха, обожди немножко! Еще рано тебѣ брать насъ на исповѣдь!

Можетъ быть, никогда въ жизни не случалось Петру блѣднѣть, но теперь щеки его сдѣлались подобны воску. Леся это замѣтила, и, взглянувъ на мать, покачала головою.

Улыбнулась гордая мать, и, какъ бы желая нѣсколько утѣшить козака, сказала съ шутливою короткостью:

— Но, какъ ты непремѣнно хочешь знать всѣ женскія тайны, то вотъ тебѣ исторія. Леся моя родилась подъ чудною планетою. Приснился мнѣ сонъ дивный, предивный. Слушай, Петрусь, да на усъ мотай. Кажется, будто посреди поля курганъ; на курганѣ стоитъ панна, а отъ панны сіяетъ, какъ отъ солнца. И съѣзжалися козаки и славные рыцари со всего свѣта, отъ Подолья, отъ Волыни, отъ Сѣвера и отъ Запорожья; покрыли, кажется, все поле, какъ макъ покрываетъ грядку въ огородѣ, и стали биться одинъ на одинъ, кому достанется ясная панна. Бились не часъ, не годину, не день и не два, какъ откуда ни возьмись молодой гетманъ на конѣ. Всѣ преклонились передъ нимъ, а онъ прямо къ кургану, и взялъ ясную панну. Такой, видишь, былъ мнѣ сонъ-видѣніе! Проходитъ день, другой—не могу забыть его! Ударилась я къ ворожкѣ. Что же ворожка, какъ ты думаешь?

— Я думаю только, отвѣчалъ Петро, что ты, пани-матко, меня морочишь; вотъ и все!

— Нѣтъ, не морочу, козаче. Слушай, да на усъ мотай, что сказала ворожка. «Этотъ сонъ пророчитъ тебѣ дочку и зятя. Дочка у тебя будетъ на весь свѣтъ красою, а зять на весь свѣтъ славою. Будутъ съѣзжаться въ городъ Кіевъ со всего свѣта паны и гетманы, будутъ дивоваться красѣ твоей дони, будутъ дарить ей сребро-золото, но никто не сдѣлаетъ ей подарка дороже того, который сдѣ-

ластъ суженый. Суженый будетъ ясенъ красою между всѣми панами и гетманами: вмѣсто глазъ звѣзды, на лбу солнце, на затылкѣ мѣсяцъ.» И вотъ въ самомъ дѣлѣ далъ мнѣ Богъ дочку—сбылись слова старой бабуси: какъ бы только не сглазить? Самъ видишь—не послѣдняя между дѣвушками. Немного погодя, зашумѣло на Украйнѣ, и стали съѣзжаться въ Кіевъ паны и гетманы — сбылись и другія слова ворожки: всѣ дивовались на мою Лесю, хоть она была тогда еще дитя; всѣ дарили ей серги, перстни и кораллы, но никто такъ ею не восхищался, какъ тотъ гетманъ, котораго я видѣла во снѣ; и онъ-то подарилъ ей это каменное намисто. Дороже всѣхъ былъ его подарокъ, и краше всѣхъ былъ молодой гетманъ. Вмѣсто глазъ звѣзды, на лбу солнце, на затылкѣ мѣсяцъ—еще разъ сбылись слова ворожки. Всѣхъ пановъ и гетмановъ затемнялъ онъ красотою. И говоритъ мнѣ: «Не отдавай, пани-матко, своей дочки ни за богатаго, ни за знатнаго, не буду жениться, пока выростетъ, и буду ей вѣрною дружиною.» Дай же, Боже, чтобъ и это сбылось на счастье и на здоровье.

Въ это время богомольцы наши достигли горъ, которыя идутъ рядомъ дикихъ картинъ отъ Кирилловскаго монастыря до Подола, и передъ ними открылся во всей красѣ видъ Кіева съ своими церквами и монастырями, съ зáмкомъ на горѣ Киселевкѣ, съ деревянными стѣнами и башнями, обнимавшими вокругъ Подолъ, и съ дальнимъ планомъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, посреди котораго тогда стояли Никольскій и Печерскій монастыри, нынѣ окруженные расширившимся Кіевомъ. Солнце еще только что выкатилось изъ-за деревьевъ, и все въ его розовомъ сіяніи—сады, церкви, горы кіевскія и дома горѣли, какъ золототканная парча.

Всѣ сотворили усердную молитву, кромѣ Петра, котораго странный разсказъ Череванихи огорчилъ до глубины души и утвердилъ его въ горестной догадкѣ. Онъ бросилъ рыдванъ и присоединился къ верховымъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Всі покóю щи́ро прáгнуть,
Да не въ оди́нъ гужъ всі тягнуть, —
Той напрáво, той налíво,
А все брáтья—тó-то ди́во!
Эй, брати́ща, порá знати,
Що не всімъ намъ пановáти!
. . . .
Сжáлься, Бóже Украіны,
Що не вку́пі мáе сы́ны!
Старинная пѣсня.

Весело и грустно вспоминать намъ тебя, старый нашъ дѣдушка Кіевъ! Много разъ покрывала тебя великая слава, а еще чаще сбирались надъ тобой со всѣхъ сторонъ бѣдствія. Сколько князей, сколько рыцарей и гетмановъ, сражаясь за тебя, обезсмертили имена свои! и сколько пролито на твоихъ древнихъ стогнахъ крови христіянской! Не будемъ вспоминать о твоихъ Олегахъ, Святославахъ, Владимірахъ; не будемъ пересчитывать половецкихъ набѣговъ и опустошеній. Ту славу и тѣ бѣдствія заглушилъ въ нащемъ народѣ татарскій погромъ, когда безбожный Батый вломился въ твои Золотыя Ворота. Переполняютъ нашу душу горячими чувствами и недавнія твои воспоминанія—воспоминанія о битвахъ за свободу нашей Церкви и національности. Много надѣлала тебѣ бѣдъ, нашъ родной Кіевъ, безумная унія! Она, вмѣсто соединенія церквей, воспламенила только страсти съ обѣихъ сторонъ и превратила святую ревность къ вѣрѣ въ жестокій фанатизмъ. Уніаты и католики обыкновенно наѣзжали съ вооруженными людьми на монастыри и монастырскія владѣнія, выгоняли изъ нихъ православныхъ, грабили церковное имущество, уничтожали духовныя школы. Православные, въ свою очередь, пользовались счастливыми обстоятельствами для возвращенія подобнымъ же способомъ своей собственности. Все время проходило въ битвахъ и тревогахъ, и кіевскія святыни, потерпѣвшія въ старые годы

отъ Татаръ, не только не возстановлялись, а приходили еще въ большій упадокъ.

Монахъ Кіевопечерскаго монастыря, Аѳанасій Кальнофойскій, описывая въ своей «Тератургимѣ» (1) тогдашній Кіевъ, и упоминая о многихъ древнихъ церквахъ, въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что отъ такой-то церкви «остались едва стѣны, а развалины покрыты землею», въ другомъ — что церковныя зданія лежатъ подъ буграми развалинъ и кажутся «погребенными навѣки»; наконецъ, дошедши до конца старокіевской возвышенности, бросаетъ грустный взглядъ на Кіевоподолъ, называя его «жалостнымъ», и говоритъ, что онъ едва ли достоинъ имени Кіева, «въ которомъ, по его словамъ, нѣкогда было церквей болѣе 300 каменныхъ, 100 деревянныхъ, а нынѣ всѣхъ едва ли 13».

Украинская лѣтопись также, въ немногихъ словахъ, но живо, изображаетъ намъ плачевное состояніе Кіева около половины XVII вѣка. «Пріиде же, говоритъ она, Хмѣльницкій въ Кіевъ, благодареніе Богу воздавая, давшему ему побѣду, и, видѣвши красоту церквей божіихъ опустошенну и на землю поверженну, плакася.»

Послѣ несчастной Берестечской битвы, Радзивилъ съ своими Литвинами излилъ всю свою месть на Кіевъ: городъ былъ разграбленъ и вызженъ безъ всякой пощады, а жители, спасшіеся отъ меча и пламени, сѣли на лодки, и ушли внизъ по Днѣпру къ Переяславу.

Съ того несчастнаго года прошло только двѣнадцать лѣтъ до описываемаго мною времени, и слѣды пожара еще не изчезли. Въ строеніяхъ весьма часто чернѣли обгорѣлыя бревна между свѣжими брусьями. Мѣстами видны были обозженные сады и пустыри, съ развалинами домовъ и съ торчащими безобразною грудою печами.

Кіевъ тогда немногимъ отличался отъ деревни—отличался только своими церквами и монастырями, деревяннымъ замкомъ на горѣ Киселевкѣ и деревянными стѣнами вокругъ города, съ башнями и бойницами. Чтò же касается до

(1) Напечатанной въ 1638 году въ Кіевопечерской типографіи.

устройства улицъ, то онѣ напоминали своимъ расположеніемъ теченіе извилистой рѣки. Линіи ихъ образовались случайно, а не по предначертанному плану. Въ иныхъ мѣстахъ улицы были очень тѣсны, въ другихъ расширялись на такое пространство, какъ далеко можно бросить рукою камень.

Выѣхавъ на одинъ изъ такихъ пустырей, называвшихся *майданами*, богомольцы наши, къ удивленію своему, увидѣли, что онъ весь загроможденъ возами, волами и лошадьми, какъ на ярмаркѣ. Шрамъ послалъ сына впередъ прочистить дорогу; но это не такъ-то легко было сдѣлать. За возами, у дверей одной хаты, сидѣла толпа народу вокругъ ковра, уставленнаго сулеями, кружками, чарками и разнаго рода посудою. Не трудно было догадаться, что хозяинъ той хаты даетъ открытый пиръ по какому-нибудь торжественному въ семействѣ своемъ случаю. Въ тѣ времена существовалъ обычай, по которому глава семейства, въ изъявленіе своей радости о рожденіи сына или дочери, о богатомъ урожаѣ и счастливомъ окончаніи уборки хлѣба, или по какому-нибудь подобному случаю, разстилалъ у порога своей хаты скатерть или коверъ, становилъ на немъ разныя кушанья и напитки, и приглашалъ выпить и закусить всякаго, кто проходилъ или проѣзжалъ мимо.

Веселая компанія, заграждавшая дорогу нашимъ богомольцамъ, состояла изъ однихъ мѣщанъ, что можно было видѣть во первыхъ потому, что, кромѣ ножей у пояса, у нихъ не было другаго оружія: одни козаки и паны имѣли право ходить при саблѣ, мѣщанамъ же позволялось носить оружіе только въ дорогѣ; во вторыхъ потому, что пояса ихъ повязаны были по жупану, а кунтуши надѣты были на распашку: въ то время одни козаки и паны опоясывались поясомъ по кунтушу; мѣщанинъ же не смѣлъ этого сдѣлать, изъ опасенія ссоры съ какимъ-нибудь забіякою изъ другаго сословія; наконецъ въ третьихъ потому, что въ одеждахъ ихъ не было краснаго цвѣту, составлявшаго принадлежность высшаго сословія: мѣщане носили тогда платья синихъ, зеленыхъ и коричневыхъ цвѣтовъ, а больше

всего лычаковые ([1]) кунтуши и жупаны, почему козаки и паны прозвали мѣщанъ *лычаками*, а тѣ ихъ — *кармазинами* ([2]).

Петро сказалъ пирующимъ громкое привѣтствіе, чтобы покрыть своимъ голосомъ ихъ шумный говоръ, и, когда нѣсколько головъ оборотилось къ нему, онъ адресовался къ нимъ съ такою рѣчью:

— Пане хозяине, и вы, шано́вная громада, проситъ Паволочскій Шрамъ пропуска черезъ вашъ таборъ.

При имени Шрама, извѣстномъ каждому въ Украйнѣ, нѣсколько человѣкъ поднялось съ любопытствомъ на ноги; и хозяинъ, котораго можно было узнать потому, что онъ вмѣсто жупана и кунтуша былъ только въ синихъ китайчатыхъ шароварахъ и въ бѣлой сорочкѣ съ красною лентою у воротника, сказалъ:

—Гдѣ жъ тотъ Шрамъ? мы видимъ передъ собою только развѣ десятую долю Шрама.—Онъ узналъ Петра и отпустилъ ему на счетъ отца мѣщанскую похвальную прибаутку.

— Какую десятую! подхватили веселые гости, развѣ сотую!

— И сотой нѣтъ! кричали многіе голоса. И изъ тысячи такихъ красныхъ жупановъ не сошьешь стараго Шрама!

Всѣ были довольны такою выходкою, какъ это видно было по смѣху, пробѣжавшему въ толпѣ.

Въ это время подъѣхалъ самъ полковникъ-попъ. Гости, едва завидѣли его сѣдую бороду, тотчасъ вышли къ нему на встрѣчу, подъ предводительствомъ хозяина, вооруженнаго большею сулеею и глиняным кубкомъ.

— Вотъ онъ, нашъ старый Шрамъ! кричало нѣсколько голосовъ, вотъ нашъ батько!

— Ге, Тарасъ! сказалъ Шрамъ, узнавъ въ хозяинѣ стараго трубача охочекомонныхъ козаковъ своихъ, по имени Тараса Сурмача, — противъ кого это ты заложилъ таборъ? Кажется жъ тихо на Украинѣ?

---

(1) Матерія *лычакъ* дѣлалась изъ пеньки, и замѣняла для небогатыхъ людей сукно.

(2) Кармазинъ—красное сукно, цѣнившееся въ старину очень дорого.

—Гдѣ тебѣ тихо, пане полковникъ! отвѣчалъ Тарасъ Сурмачъ.—Сегодня родился у меня такой рыцарь, что вся земля затряслась ([1]). Далъ мнѣ Богъ сына, такого жъ какъ и я Тараса. «Коли мышь головы не откуситъ», то и онъ будетъ побатьковски трубить козакамъ на приступы, да и теперь уже трубитъ на всю хату!

— Пускай великъ ростетъ да счастливъ будетъ, сказалъ Шрамъ.

— Чѣмъ же тебя потчивать, пане полковникъ, «ой чи медомъ, ой чи пивомъ, ой чи горілкою?»

— Ничѣмъ не потчивай меня, Тарасъ.

— Какъ-то ничѣмъ? Развѣ зарокъ положилъ? спросилъ съ удивленіемъ Сурмачъ.

— Не зарокъ, Тарасъ, а то, что, вступивши въ Кіевъ, всякому христіянину должно сперва поклониться церквамъ божіимъ.

—Добродѣю мой любезный, говорилъ старый Сурмачъ,— коли бъ я зналъ, что такая мнѣ будетъ на старости честь отъ полковника Шрама — врагъ меня побери, когда бъ я затрубилъ вамъ хоть на одинъ приступъ! Развѣ жъ ты не радъ моему Тараску, что не хочешь покропить его пеленокъ? Тебѣ видно все равно, выроститъ ли изъ него добрый козакъ, или закорявѣетъ, какъ жидовча̀!

— Радъ я ему отъ всей души, пошли ему Богъ счастье и долю; но не та пора, чтобъ пить.

— Для добраго дѣла всегда пора. Смотри, сколько возовъ стоитъ вокругъ моей хаты! Никто не отцуралея моей хлѣба-соли. Иной на ярмарку ѣхалъ, иной въ лѣсъ за лозою на огорожу, иной на мельницу съ мѣшками; но когда нужно привита̀ть новаго человѣка, то пусть ярмаркуетъ себѣ кто хочетъ, пусть свиньи лазятъ въ огородъ, а жинка рветъ на себѣ волосы: тутъ понужнѣе дѣло зашло; надо стараться, чтобъ новому человѣку не горько было на свѣтѣ жить. А то скажетъ: «Вотъ у меня сякой такой батько

---

(1) Народъ думаетъ, что рожденіе великаго человѣка всегда знаменуется землетрясеніемъ или кометою. См. «Записки о Южной Руси», т. I, стр. 165.

былъ! поскупился отпраздновать, какъ слѣдуетъ, мои родины, а теперь и ѣшь хлѣбъ пополамъ со слезами!»

— Образумься, ради Бога, Тарасъ! сказалъ Шрамъ, начинавшій терять терпѣніе. Пристало ли человѣку, пріѣхавши на поклоненіе святымъ угодникамъ....

— Да что̀ ты, кумъ, возлѣ него па̀нькаешь? сказалъ Тарасу чей-то грубый голосъ. — Развѣ ты не знаешь, что̀ все это значитъ? Это значитъ: знай нашихъ! это значитъ — кармазины! вотъ что! это значитъ — нашъ братъ имъ не компанія! вотъ что!

— Чортъ возьми! вскричало еще нѣсколько голосовъ, потому что пьяная чернь вспыхиваетъ какъ порохъ отъ одной искры, — такъ мы тогда только компанія кармазинамъ, когда нужно ихъ выручать изъ лядскаго ярма?

— Хе! сказалъ хозяинъ. — Если такъ, то чего-жъ намъ возлѣ нихъ па̀нькать?

— Къ чорту всѣхъ кармазиновъ! раздались буйные голоса. Они только умѣютъ побрякивать саблями. А гдѣ они были, эти проклятые брязкуны, какъ проклятый Радзивилъ загремѣлъ изъ пушекъ въ городскія ворота?

Закипѣло у Шрама сердце, когда услышалъ онъ такія рѣчи.

— А вы жъ, проклятые салогубы, вскричалъ онъ, гдѣ были въ то время, когда Ляхи обгорнули насъ, какъ жаромъ горшокъ, подъ Берестечкомъ? гдѣ вы тогда были, какъ припекли насъ со всѣхъ сторонъ—что мало не половина войска выкипѣла? гдѣ вы тогда были? Вы тогда звенѣли талярами да дукатами, что̀ набрали отъ козаковъ за гнилыя подошвы и дырявыя сукна! А Радзивилъ пришелъ, такъ вы и разу не отвѣтили ему изъ пушки! Подлые трусы! вы добровольно отдали Радзивилу оружіе и, какъ безсильныя бабы, просили пощады у Литвиновъ! А когда Кіевъ запылалъ, и Литвины принялись душить васъ, какъ овецъ, въ то время кто подоспѣлъ къ вамъ на помощь, если не козаки? Бѣдный Джеджелій съ горстью своихъ сѣромахъ влетѣлъ въ Кіевъ, какъ голубь въ свое гнѣздо за коршуномъ. А вы поддержали его, подлые зайцы? Дурень былъ

покойникъ! если бы я, я не Литвиновъ бы рубилъ, а васъ, бѣсовы дѣти! я научилъ бы васъ защищать то, что̀ отвоевали вамъ козаки!

— Какой дьяволъ отвоевывалъ намъ наше добро, кромѣ насъ самихъ? кричали мѣщане. Отвоевали козаки! да кто жъ были тѣ козаки, коли не мы сами? Это теперь, по милости вашей, мы не носимъ ни сабель, ни кармазину. Козачество вы для себя припрятали, а мы изволь строить своимъ ко́штомъ стѣны, палисады, башни, платить чиншъ и чортъ знаетъ еще что̀! А почему бы намъ, такъ же какъ и козакамъ, не привязать къ боку саблю, и не сидѣть, сложа руки?

— Козаки сидятъ, сложа руки? возразилъ Шрамъ. *Що̀бъ вы такъ по пра́вді ды́хали!* Коли бъ не мы, то давно бъ васъ чортъ побралъ! давно бъ васъ Ляхи съ недоляшками задушили, или Татаре перехватали! Неблагодарныя твари! Да только козацкою храбростью и держится русскій народъ на Украинѣ! а безъ нихъ тутъ бы сидѣлъ Ляхъ на Ляху! Изволь имъ дать права козацкія! Сказали бъ вы это батьку Хмельницкому! онъ бы какъ разъ потрощилъ на вашихъ безмозглыхъ головахъ булаву свою (¹)! Гдѣ это видано, чтобъ весь народъ имѣлъ одинакія права? Всякому свое: козакамъ сабля и конь, вамъ счеты и вѣсы, а посполитству плугъ да борона.

— Коли всякому свое, пане Шраме, сказалъ Тарасъ Сурмачъ, размахивая сулеею и обливая себя вишневкою,— коли всякому свое, то почему жъ намъ саблю и козацкую вольность не считать своими? У козаковъ не было войска— мы сѣли на коней и стали подъ ихъ корогвами (²); у козаковъ не было денегъ — мы доставили имъ и деньги и оружіе; вмѣстѣ воевали Поляковъ, вмѣстѣ терпѣли всякія невзгоды. А когда пришлось къ разсчету, то козаки остались козаками, а насъ въ поспо́льство повернули! Что̀ жъ мы такое? развѣ мы не тѣ же козаки?

— Развѣ мы не тѣ же козаки? подхватили гости, заложа

---

(1) Намекъ на событія при заключеніи Бѣлоцерковскаго мира, когда Хмельницкій гетманской булавой защитилъ отъ черни польскихъ пословъ.

(2) Хоругвями.

гордо за пояса руки. Кто жилъ прежде съ нами за панибрата, тотъ теперь гордуетъ нашею компаніею!

Шрамъ нѣсколько разъ начиналъ говорить, но потокъ общаго негодованія былъ такъ стремителенъ, что уносилъ его слова недоконченными.

— Постойте, постойте, паны карма́зины! заревѣлъ, какъ бы въ заключеніе этого нестройнаго концерта, грубый голосъ толстаго мѣщанина,—мы вамъ поуменьшимъ гордости! Не долго вамъ ору́довать нами: *добрые молодцы* не дадутъ намъ загинуть. Будетъ у насъ *черная рада:* тогда посмотримъ, кому какія права достанутся.

— Ого!... сказалъ Шрамъ: — вонъ оно къ чему дѣло клонится!

— А то жъ якъ? говорили, стоя козыремъ, мѣщане. Не все только козакамъ на радахъ орудовать. Оглянулись и на насъ сѣчевые братчики...

И посмотрѣли на чубатаго Запорожца, который сидѣлъ на порогѣ, куря коротенькую люльку, и по видимому, не обращалъ никакого вниманія на споръ своихъ собутыльниковъ.

— Эге-ге! такъ вотъ откуда вѣтеръ дуетъ! сказалъ въ полъ-голоса Шрамъ, и душа его наполнилась самыми горькими предчувствіями. Запальчивость его въ одно мгновеніе изчезла и уступила мѣсто горячей любви къ родинѣ, которой угрожалъ раздоръ народныхъ партій, раздуваемый, какъ онъ увидѣлъ, Запорожцами.

— Почтенная громада! сказалъ онъ ласково, не думалъ я и въ умѣ не полагалъ, чтобъ Кіевляне пошановали этакъ мою старость!... Давно ли мы въѣзжали сюда съ батькомъ Хмѣльницкимъ? тогда встрѣчали насъ съ радостными слезами и съ благословеніями; а теперь стараго Шрама вы ни во что̀ уже ставите!

— Батько ты нашъ любезный! отвѣчалъ ему старый Сурмачъ, который живѣе всѣхъ былъ тронутъ такимъ оборотомъ рѣчи,—кто жъ тебя ни во что̀ ставитъ? Развѣ это къ тебѣ говорится? *Есть* такіе, что́ душатъ насъ, взявши за шею, а ты никому никакого зла не сдѣлалъ. Не смотри на ихъ крикъ: *ма́ло чогό не бува́є, що пъяный співа́е!* По-

ѣзжай себѣ съ Богомъ, поклонись церквамъ божіимъ, да и за насъ грѣшныхъ прочитай святую молитву.

Въ это время Черевань, соскучась долго ждать развязки спора, подъѣхалъ къ Шраму и окружающимъ его мѣщанамъ, и сказалъ:

— Братцы! *ка'знае за що* вы сердитесь! Обождите только, пока мы съѣздимъ къ церквамъ божіимъ, а потомъ я готовъ съ вами сѣсть оттутъ, и не знаю, кто въ Кіевѣ, кромѣ вашего войта, перепьетъ Череваня.

Мѣщане уже взяли свое, облегчили крикомъ сердце; а Черевань притомъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Кіевлянъ. Былъ онъ человѣкъ подѣльчивый, некичливый, любилъ употчивать всякаго, кто ни показывался въ его хуторѣ, а иногда готовъ былъ и на такія пожертвованія, какое сдѣлалъ для Василя Невольника. И потому буйная компанія Тараса Сурмача приняла съ нимъ самый дружелюбный тонъ.

— Вотъ панъ, такъ панъ! кричали голоса. Дай Богъ и по вѣкъ видѣть такихъ пановъ! нѣтъ въ немъ ни капли гордости!

— За то жъ ему Богъ далъ и такую золотую пани, говорили нѣкоторые, стараясь замазать прежнія грубыя выходки противъ кармазиновъ.

— За то жъ ему Богъ далъ и такую дочку: краше маку въ огородѣ! прибавляли другіе.

— Ну, пропустите жъ насъ, когда такъ, сказалъ нетерпѣливый Шрамъ.

— Пропустите, пропустите ясныхъ пановъ, говорилъ Тарасъ Сурмачъ, и принялся первый отодвигать прочь возы.

Пробравшись сквозь подгулявшую толпу мѣщанъ, Шрамъ долго ѣхалъ, потупя голову. Неожиданная сцена сильно его опечалила. Наконецъ онъ облегчилъ глубокимъ вздохомъ грудь и сказалъ въ полъ-голоса:

— *Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? уповай на Господа...* Потомъ вздохнулъ еще разъ и продолжалъ утѣшать себя словами Царя-пророка: — *Богъ намъ прибѣжище и сила... сего ради не убоимся, внегда смущается земля и прелагаются горы въ сердца морская.*

Черевань, ѣдучи подлѣ Шрама, прислушался къ этимъ словамъ, и, заключа по нимъ, что душа его пріятеля сильно возмущена, въ добродушіи своемъ, почелъ за благо прибавить отъ себя нѣсколько утѣшительныхъ словъ.

— Братъ Иванъ, сказалъ онъ самымъ дружескимъ тономъ, — совѣтывалъ бы я тебѣ ударить лихомъ объ землю: чего тебѣ печалиться?.

— Какъ чего? прервалъ его Шрамъ, быстро повернувъ къ нему суровое лицо: — не видишь развѣ, что̀ на умѣ у этой сволочи? Затѣваютъ черную раду, продовы души!

— Да врагъ ихъ возьми, братъ, съ ихъ черною радою! пускай себѣ затѣваютъ.

— Какъ пускай затѣваютъ? вспыхнувши весь, повторилъ Шрамъ, развѣ ты не понялъ, что̀ все это значитъ? Вѣдь это все пружины проклятаго Иванца! И неужели мы должны сидѣть спокойно, когда огонь уже подложенъ и скоро будетъ въ огнѣ вся Украина?

— А что̀ намъ, братику, до Украины? сказалъ съ тупымъ добродушіемъ Черевань, — развѣ намъ нечего ѣсть, нечего пить, не въ чемъ ходить? Слава Богу, будетъ съ насъ, пока нашего вѣку. Я, будучи тобою, сидѣлъ бы лучше дома, да попивалъ наливки съ пріятелями, нежели биться по далекимъ дорогамъ да ссориться съ пьяными крикунами.

— Врагъ возьми мою душу, вскричалъ съ крайнимъ негодованіемъ Шрамъ, — коли я ожидалъ отъ тебя такихъ рѣчей въ эту минуту! Ты настоящій Барабашъ!

И что же! Черевань такъ и помертвѣлъ отъ этого имени, обратившагося тогда въ поносное слово.

— Я Барабашъ? вскричалъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Да, *ты* Барабашъ! ты такой же Барабашъ, какъ и тотъ, что̀ говорилъ Хмѣльницкому:

Мы дачи не дае́мъ,
Въ військо по́льске не йдемъ:
Не лучче бъ намъ зъ Ляха́ми,
Мости́выми пана́ми,
Ми́рно проживати,
А ніжъ пійти́ лугівъ потира́ти,
Своимъ тіломъ комарівъ годова́ти. .

Твои слова значатъ то же самое. Пускай погибаетъ родина, лишь бы намъ было хорошо! Съ этого времени нѣтъ тебѣ у меня и другаго имени, какъ Барабашъ!

—Братъ Иванъ, сказалъ на это Черевань, съ несвойственнымъ ему волненіемъ, —если бъ это было сказано лѣтъ десять назадъ, я зналъ бы, какъ отвѣчать тебѣ на твои слова: насъ разсудила бъ пуля передъ козацкою громадою. Теперь я ужъ не тотъ; но врагъ меня возьми, коли хочу остаться при такомъ паскудномъ прозвищѣ! и отъ кого жъ? отъ Шрама! Я докажу тебѣ, что я не Барабашъ. Ѣду съ тобою за Днѣпръ такъ, какъ есть, съ женою, съ дочкою и Василемъ Невольникомъ, и буду дѣлать все, что ты сдѣлаешь, хоть бы ты для блага родины бросился съ мосту въ воду!

— Вотъ это по-козацки! воскликнулъ Шрамъ, и забылъ даже свое горе отъ радости, что у Череваня (какъ бы онъ выразился) еще не совсѣмъ уснуло козацкое сердце.— Дай же руку, пріятель, и обѣщай мнѣ здѣсь, передъ Братствомъ Сагайдачнаго (1), что не отстанешь отъ меня ни въ какомъ случаѣ!

— Даю, братъ, и обѣщаю! могъ только промолвить Черевань, смѣясь отъ довольства самимъ собою.

Въ это время онъ, казалось, выпрямился и помолодѣлъ; такъ старый козацкій духъ, вспыхнувшій въ немъ на минуту, оживилъ его душу, подавленную тучнымъ и лѣнивымъ тѣломъ.

Тутъ они подъѣхали къ монастырю.

— Вотъ и церковь божія! сказалъ Шрамъ, останавливая коня у колокольни.—Войдемъ и помолимся за успѣхъ нашего дѣла!

И потомъ, по своему обычаю, тихо проговорилъ изъ книги псалмовъ, самой любимой у Малороссіянъ изъ всѣхъ библейскихъ книгъ:

— *Азъ же милостію Твоею вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, въ страсѣ Твоемъ.*

---

(1) Такъ назывался Братскій монастырь, основанный гетманомъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Було́ що-ро́ку наїзди́ть на ярмарокъ у Смілу Запорозці зъ Січи. Пріиде було́ ихъ чоловікъ двана́дцять, тринадцять... а наря́дъ на ихъ такий, що—Боже твоя́ воля! зо́лото да срібло́. Оце́ ша́пка на ёму буде оксами́тна, черво́на, зъ ріжками, а око́личка або́ си́ва, або́ чорна; наспо́ді у ёго жупанъ самый чи́стый карма́зинъ, якъ огонь, що й очи́ма не зогля́нешъ; а звѐрху черке́ска зъ вилётами або́ си́ня, або́ голуба; штаны́ суко́нни, си́ні, широки, такъ и вися́ть, ажъ пошти́ по передкахъ; чоботы червоні, а на ляду́нці або золото, або срібло; и черезплічники, то й те все позоло́чуване; ша́бля при боку́ вся бу́де въ зо́лоті, ажъ гори́ть. А якъ иде́, то й до землі не доторка́етця. А оце́ було́ ся́дуть на ко́ней да по я́рмарку—якъ и́скры ся́ють!

Разсказъ очевидца, Таранухи.

Рѣдко можно встрѣтить въ Малороссіи человѣка, который дожилъ бы до старости, и не побывалъ въ Кіевѣ. Даже изъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи всякая благочестивая душа стремится помыслами къ этой колыбели русскаго православія и русской народности. Кіевъ славится въ пѣсняхъ, которыя ребенокъ слушаетъ, какъ нѣчто религіозное, у окна родительскаго дома, въ великій вечеръ Рождества Христова, когда народъ ходитъ отъ хаты до хаты и торжественнымъ хоромъ возвѣщаетъ каждому богатому и убогому семейству «новую радость» (1). Кіевъ составляетъ любимый предметъ бабушекъ-разскащицъ, когда ихъ въ зимнія вечера окружаютъ внуки и внучки, жаждущіе необыкновеннаго, блистательнаго и волшебнаго посреди своей простой сельской жизни. Разсказы о Кіевѣ, о его церквахъ, о его пещерахъ, о его горахъ и глубокихъ ярахъ, никогда не наскучатъ въ кругу людей, рѣдко оставляющихъ родное село; да и тѣ, которые изъѣздили всѣ государства, возвратясь въ Кіевъ, съ изумленіемъ сознаются, что ничего прекраснѣе

(1) Въ Малороссіи поютъ подъ окнами, вечеромъ на Р[illegible]жество Христово:

Ой по всёму ми́ру нова радость стала!
Надъ вертепомъ звізда́ я́сна ввесь миръ осія́ла! и *проч.*

они не видали. И не только въ наше время, но и въ отдаленнѣйшую старину, Кіевъ всегда былъ царственнымъ городомъ. Однѣми своими высотами, своими широко раскинутыми живописными массами горъ и удолій надъ изогнутой огромными колѣнами рѣкой, съ необозримыми плоскими побережьями, вдоль безконечно тянущагося хребта береговыхъ горъ, онъ производитъ на душу неиспытываемое нигдѣ впечатлѣніе красоты и величія.

Въ XVII вѣкѣ, въ эпоху знаменитой черной рады подъ Нѣжиномъ, бѣдно было устройство Кіева, какъ города; но обстановка роскошной южной природы и счастливой мѣстности всему придавала видъ драгоцѣнности, заключенной въ богатомъ хранилищѣ. Такъ и Братскій монастырь на Подолѣ, весь построенный тогда изъ дерева, производилъ на богомольцевъ впечатлѣніе великолѣпія невиданнаго. Правда, онъ говорилъ тогда каждому о недавней борьбѣ православія и народности южно-русской, борьбѣ, только что оконченной окозаченнымъ населеніемъ Украйны. Мысль учрежденія въ этомъ мѣстѣ *Братства* возникла въ народѣ, какъ противодѣйствіе иноплеменному и иновѣрному господству. Еще въ XVI вѣкѣ это Братство, взявшее на себя воспитаніе дѣтей всѣхъ сословій въ духѣ славяно-русскомъ, боролось за свое существованіе съ господствовавшею іерархіею и народностью въ Польской республикѣ; въ началѣ XVII вѣка пожаръ уничтожилъ все, что̀ было сдѣлано общими пожертвованіями мѣщанъ, козаковъ и пановъ «благочестивыхъ», и самая церковь Богоявленская, при которой устроено было Братство, сгорѣла до основанія. Тогда «благочестивая» пани, Ганна Гугулевичевна, жертвуетъ, для помѣщенія братской школы, нѣсколько зданій и дворъ свой на Подолѣ, съ условіемъ, чтобы при школѣ былъ заведенъ и монастырь. Гетманъ Сагайдачный дѣлается строителемъ этого національнаго, учебно-религіознаго учрежденія, и, не смотря на многократныя разоренія отъ фанатическихъ противниковъ нашей вѣры и національности (1), оно усто-

(1) Тогда было время полнаго господства Іезуитовъ въ Польскомъ королевствѣ. Въ противодѣйствіе братской школѣ въ Кіевѣ, они устроили тамъ же свою школу, и переманивали къ себѣ воспитанниковъ; а между тѣмъ

яло на своихъ основаніяхъ, и продолжало разливать просвѣщеніе по всей южной Руси. Можно послѣ этого представить, съ какимъ чувствомъ вступили наши богомольцы въ ворота Братства (какъ называлось тогда все вмѣстѣ, монастырь и школы). Эти ворота вели сквозь колокольню, снабженную не одними колоколами, но и двумя пушками, отбитыми у Поляковъ. Черныя дула ихъ выглядывали изъ небольшихъ оконъ по сторонамъ воротъ, и говорили о положеніи страны, въ которой ничто еще не было безопасно. Внутри ограды виденъ былъ густой садъ, подаренный Братству Ганною Гугулевичевною. Старыя груши и яблони, всѣ въ цвѣту, закрывали деревянныя хоромины, въ которыхъ помѣщались студенты духовной академіи, называвшейся тогда коллегіею, и ихъ учители-монахи; только церковь выглядывала изъ-за деревъ тремя бѣлыми жестяными куполами византійской формы. Къ церкви вела просѣка, надъ которою образовался лиственный сводъ. Монахи такъ щадили старыя груши и яблони, что не вырубали ихъ даже вокругъ церкви. Вѣтви во многихъ мѣстахъ лѣзли въ самыя окна и лежали на деревянныхъ кровляхъ, поросшихъ уже мохомъ и травою. Сквозь цвѣтущую зелень очень живописно проглядывали изображенія святыхъ иноковъ и архіереевъ, которыми расписана была наружная сторона церкви. Они, точно живые, прохаживались въ древесной прохладѣ, и производили на душу странника впечатлѣніе райской безмятежности этого мѣста. Все вмѣстѣ — глухое затишье посреди города, цвѣтущія деревья съ говоромъ и пѣньемъ птицъ въ ихъ вѣтвяхъ, простыя, но удовлетворявшія тогдашнему вкусу деревянныя украшенія вокругъ оконъ, дверей и по карнизамъ церкви, и наконецъ эти изображенія, писанныя съ вѣрою и любовью къ дѣлу, привели въ восхищеніе Шрама. Онъ воздѣлъ руки и сказалъ:

старались заподозрить членовъ братства и ихъ дѣйствія въ глазахъ правительствовавшихъ лицъ, и вооружали противъ нихъ все не-русское и неправославное. Ожесточеніе умовъ доходило до того, что однажды братское училище и при немъ гостинница были совершенно разорены набѣжавшею толпою фанатиковъ.

— *Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея!*

Спутники раздѣляли его чувства, и даже кипящая любовью, негодованіемъ и ревностью душа молодого козака здѣсь нѣсколько успокоилась; ибо бываютъ минуты у людей, воспитанныхъ такъ, какъ онъ, когда посреди самаго страшнаго разгара земныхъ чувствъ, на томящуюся душу вдругъ повѣетъ животворная прохлада божественнаго наитія. Къ несчастью, это продолжается только нѣсколько мгновеній. Можно сказать, что ангелъ мира противъ воли улетаетъ отъ возгорѣвшейся страстями души, съ обожженными крыльями, и оставляетъ ее въ жертву собственному пламени.

Тотъ вѣкъ отличался особеннымъ развитіемъ религіозности, такъ какъ народъ былъ убѣжденъ, что Богъ помогаетъ нашимъ противъ католиковъ для спасенія православія; и наши богомольцы, вступя въ церковь, произносили въ слухъ свои молитвы, вѣруя всѣмъ сердцемъ, что они пришли въ домъ Отца Небеснаго. Но громче всѣхъ раздавался голосъ стараго Шрама. Онъ обращался къ Богу словами Псалмопѣвца:

— *Боже, услыши молитву мою, и вопль мой къ Тебѣ да пріидетъ. Не отврати лица Твоего отъ мене, въ онь же день скорблю, преклони ко мнѣ ухо Твое, въ онь же аще день призову Тя, скоро услыши мя!*

У дверей церкви стояла такъ называемая *скарбоня*, въ которой хранился скарбъ, пожертвованный ревнителями просвѣщенія народнаго, такъ какъ Братство продолжало существовать въ смыслѣ монастыря-училища. Щедрою рукою опустили туда свой вкладъ «на школы» наши богомольцы, и особенно Шрамъ, и не вдругъ оставили Братскій монастырь, хотя главною цѣлью набожнаго посѣщенія Кіева были для нихъ пещеры, въ которыхъ покоятся великіе подвижники первобытной церкви южно-русской. Въ тѣ времена Братскій монастырь славился своею живописью. Одинъ изъ монаховъ-братьевъ посвятилъ свою жизнь на украшеніе святой обители и расписалъ не только церковь, но и всѣ галерейки, построенныя вдоль ограды и подъ

колокольнею для отдыха богомольцевъ. Живопись находили несравненною, вполнѣ живою, и богомольцы не могли досыта на нее насмотрѣться. Она представляла разныя событія Священной исторіи, а такъ же и народныя воспоминанія о славныхъ защитникахъ вѣры и имени русскаго, такъ называемыхъ *рыцаряхъ*, или богатыряхъ, каковы были Морозе́нко, Нечáй и другіе козаки, прославленные неумолкающими до сихъ поръ пѣснями. Морозенко, или другой подобный ему витязь, обыкновенно изображался избивающимъ, при заревѣ пожара, Поляковъ, которыхъ художникъ характеризовалъ свирѣпыми рожами и огромными брюхами. Земля была вся красная, въ подтвержденіе стиха народной пѣсни:

Де проіде Морозе́нко — кровавая річка.

Въ эпоху войнъ Хмѣльницкаго все дышало козачествомъ и ненавистью къ притѣснителямъ нашей вѣры и самобытности; а потому монахи, натерпѣвшіеся вдоволь отъ католиковъ и уніатовъ, позволяли своему художнику изображать, что̀ ему угодно, для поддержанія въ народѣ духа ненависти ко всему неправославному и нерусскому. Не довольствуясь красками, художникъ прибѣгалъ къ слову и прилагалъ къ своимъ изображеніямъ надписи: *Рыцарь славнаго войска Запорожскаго*, такой-то; а надъ Поляками: *А се проклятыи Ляхи*. Къ нѣкоторымъ фигурамъ прибавлены были стихи, въ родѣ тѣхъ, какіе дошли до насъ съ рисунками, приложенными при тогдашнихъ лѣтописяхъ, и съ картинами, писанными на холстѣ и деревѣ ([1]). Современная живопись очень нуждалась въ пособіи слова, и надписи доставляли посѣтителямъ монастыря столько же удовольствія, какъ и самыя изображенія. Въ такомъ вкусѣ написанъ былъ на церковной оградѣ козакъ Байда, предокъ отступника Вишневецкаго. О немъ народъ поетъ до сихъ поръ пѣсню, какъ онъ висѣлъ у Турокъ на желѣзномъ крюкѣ, но не смотря ни на какія мученія, не отрекся отъ своей вѣры. Было также написано и знаменитое возвращеніе гетмана Самуила Кошки изъ неволи. По словамъ на-

([1]) См. Приложенія къ 1-му тому «Записокъ о Южной Руси»

родной думы, онъ пятьдесятъ четыре года томился въ неволѣ на турецкихъ галерахъ и пятьдесятъ четыре года скрывалъ при себѣ старинную хоругвь; не погнулся его козацкій духъ во все это время ни на волосъ; устоялъ онъ противъ тиранства и искушеній ренегата, Ляха-Бутурлака, выждалъ счастливый часъ, захватилъ въ свои руки галеру, освободилъ товарищей и возвратился съ ними на «святорусскій берегъ», къ козакамъ. Подъ этой торжественной сценой богомольцы наши прочитали стихи:

Тогді Кішка Самійло на черла́къ *(палубу)* выступа́е,
Хреща́гу давню короговъ изъ кишені выйма́е.
Роспусти́въ, до воды́ похили́въ,
Самъ низе́нько уклони́въ...

А подъ группою козаковъ, стоящихъ на берегу:

Здоровъ, здоровъ, Кішко Самійло, гетьма́не Запоро́зькій!
Не заги́нувъ еси́ у неволі, —
Не заги́нешъ зъ на́ми, козака́ми, на во́лі!

Эта картина написана была подъ навѣсомъ колокольни внутри монастыря. Когда наши богомольцы были ею заняты, съ улицы послышался глухой шумъ, сквозь который пробивалась музыка.

— Это «добрые молодцы» Запорожцы гуляютъ, сказалъ провожавшій ихъ монахъ. — Смотрите, какъ наши бурсаки-*спудеи* бѣгутъ за ворота. Никакими мѣрами не удержишь ихъ въ оградѣ, какъ только услышатъ Запорожцевъ. Бѣда намъ съ этими искусителями! Наѣдутъ, покрасуются въ Кіевѣ; смотри — послѣ вакацій половина бурсы и очутилась за порогами!

Между тѣмъ музыка послышалась явственнѣе; и сквозь топотъ и говоръ толпы слышны были восклицанія праздныхъ зѣвакъ, сбѣгавшихся отовсюду посмотрѣть на разгульныхъ *братчиковъ*: «Запорожцы, Запорожцы со свѣтомъ прощаются»!

Что́ же это было за прощанье со свѣтомъ? Это былъ одинъ изъ тѣхъ обычаевъ юродиваго рыцарства козацкаго, въ которыхъ, подъ наружными формами разгула и буйства, скрывалась аскетическая мысль презрѣнія къ временнымъ благамъ жизни. Немногіе изъ Запорожцевъ доживали до

глубокой старости, и почти каждый старикъ дѣлался подъ конецъ жизни уединеннымъ аскетомъ. Иные шли въ монастырь, а другіе забивались въ безлюдную глушь и, подъ видомъ пасичника, предавались строгому посту и постоянной молитвѣ. Видимо для людей ни одинъ истинный братчикъ не казался, и считалъ долгомъ не казаться, благочестивымъ. Поэтому и самое вступленіе въ монастырь сопровождалось у нихъ разгуломъ и юродствомъ. Доживъ до глубокой старости, и чувствуя себя неспособнымъ болѣе къ *козакованью*, Запорожецъ просилъ выдѣлить изъ кружки слѣдующую ему часть общаго скарбу, набивалъ рублями, талерами и червонцами *чéресъ* (1), приглашалъ съ собой человѣкъ двадцать, сорокъ или и пятьдесятъ товарищей, и отправлялся въ Кіевъ *прощаться со свѣтомъ*. Дóма, въ Сѣчи, Запорожцы носили простыя сермяги или кожухи-*кажанкй*, а питались почти одною соломатою съ прибавкою рыбы (2), а въ Кіевѣ являлись во всемъ блескѣ тогдашней роскоши, на прекрасныхъ коняхъ, съ шитыми золотомъ *рóндами* (уборами), добытыми на войнѣ у Поляковъ, въ саетовыхъ, кармазинныхъ, штофныхъ и атласныхъ жупанахъ и въ кованныхъ поясахъ, изъ которыхъ, по народному выраженію, капало золото. Прощальникъ одѣтъ былъ всѣхъ ярче и роскошнѣе. Онъ гарцовалъ на конѣ впереди своихъ провожатыхъ, дико вскрикивая, какъ степной орелъ, и потомъ грустно опуская сѣдые усы на грудь. Онъ предводилъ танцами, которые отъ времени до времени затѣвали Запорожцы посреди кіевскихъ улицъ, на диво всему народу. Онъ швырялъ горстями серебро музыкантамъ, которые шли за нимъ не умолкая. Онъ поилъ на свой счетъ каждаго встрѣчнаго и поперечнаго, и безпрестанно покрикивалъ братчикамъ, которые ѣхали тутъ же съ *боклáгами* (3) и ковшами: «*Частуйте, братчики, дóбрихъ людей! нехай зна-*

---

(1) Отъ слова *чрéсло* — кожанный поясъ.

(2) Народная пѣсня о временахъ Хмѣльницкаго:

> Дивýють Ляхй, врáжиі сынй, щó ті козáки вживáють:
> Вживають вонй щýку-рыбáху да соломáху зъ водóю.

(3) Плоскіе бочонки, на перевязяхъ черезъ плечо.

ють, якъ Запорожець изъ свiтомъ прощаетця!» Онъ, повстрѣчавъ чумака съ возомъ рыбы, покупалъ у него весь товаръ, и велѣлъ раскидать по улицѣ, приговаривая: «*Іжте, люде добрі да споминайте прощáльника*! Онъ устилалъ слѣдъ свой пятаками, распоровъ нарочно карманы въ жупанѣ, и, танцуя отяжелѣвшими отъ старости ногами, приговаривалъ къ мальчишкамъ; «*Беріть, беріть, вра́жі діти, на бýблики!*» Онъ, наткнувшись на товаръ горшечника, продолжалъ со всей компаніей бѣшеный танецъ, какъ-будто ничего не замѣчая. Онъ, наконецъ покупалъ бочку легтю и, разбивъ ее *ке́лепомъ* (1), танцовалъ тутъ же *гопака* въ своихъ сафьянныхъ сапогахъ и въ своихъ саетовыхъ шароварахъ, которыхъ цѣну нынѣшніе разсказщики выражаютъ словами: *Давъ бы гривню, абй подивйтьця.* Этимъ способомъ Запорожецъ выражалъ свое презрѣніе къ роскоши и отчужденіе отъ временныхъ благъ жизни. Погулявъ такимъ образомъ нѣсколько дней и изумивъ весь Кіевъ, прощальникъ шелъ пѣшкомъ въ Межи́горскій монастырь, или, какъ выражились братчики, къ Межи́горскому Спасу. За нимъ шли и ѣхали товарищи съ неумолкавшими музыкантами, съ боклагами и ковшами. Толпа народа провожала поѣздъ. Танцы отъ времени до времени прерывали поѣздъ, и юродивый рыцарь велъ такимъ образомъ шумную ватагу свою на разстояніи двадцати верстъ до самыхъ монастырскихъ воротъ. Иногда дня два и три употреблялось на этотъ переходъ. Ночью, въ наднѣпровскихъ байракахъ, зажигались огни, варился на ужинъ *кулишъ,* или *галýшки*, и далеко по Днѣпру слышны были рыбакамъ пѣсни и крики запорожскаго прощанья со свѣтомъ. Когда же танцующая оргія приближалась наконецъ къ воротамъ Межигорскаго Спаса, прощальникъ бралъ въ руки келепъ, и громко стучалъ въ ворота. Монахи, состоявшіе почти изъ однихъ ему подобныхъ стариковъ (2), знали напередъ о его приходѣ; но для соблюденія обычая спрашивали:

---

(1) Чеканъ, боевой молотъ.

(2) Межигорскій монастырь былъ основанъ и содержанъ Запорожцами. Изъ него присылались въ Сѣчевую церковь священники.

— Кто убо?
— Запорожецъ.
— Чесо ради?
— Спасать душу отъ всякія скверны.

Тогда отворятъ ему калитку въ воротахъ. Онъ поклонится на всѣ стороны своимъ товарищамъ и провожатымъ и скроется въ монастырѣ. Тамъ срываетъ онъ съ себя чересъ и отдаетъ все, что въ немъ осталось, на церковь; сбрасываетъ дорогое платье и жертвуеть на монастырь, а вмѣсто того надѣваетъ власяницу, и съ той минуты онъ ужъ больше не разгульный Запорожецъ, а строгій и молчаливый монахъ. Между тѣмъ веселая толпа, въ знакъ торжества о спасеніи души его, танцуетъ общій танецъ и танцуя удаляется отъ монастыря. Тише и тише слышатся въ монастырской оградѣ ея буйные клики и музыка, и наконецъ голосъ безумствующаго міра совершенно умолкаетъ.

Такъ расказываютъ о прощальникахъ малороссійскіе старожилы, современники послѣднихъ годовъ существованія Запорожской Сѣчи. Въ XVII вѣкѣ обычай прощаться со свѣтомъ былъ во всей силѣ. Когда Шрамъ и его спутники вышли изъ воротъ Братской колокольни на высокій *рундукъ* (1), музыка загремѣла громче; смѣшанный крикъ и топотъ раздался въ воздухѣ сильнѣе. Изъ сосѣдней улицы высыпали, какъ изъ мѣшка, Запорожцы, и наполнили все пространство передъ монастыремъ.

«Добрые молодцы», какъ ихъ обыкновенно называли, раздѣлялись на двѣ части. Одна шла, или лучше сказать, неслась танцуя, впереди, а другая гарцовала вслѣдъ за нею на коняхъ. Всѣхъ Запорожцевъ было, на этотъ разъ, около сотни, и все это былъ народъ рослый, дюжій, съ длинными усами и развѣвающимися по вѣтру чубами. По богатымъ и яркимъ ихъ одеждамъ видно было, что они пріѣхали въ Кіевъ именно съ тѣмъ, чтобъ погулять: въ такихъ только случаяхъ они одѣвались нарядно; въ походахъ же и дóма въ Сѣчи — какъ я уже сказалъ — носили платье грубое и запачканное, чтобъ показать свое презрѣніе къ

---

(1) Крыльцо, подъѣздъ.

тому, что̀ другими такъ высоко цѣнится. Проѣзжая мимо монастыря, они снимали шапки, и набожно крестились; кто былъ на погахъ, тѣ клали земные поклоны противъ монастырскихъ воротъ, но тотчасъ же вскакивали и продолжали свой танецъ, выбивали гопака, неслись въ присядку, катались колесомъ, и перекидывались черезъ голову.

Бурсаки Братской школы, глядя на нихъ, еще сильнѣе чувствовали бѣдное свое житье и неволю, въ какой держали ихъ отцы-наставники. Нѣкоторые даже не могли удержаться отъ слезъ, сравнивъ свое состояніе съ жизнію этихъ, по ихъ мнѣнію, блаженствующихъ на землѣ людей.

— Не плачьте, дурни! говорили имъ, проѣзжая мимо, Запорожцы:—Днѣпръ течетъ прямо къ Сѣчи.

И рисовались передъ ихъ завистливыми взглядами на своихъ полудикихъ коняхъ.

Шрамъ, при всей своей досадѣ на Запорожцевъ, вмѣшавшихся въ самое дорогое для него дѣло, не могъ быть равнодушенъ къ ихъ музыкѣ, къ ихъ танцамъ, къ ихъ особенному, веселому и вмѣстѣ грустному взгляду на жизнь. Запорожцы, не смотря на свои пороки и злодѣйства (которые уже и въ то время обнаруживали внутреннее разрушеніе ихъ братства), внушали Украинцамъ самое живое сочувствіе. Не разъ случалось мнѣ встрѣчать столѣтняго старика, который, расказывая объ ихъ наглостяхъ, потчивалъ ихъ выразительнымъ прилагательнымъ—*прроклятый народъ*! но потомъ, увлекшись разсказами объ ихъ обычаяхъ и подвигахъ, выражалъ, самъ того не замѣчая, искреннее сожалѣніе объ ихъ судьбѣ, и говорилъ о нихъ тономъ близкаго родного. Отъ чего жъ это юродивые запорожскіе рыцари были въ старину такъ близки каждой живой душѣ на Украйнѣ? Можетъ быть, отъ того, что они беззаботно, но вмѣстѣ и грустно смотрѣли на жизнь. Пировали они со всѣмъ безуміемъ разгулявшейся широкой воли, но и самыми пирами выражали мнѣніе, что все на свѣтѣ призракъ и суета. Не нужно было имъ для душевнаго счастья ни жены, ни дѣтей, а деньги они разсыпали—по ихъ же выраженію—

якъ полóву! ([1]) А можетъ быть, и отъ того, что Запорожье для южной Руси, какъ Москва для сѣверной, было сердцемъ всей земли,—что на Запорожьи свобода никогда не умирала, предковскіе обычаи никогда не забывались, козацкія древнія пѣсни до послѣднихъ дней сохранялись, и было Запорожье—чтò въ горну искра: какой хочешь, такой и раздуй изъ нея огонь. Отъ того-то, можетъ быть, оно и славится между панами и мужиками, отъ того-то оно и дорого для каждой живой души на Украйнѣ! ([2]).

Черевань, глядя на запорожскіе танцы и *выкрутáсы*, подбоченился и притопывалъ ногою.

— Эхъ, бгатъ! сказалъ онъ Шраму,—вотъ гдѣ люди умѣютъ жить на свѣтѣ! Когда бъ я былъ не женатъ, то пошелъ бы тотчасъ въ Запорожцы!

— Богъ знаетъ чтò ты плетешь, сватъ! отвѣчалъ Шрамъ.— Теперь доброму человѣку стыдно мѣшаться въ эту сволочь. Перевернулись теперь чортъ знаетъ во чтò Запорожцы! Пока Ляхи да паны душили Украину, туда собирался самый лучшій народъ, а теперь на Запорожье уходитъ самая дрянь: или прокравшійся голышъ, или лѣнтяй, который не хочетъ заработывать хлѣбъ честнымъ трудомъ. Сидятъ тамъ окаянные въ Сѣчи да только пьянствуютъ, а *очортіе горілку* пить, такъ и ѣдетъ въ Гетмáнщину, да тутъ и величается, *якъ порося на óрчику.* ([3])

— Однакожъ, бгатъ, сказалъ Черевань, запорожскіе братчики подали первые руку батьку Хмѣльницкому...

И хотѣлъ еще что-то сказать въ защиту «добрыхъ молодцовъ»; но Шрамъ сердито перебилъ его рѣчь:

— Кой чортъ! съ чего ты это взялъ? Тѣхъ Запорожцевъ уже нѣтъ на свѣтѣ, чтó подали Хмѣльницкому руку. Развѣ мало легло ихъ на окопахъ подъ Збаражемъ, на гáтяхъ подъ Берестечкомъ, да и вездѣ, гдѣ только сшибалась на-

---

(1) Какъ мякину.

(2) Дѣйствительно, какъ Москва спасала своею народностію Русь отъ иноземнаго посягательства, такъ и Запорожье было убѣжищемъ свободы во время польскаго владычества. Да будетъ же священнымъ для насъ каждое мѣсто, на которомъ русскій духъ отстоялъ свою самобытность!

(3) Какъ поросенокъ на пристяжкѣ

ша сила съ польскою силою? Они первые шли въ битву, какъ истинные воины христовы, первые падали подъ картечью и пулями.... Теперь они у Господа на небесахъ. А это развѣ Запорожцы? Это винокуры да печкуры нарядились въ краденные жупаны и называются Запорожцами!

Въ это время кто-то за плечами у Шрама, почти надъ самимъ его ухомъ, сказалъ громко:—*Оввá!* (1)

Обернулся Шрамъ—передъ нимъ Запорожецъ въ красномъ жупанѣ; въ одной рукѣ шапка, другая гордо уперлась въ бокъ; широкое лицо озарено безпечнымъ смѣхомъ.

—Овва! повторилъ онъ;—оно какъ-будто и правда, а совсѣмъ брехня!

Закипѣла у Шрама кровь.

— Иродъ! вскрикнулъ онъ, но тотчасъ же вспомнилъ, что здѣсь не мѣсто для драки, и, отвернувшись, сказалъ:

— Цуръ тебѣ, опричъ святаго храма!

И вскочивъ на коня поспѣшилъ удалиться, чтобъ избѣжать грѣха.

Черевань и Петро поѣхали за нимъ. Женщины, по обычаямъ того грубаго вѣка, предоставлены были собственнымъ заботамъ. А онѣ нуждались теперь болѣе прежняго въ охранѣ, потому что къ веселому Запорожцу присоединился еще одинъ «братчикъ», и хоть они не зацѣпили нашихъ богомолокъ ни однимъ словомъ, но проводили ихъ въ самомъ близкомъ разстояніи до рыдвана, и смотрѣли на Лесю такими жадными глазами, какъ волки на овечку.

Физіономіи этихъ двухъ молодцовъ были такъ выразительны, что съ нихъ легко бы всякому написать портреты. Старшій, лѣтъ повидимому тридцати пяти, былъ весьма плотенъ, можно бы сказать, даже тученъ, если бъ стройная талія и мускулы, рѣзко вырисованные на шеѣ и огромныхъ ручищахъ, не были доказательствомъ, что дородность его происходитъ не отъ тучности. Онъ былъ безобразенъ и вмѣстѣ красивъ. Жесткая, опаленная сол-

---

(1) Междометіе, выражающее насмѣшку. Соотвѣтствующаго ему нѣтъ въ великорусскомъ языкѣ. *Эва*! значитъ совсѣмъ не то.

цемъ морда, широкія, какъ будто вылитыя изъ бронзы щеки, длинный чубъ, сперва приподнявшійся вверхъ и потомъ пышно упавшій на лѣвый високъ, огромныя черныя усища, въ которыхъ Запорожцы полагали всю красоту добраго молодца, щетинистыя, чрезвычайно длинныя брови, приподнятыя съ насмѣшливымъ выраженіемъ, между тѣмъ какъ всѣ черты лица выражали суровую, почти монашескую степенность: таковъ былъ этотъ братчикъ.

Его товарищъ былъ нѣсколькими годами моложе. Чрезвычайная смуглота обличала въ немъ тотчасъ не-малороссійское происхожденіе. Его худощавое, но мускулистое сложеніе, лобъ съ глубокою впадиною, брови, всегда нахмуренныя, и блестящіе черные глаза обнаруживали въ немъ характеръ угрюмый, горячій и глубокій.

Череваниха не могла успокоиться, пока не потеряла ихъ изъ виду, и радовалась, какъ будто спаслась отъ какой-нибудь опасности, когда рыдванъ догналъ верховыхъ ея спутниковъ. Вся кавалькада поѣхала черезъ Верхній Городъ, какъ назывался тогда старый Кіевъ; потомъ спустилась въ Евсѣйкову долину, на Крещатикѣ, и поднялась на Печерскую гору, которая въ то время покрыта была густымъ лѣсомъ. Дорога здѣсь была весьма затруднительна: безпрестанно надобно было извиваться между пней, спускаться въ такъ называемые байраки, и огибать мѣста, заваленныя сломанными бурею деревьями. Рыдванъ все больше и больше отставалъ отъ верховыхъ. Петрб, на перекоръ собственному сердцу, бросилъ его послѣ странной сказки, разсказанной ему Череванихою. Женщины оставались посреди лѣсу только съ дряхлымъ своимъ возницею. На нихъ нашелъ какой-то ужасъ, которому подобнаго онѣ никогда не испытывали, и не напрасно.

Сзади ихъ послышался сперва глухо, потомъ яснѣе и яснѣе топотъ; потомъ затрещали по обѣимъ сторонамъ узкой дорожки сухія вѣтви, и между деревьями показались красныя платья двухъ Запорожцевъ. Это были тѣ самые молодцы, съ которыми онѣ столкнулись у Братскаго монастыря. Богомолки переглянулись между собой, и не смѣли сообщить одна другой своихъ опасеній. Страхъ ихъ

былъ неясенъ, но онѣ предчувствовали что-то ужасное.

Случалось имъ слышать про Запорожцевъ такія исторіи, отъ которыхъ и не въ лѣсу бывало страшно; а эти два братчика своими ухватками и обычаемъ не обѣщали ничего добраго. Они повидимому не нуждались въ дорогѣ, по которой ѣхалъ рыдванъ, и даже, казалось, вовсе не управляли своими конями; кони точно разумѣли ихъ желаніе, и кружились между деревъ, не опереживая и не отставая отъ испуганныхъ богомолокъ. Женщинамъ страшно было глядѣть, какъ бѣшеныя животныя взбирались на бугры, потомъ бросались съ прыткостью лѣснаго звѣря въ байракъ, и изчезали на нѣсколько минутъ изъ виду: только глухой топотъ и храпѣніе отзывались изъ глубины. Иногда имъ чудилось, что конь опрокинулся и душитъ подъ собой отважнаго ѣздока; но вдругъ ѣздокъ появлялся на возвышенности, сверкая въ лучахъ солнца своими кармазинами.

Въ промежуткахъ между такими ныряньями, Запорожцы вели между собою странный разговоръ, заставившій трепетать сердце матери и дочери.

— Вотъ, братъ, дѣвка! кричалъ одинъ. Будь я кусокъ грязи, а не Запорожецъ, коли я думалъ, что есть такое чудо на свѣтѣ!

— Есть сало, да не для кота! отзывался другой.

— Отъ чего жъ не для кота? Хочешь, сейчасъ поцѣлую!

— А какъ поцѣлуютъ кіями у столба?

— А что̀ мнѣ кіи? Да пускай меня хоть сейчасъ разнесутъ на сабляхъ.

Богомолки наши боялись, чтобъ въ самомъ дѣлѣ онъ не вздумалъ исполнить свои слова; но тутъ встрѣтился глубокій байракъ, и Запорожцы полетѣли въ него, какъ злые духи.

— Василь! сказала тогда Череваниха своему возницѣ, — куда это мы заѣхали? Что̀ это съ нами будетъ?

— Не бойтесь, пани! отвѣчалъ усмѣхнувшись Василь Невольникъ; добрые молодцы только шутятъ; они забавляются вашимъ страхомъ; они никогда не тронутъ дѣвушки.

Это успокоеніе мало однакожъ подѣйствовало на встревоженныхъ женщинъ, и онѣ велѣли прибавить шагу, чтобъ

скорѣй догнать передовыхъ своихъ защитниковъ, мало надѣясь на помощь дряхлаго возницы.

Запорожцы опять показались по обѣимъ сторонамъ дороги. Платье ихъ было забрызгано свѣжимъ иломъ; но они не обращали на это никакого вниманія.

— Гей, братъ Богданъ Черногоръ! кричалъ опять старшій братчикъ,—знаешь, что я тебѣ скажу?

— *И, вже!* отвѣчалъ тотъ. Путнаго ничего не скажешь, прилипнувши къ бабѣ!

— *Отъ же скажу!*

— А ну жъ?

— Скажу тебѣ такое, *що ажъ оближесся.*

— Ого!

— И не ого! Слушай-ка. Хоть Сѣчь намъ и *мати*, а Великій Лугъ *батько*, но для такой *дівчины* можно отцураться отъ батька и отъ матери.

— *Чи вже бъ то?*

— *А що жъ?*

— Ну, куды жъ тогда?

— Овва! (¹).

Тутъ Запорожцы скрылись опять изъ виду. Богомолкамъ отъ этого страшнаго совѣщанія стало не веселѣе прежняго, и онѣ торопили Василя Невольника ѣхать какъ можно скорѣе. Но Василь Невольникъ вздыхалъ и говорилъ самъ къ себѣ:

— Что за любезный народъ эти Запорожцы! Охъ, былъ когда-то и я такимъ забіякою, пока лѣта не придавили, да проклятая кагогра не примучила! Скакалъ и я, *якъ божевільный*, по степямъ за Кабардою; выдумывалъ и я всякія шутки; знали меня въ *Городахъ* и на *Запорожьи*, знали меня шинкари и бандуристы, знали паны и мужики!

— Да еще я не то скажу тебѣ! послышался снова грубый голосъ старшаго братчика.

— Было бъ довольно и этого, отвѣчалъ его товарищъ,—

---

(1) Здѣсь *овва* имѣетъ не тотъ смыслъ, что выше, но это пойметъ только Малороссіянинъ, который произнесетъ его другимъ тономъ, а не такъ какъ прежнее *овва*. Послѣднее *овва* имѣетъ отчасти смыслъ великорусскаго: *Эка штука!* а перваго рѣшительно нельзя перевести.

когда бъ услышалъ батько Пугачъ: отбилъ бы онъ у тебя охоту къ бабьему племени!

— Нѣтъ, не шутя, Богданъ! какой чортъ будетъ шутить, когда вцѣпятся въ душу такія черныя брови? Хоть такъ, хоть сякъ, а *дівчйна* будетъ моею! Знаешь, братъ, *щò?*

— *А щò?*

— Поглядѣть бы мнѣ, чтó у васъ тамъ за горы.

— *Оттакóи!* (1)

— *Такóи.* Пускай не даромъ зазывалъ ты меня къ своимъ воевать Турка. Коли хочешь, схватимъ, какъ говорятъ у васъ, *дѣвойку*, да и гайда въ Черную Гору.

— И будто ты говоришь это по правдѣ?

— Такъ по правдѣ, какъ то, что я Кирило Туръ, а ты Богданъ Черногоръ. Съ такою *крáлею* за сѣдломъ я готовъ скакать хоть къ чорту въ зубы, не то въ Черногорію!

Этотъ открытый заговоръ, не смотря на шуточный свой тонъ, былъ ужасенъ въ устахъ Запорожцевъ, этихъ причудливыхъ и своевольныхъ людей, способныхъ на самыя безумныя затѣи,—людей, которые смотрѣли насмѣшливо на жизнь и мало заботились о томъ, чѣмъ она кончится. Къ счастью, рыдванъ нагналъ въ это время Шрама и его спутниковъ; Запорожцы вдругъ изчезли, какъ тяжелый сонъ, и уже больше не показывались.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Обычаи Запорожскіе странны, поступки хитры, слова и вымыслы остры и большею частію на критику похожи.

Изъ разсказовъ Запорожца Коржа (записанныхъ по-великорусски.)

Богомольцы наши, безъ дальнѣйшихъ приключеній, достигли святыхъ воротъ Печерскаго монастыря, имѣвшихъ тогда видъ зàмковой башни, и снабженныхъ пушками и ружьями, къ которымъ не разъ прибѣгали обитатели мо-

---

(1) Т. е. Вонъ ты какую занѣлъ!

настыря во время войны съ иновѣрцами и татарскихъ набѣговъ.

Выслушавъ позднюю обѣдню въ великой, «небеси подобной» церкви Печерской, Шрамъ и его спутники приложились къ святымъ мощамъ, осмотрѣли изображенія князей, гетмановъ и вельможъ, создателей и благодѣтелей храма, писанныя во весь ростъ на заднихъ и боковыхъ стѣнахъ, и читали на ихъ надгробіяхъ поучительныя надписи. Древніе поборники православія, посредствомъ этихъ надписей, бесѣдовали съ потомками, и одними своими именами говорили душѣ ихъ о доблести имени русскаго. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго въ церкви Печерской теперь мы не видимъ. Старинные портреты и надгробія отчасти истреблены пожаромъ въ началѣ прошлаго столѣтія, а отчасти уничтожены рукою невѣжества, которое для всякаго рода памятниковъ страшнѣе огня и желѣза. Грустно было Хмѣльницкому видѣть «красоту церквей божіихъ опустошенну и на землю поверженну» иноплеменниками и отступниками; не менѣе грустно и намъ видѣть, какъ мало уцѣлѣло въ нашихъ храмахъ изъ того, что миновала или пощадила даже рука Монгола и католика.

Шрамъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе насъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ читалъ, что такой-то «Симеонъ Лыко, мужъ твердый въ вѣрѣ, испытанный въ храбрости, почилъ по многихъ дѣлахъ, достойныхъ героя»; въ другомъ знаменитый князь какъ бы изъ гроба говорилъ ему: «Многою сіялъ я знатностію, властію и доблестію; а когда взятъ съ позорища сей жизни, то съ убогимъ Иромъ сравнялся, и за свои широкія владѣнія седмь ступеней земли получилъ; не дивуйся таковой отмѣнѣ, читателю: и тебѣ тожъ достанется; узнаешь на себѣ, что не равны раждаемся, равны умираемъ!» Далѣе, пышный вельможа умолялъ читателя— проходя мимо, «молвить о немъ благое слово: Боже, милостивъ буди къ душѣ раба твоего» (1).

---

(1) Нѣсколько надписей, бывшихъ на надгробіяхъ въ великой церкви Печерской сохранилъ для насъ (въ польскомъ переводѣ) Кальнофойскій въ своей *Тератургимѣ*. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ я здѣсь перевожу на

Видъ этихъ надгробій, на которыхъ арматура и знаки достоинствъ перемѣшаны были съ костями, сложенными накрестъ подъ мертвою головою, и чтеніе этѣхъ надписей, говорящихъ разомъ о величіи и ничтожествѣ человѣческомъ, навели на душу полковника Шрама печальное раздумье, и онъ, подобно внуку Ольгерда, сказалъ вздохнувши:

— Сколько-то гробовъ! а всѣ эти люди жили на семъ свѣтѣ и всѣ отошли къ Богу! Скоро и мы пойдемъ туда, гдѣ отцы и братія наши (¹).

Въ-слѣдъ за такимъ размышленіемъ, онъ досталъ изъ-за пазухи золотой чеканъ, добытый на войнѣ, и повѣсилъ его на окладѣ Богоматери. Черевань и прочіе богомольцы, также сдѣлали приношеніе храму дорогими вещами или деньгами.

тогдашній русскій языкъ: I. «Глѣба Всеславича, князя кіевскаго, супруга, дщерь князя Ярополка Изяславича, послѣ супруга своего въ четыредесятъ лѣтъ скончася и купно съ нимъ во главахъ преподобнаго Ѳеодосія положенна, лѣта 6666 (1158) Іануар. д. 3, нощи часа 1» (Объ этой княгинѣ въ Воскресенской Лѣтописи сказано: «имѣяшеть бо великую любовь къ св. Богородици и къ отцю Ѳеодосью»).—II. «Воззванная на судъ смертный Евпраксія инокиня, дщерь князя Всеволода, идѣже душею ставися, тамо въ лѣто 6617 (1109) Іюля д. 9 тѣло сложи.» — III. «Въ лѣто 6979 (1471) христіански скончавшуся князю Симеону Александровичу Олельковичу, дѣдичному (*наслѣдственному*) господину земли кіевской, князю слуцкому, возстановителю святой церкви Печерской, юже обнови при королѣ Казимірѣ и при в. о. архимандритѣ Іоаннѣ, лѣта 6978, Грудня 3». Кромѣ Олельковичей, здѣсь были погребены князья Ольгердовичи—Владиміръ и Левъ, Скиргайло, Черторыйскіе, Вишневецкіе, Корецкіе, Сангушки, Полубенскіе и другіе. При многихъ надписяхъ находились еще стихи, сочиненные въ честь покойнику. Къ сожалѣнію, они также уцѣлѣли лишь въ переводѣ Кальнофойскаго, на польскомъ языкѣ.

(1) Внукъ Ольгерда, князь Андрей Владиміровичь, въ завѣщаніи своемъ, написанномъ въ 1446 году, говоритъ: «Пріѣздилъ есмь въ Кіевъ съ своею женою и съ своими дѣтками, и были есмо въ дому Пречистыя, и поклонилися есми пречистому образу ея и преподобнымъ Отцемъ Антонію и Ѳеодосію, и прочимъ преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ Печерскимъ, и благословилися есми отъ отца нашего архимандрита Николы и у всѣхъ святыхъ старцевъ, и поклонихомся отца своего гробу, князя Владиміра Ольгердовича, и дядь своихъ гробамъ и всѣхъ святыхъ старцовъ гробамъ въ Печерѣ, и размыслихъ на своемъ сердци: колико-то гробовъ, а вси тіи жили на семъ свѣтѣ, а пошли вси къ Богу, и помыслихъ есмь по малѣ, и намъ тамо поити, гдѣ отцы и братцы и братія наша», и пр.

Изъ великой церкви направились они къ пещерамъ, гдѣ почиваютъ мощи Антонія, Θеодосія, Нестора Лѣтописца и другихъ великихъ подвижниковъ южно-русскаго православія. Но тутъ ихъ остановила непредвидѣнная—по крайней мѣрѣ непредвидѣнная для нѣкоторыхъ — встрѣча. Вдали на дорогѣ показалась небольшая группа людей, одѣтыхъ въ платья яркихъ цвѣтовъ и преимущественно въ *кармазинъ*, что̀ въ тѣ времена было признакомъ старшинства. Впереди всѣхъ, важною поступью шелъ высокаго росту мужчина, въ жупанѣ, расшитомъ золотомъ, въ собольей кереѣ (1) на плечахъ, и съ серебряной булавой вмѣсто трости. Провожавшіе его монахи и паны держались въ почтительномъ отдаленіи.

Увидя его, Шрамъ затрепеталъ отъ радости, и сказалъ:

— Боже! это Сомко̀!

Сомко̀ также узналъ Шрама и поспѣшилъ къ нему на встрѣчу. Пріятели обнялись, поцѣловались и долго не выпускали одинъ другаго изъ объятій.

Не даромъ украинскіе лѣтописцы, умалчивающіе обыкновенно о наружности дѣйствующихъ лицъ, пишутъ о Сомкѣ, что онъ былъ «воинъ уроды, возраста и красоты зѣло дивной». Онъ былъ извѣстнымъ по всей Украйнѣ *красавцемъ*; только это слово надобно понимать въ смыслѣ мужественной, закаленной въ войнѣ и походахъ красоты. Сомку́ повидимому было около тридцати лѣтъ, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ доживалъ четвертый десятокъ. Форма лица его была болѣе квадратная, нежели овальная, носъ прямой, глаза голубые, волосы русые, золотистые. Тогдашняя мода повелѣвала подстригать ихъ въ кружокъ и причесывать гладко, но они сами собою завились въ крупныя кудри, приподнялись и открывали высокій, исполненный благородства лобъ. Но не столько наружными формами, сколько выраженіемъ смѣлости, ясности и прямоты характера, въ глазахъ, движеньяхъ и словахъ, производилъ Сомко̀ на современниковъ впечатлѣніе красоты дивной, невиданной.

---

(1) Родъ епанчи, безъ рукавовъ.

— *Чолómъ* пану бунчужному! такъ обратился онъ къ Череваню, именуя его степенью, которую тотъ занималъ нѣкогда въ войскѣ.

Черевань до того обрадовался, что не могъ даже отвѣчать на привѣтствіе гетмана; только обнявшись, онъ проговорилъ уже:

— А, братику мій любезный!

Такой же *чолóмъ*, вмѣстѣ съ дружескимъ поцѣлуемъ, былъ отданъ и Череванихѣ, которую Сомкó назвалъ своею любезною *пани-маткою*, чтò было принято ею съ немалымъ удовольствіемъ. Но привѣтливѣе всѣхъ обратился онъ къ Лесѣ.

— Вамъ, ясная панно, сказалъ онъ,—чоломъ до самихъ ножекъ. И тутъ же онъ поздоровался съ нею, какъ родной, или близкій другъ дома, съ ребенкомъ, чтò заставило нѣкоторыхъ переглянуться.

— Ну, нечего сказать, обратился онъ къ отцу и матери, держа Лесю за руку,— не даромъ молва о вашей «кралѣ» ходитъ по всей гетманщинѣ. Божусь, чѣмъ хочете, что лучшей дѣвушки не было и не будетъ въ Украинѣ!

Леся стояла, стыдливо зарумянившись и опустивъ въ землю глаза; но торжество любящей и любимой женщины умѣрило ея дѣвическое смущеніе и придало новый блескъ красотѣ ея.

Петру сталъ теперь ясенъ, какъ день, сонъ Череванихи. У нихъ давно было слажено дѣло съ Сомкомъ. А чтò отецъ невѣсты оставался въ сторонѣ, то это потому, что Череваниха привыкла все рѣшать самовластно, и не желала, чтобъ онъ хвалился этимъ сватовствомъ каждому кіевскому мѣщанину въ лычаковомъ кунтушѣ.

Сомкó не пустилъ Шрама въ пещеры, и пригласилъ его со всѣми спутниками къ себѣ на *козацкое подворье*, которое выстроено было хуторкомъ отдѣльно отъ монастыря, чтобы міряне не вводили братіи въ искушеніе, если вздумается имъ подкрѣпиться питіемъ паче брашенъ, и повести рѣчи громче монастырскихъ молитвъ. Строенія были весьма просты: домъ, конюшни, сараї для сѣна — все это было деревянное, подъ соломенными крышами.

Сомко́ ввелъ своихъ гостей въ просторную свѣтлицу. Тутъ, помолясь образамъ, гости раскланялись чинно съ хозяевами. Шрамъ еще разъ обнялъ Сомка.

— Соколъ мой ясный! говорилъ онъ, прижимая его къ сердцу.

— Батько мой! отвѣчалъ на его объятіе Сомко.—Я давно привыкъ называть тебя батькомъ.

Тогда Шрамъ сѣлъ въ концѣ стола, подперъ обѣими руками сѣдую, изчерченную сабельными ударами голову и началъ прегорько плакать. Это смутило присутствовавшихъ, и Сомко́ былъ озадаченъ не менѣе другихъ. Онъ зналъ Шрама, какъ человѣка, у котораго во время оно не извлекъ изъ глазъ ни одной слезы даже видъ убитаго сына, принесеннаго къ нему въ кровавыхъ ранахъ козаками; а теперь этотъ человѣкъ рыдаетъ передъ нимъ, какъ будто на похоронахъ у Хмѣльницкаго, гдѣ три дня гремѣли печальные выстрѣлы, три дня раздавались вопли, и лились рѣкою козацкія слезы.

— Батько мой! сказалъ, подступя къ нему, Сомко̀,—что̀ за несчастье съ тобой случилось?

— Со мною? отвѣчалъ Шрамъ, поднявши голову. Я былъ бы баба, а не козакъ, если бъ вздумалъ плакать о собственномъ горѣ!

— Такъ о чемъ же, ради Бога?

— А развѣ не о чемъ, когда у насъ окаянный Тетера торгуется съ Ляхами за христіянскія души; у васъ разомъ десять гетмановъ хватаются за булаву, а что́ Украина разодрана на части, до этого никому нѣтъ дѣла!

— Десять гетмановъ! хотѣлъ бы я видѣть, какъ хоть одинъ изъ нихъ ухватится за булаву, пока я держу ее въ рукахъ!

— А Васюта? а Иванецъ?

— Васюта старый дурень; надъ его химерою смѣются козаки; а подлаго Иванца я еще разъ посажу на свинью. Гнусная сволочь! я давно выбилъ бы и вытопталъ всю эту погань, но только честь на себѣ кладу!

— Однакожъ эта погань не даетъ твоей гетманской власти расширяться по Украинѣ!

— Кто тебѣ это сказалъ? Отъ Самары до Глухова вся старшина зоветъ меня гетманомъ. И какъ же иначе, когда въ Козельцѣ всѣ полковники, есаулы, сотники и значные козаки присягнули мнѣ на послушаніе?

— Но вѣдь правда тому, что Васюта послалъ въ Москву листъ противъ твоего гетманства!

— Правда, и когда бъ не сѣдые волосы Васюты, то сдѣлалъ бы я съ нимъ то, что покойный гетманъ съ полковникомъ Гладкимъ (1).

— Ну, и тому правда, что Иванца въ Сѣчи «огласили гетманомъ»?

— И тому правда. Но развѣ ты не знаешь юродства запорожскаго?

— Знаю я его хорошо, пане гетмане; потому-то и боюсь, чтобъ они не сдѣлали тебѣ какой-нибудь пакости. Окаянные камышники вездѣ шныряютъ по Украинѣ, и бунтуютъ мужичьи головы. Развѣ ты не знаешь, что идетъ уже слухъ о черной радѣ?

— Химера, батько! козацкое слово, химера! Пускай лишь выѣдутъ отъ царскаго величества бояре; посмотримъ, какъ устоитъ эта черная рада противъ нашихъ мушкетовъ и пушекъ!

— Я готовъ вѣрить всему лучшему, когда ты такъ споконъ, сказалъ Шрамъ.—Отъ твоихъ словъ душа моя оживаетъ, какъ злакъ отъ божіей росы. Но смущаетъ меня, что запорожскіе гультаи подливаютъ своихъ дрожжей не въ однихъ поселянъ: они бунтуютъ противъ козаковъ и мѣщанство. Въ Кіевѣ я сегодня наслушался такого, что и пьяный бы отрезвился.

— Знаю и это, отвѣчалъ Сомко́. — И, правду сказать, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—этому я даже радъ. Козаки слишкомъ много забрали себѣ въ голову. «Мы де паны, а то все чернь. Пускай насъ кормитъ и одѣваетъ, а козацкое дѣло—только въ шинку окна да сулеи бить». Дай

(1) Полковнику Гладкому отрублена была голова за то, что онъ, послѣ пораженія козаковъ подъ Берестечкомъ, позволилъ называть себя гетманомъ.

нимъ потачку, такъ они какъ разъ попадутъ на лядскій слѣдъ, даромъ что православные. Нѣтъ, пускай и мѣщанинъ, и посполитый, и козакъ, пускай каждый стоитъ за свои права́,—тогда только будетъ и правда и сила! А мнѣ кажется, да и по сосѣдямъ видимъ, что нѣту тамъ добра, гдѣ нѣту правды!

Шрамъ за эти слова обнялъ и поцѣловалъ гетмана.

— *Глаголъ устъ твоихъ,* сказалъ онъ, *сладостенъ мнѣ паче меда и сота.* Дай же, Боже, чтобъ такъ думала каждая добрая душа въ Украинѣ!

— И дай, Боже, прибавилъ Сомко, — чтобъ оба берега Днѣпра соединились подъ одну булаву! Какъ только отбуду царскихъ пословъ, тотчасъ пойду на окаяннаго Тетеру. Отмежуемъ Украину опять до самой Случи, и тогда, держась за руки съ Московскимъ царствомъ, будемъ громить всякаго, кто покусится ступить на Русскую землю!

Эти слова для ушей Шрама были небесною музыкою.

— Боже великій, Боже милосердый! воскликнулъ онъ,— простерши къ образамъ руки, — вложилъ Ты ему въ душу самую дорогую мою думу, ниспошли же ему и силу выполнить ее!

— Но довольно о великихъ дѣлахъ, сказалъ Сомко, займемся еще малыми. *Не добро быти человѣку единому*— вотъ что̀ привело меня сюда изъ-за Днѣпра. Можетъ-быть, я очутился бы еще немного и дальше Кіева, но спасибо пани-маткѣ Череванихѣ: она меня встрѣтила съ своимъ дорогимъ скарбомъ. И, какъ я ни въ чемъ не люблю проволочекъ и окольныхъ путей, то сейчасъ же и прямо объявляю всѣмъ присутствующимъ, что засваталъ у пани Череванихи ея Лесю, когда она была еще малюткою. Теперь пускай благословитъ насъ Богъ и родители.

Тутъ онъ взялъ за руку смущенную неожиданностью дѣвушку, и поклонился отцу и матери.

— Боже васъ благослови, дѣти мои! сказала Череваниха, не дожидаясь мужа, который пытался что-то сказать, но отъ волненія произносилъ только «бгатику»! и больше ни слова.

Шрамъ посмотрѣлъ на своего Петра, и не могъ не

видѣть сердечной муки, выражавшейся на поблѣднѣвшемъ лицѣ его. Можетъ быть, отцу стало и жаль сына; но не таковъ былъ Шрамъ, чтобъ дать это кому-нибудь замѣтить.

— Что̀ жъ ты не благословляешь насъ, пан'отче? сказалъ Сомко Черевацю.

— Батьку! отвѣчалъ Черевань,—велика для меня честь выдать дочь за гетмана, только Леся уже не наша; вчера у насъ со Шрамомъ было пол-зару́чинъ.

— Какъ же это случилось, пани-матко? обратился тогда Сомко къ Череванихѣ.

Но Шрамъ не далъ ей отвѣчать и сказалъ:

— Ничего тутъ не случилось, пане ясновельможный! Я сваталъ Лесю за своего Петра, не зная о вашемъ укладѣ. А теперь скорѣй отдамъ я своего сына въ монахи, чѣмъ стану съ нимъ тебѣ на дорогѣ. Пускай васъ благословитъ Господь; а мы себѣ еще найдемъ невѣсту: «этого цвѣту много по всему свѣту».

— Если такъ, то будь же ты моимъ роднымъ отцомъ, и благослови насъ двойнымъ благословеніемъ.

Тогда Шрамъ сталъ рядомъ съ Череванемъ и Череванихою; дѣти имъ поклонились, и они благословили ихъ съ патріархальною важностью. Молодые обнялись и поцѣловались.

Вдругъ кто-то подъ окномъ закричалъ: *пу́гу! пу́гу!* восклицаніе, перенятое полудикими рыцарями Запорожцами у *пу́гача* (филина), и употребляемое ими для извѣщенія кого-нибудь о своемъ прибытіи.

Сомко усмѣхнулся и сказалъ:

— Это нашъ юродивый пріятель, Кирило Туръ! Почуялъ гетманскую свадьбу!

И велѣлъ отвѣчать ему по обычаю:—*Козакъ зъ лу́гу!*

— Не знаю, сынку, сказалъ Шрамъ, — что̀ за охота тебѣ водиться съ этими пугачами! Это народъ самый вѣроломный; городовому козаку надобно беречься ихъ, какъ огня.

— Правда твоя, батько, отвѣчалъ гетманъ, — «добрые молодцы» стали не тѣ послѣ Хмѣльницкаго, а все таки

межъ ними есть люди драгоцѣнные. Этотъ, напримѣръ, Кирило Туръ... повѣришь ли, что онъ не одинъ разъ выручилъ меня изъ великой бѣды? Добрый воинъ и душа щирая, козацкая, хоть прикидывается повѣсою и характéрникомъ. Но безъ юродства у нихъ, самъ ты знаешь, не водится. А ужъ на шутки да на баляндрасы, такъ могу сказать, что мастеръ.

— Иродъ бы ихъ побралъ съ ихъ шутками, этихъ разбойниковъ! сказалъ полковникъ Шрамъ. Насолили они и самому Хмѣльницкому своими бунтами да своевольствомъ.

— А всё таки не скажешь, батько, возразилъ Сомко, чтобъ и межъ ними не было добрыхъ людей.

— Грѣшно мнѣ это говорить, отвѣчалъ Шрамъ. Разъ окружилъ меня съ десяткомъ козаковъ цѣлый отрядъ Ляховъ. Уже и конь подо мною убитъ, я отбиваюсь стоя; а имъ окаяннымъ непремѣнно хочется взять меня живаго, чтобъ поглумиться такъ, какъ надъ Наливайкомъ и другими несчастными. Вдругъ откуда ни возьмись Запорожцы: *пугу! пугу!* Ляхи въ разсыпную! а было ихъ больше сотни. Оглянусь, а Запорожцевъ и десятка нѣтъ!

— Да, сказалъ Сомко, межъ ними есть добрые рыцари.

— Скажи лучше, были да перевелись: зерно высѣялось за войну, а въ кошѣ осталась одна полова.

— Овва́! воскликнулъ громко Запорожецъ, показавшись съ своимъ товарищемъ въ дверяхъ. Онъ вошелъ въ свѣтлицу, не снимая шапки, подбоченился, и перекрививъ ротъ на одну сторону, смотрѣлъ насмѣшливо на Шрама.

— Что за *овва́*? вскрикнулъ Шрамъ, весь вспыхнувъ и подступая къ Запорожцу.

— Овва̀, пан'отче! повторилъ Кирило Туръ, и заложилъ за ухо лѣвый усъ съ выраженіемъ молодецкой беззаботности. — Перевелись! А развѣ даромъ сказано въ пѣснѣ:

Течу́ть рiчки зъ всёго́ свiту до Чо́рнаго мо́ря?...

— Какъ въ Черномъ морѣ не переведется вода, пока свѣтитъ солнце, такъ и въ Сѣчи во вѣки вѣчные не переведутся добрые рыцари. Со всего свѣта слетаются они туда,

какъ орлы на неприступную скалу... Вотъ хоть бы и мой побратимъ, Черногоръ... но не о томъ теперь рѣчь. Чоло́мъ тебѣ, пане ясневельможный! (и только тутъ снялъ Кирило Туръ шапку) чоло́мъ вамъ, пано́ве громада! чоло́мъ и тебѣ, шановный полковникъ, хоть и не по нутру тебѣ Запорожцы! Ну, какъ же ты воротился къ обозу безъ коня?

— Ироде! сказалъ Шрамъ, покосивъ на него сверкающіе изъ-подъ бѣлыхъ бровей глаза; я только честь на себѣ кладу въ этой компаніи, а то научилъ бы тебя знать свое стойло!

— То есть, вынулъ бы саблю и сказалъ: «А ну, Кирило Туръ, помѣряемся»? Козацкое слово, я отдалъ бы шалевой свой поясъ, чтобъ только брякнуться саблями съ высокоименитымъ паномъ Шрамомъ! Но этого никогда не будетъ; лучше, когда хочешь, разруби меня пополамъ отъ чуба до матни; а я не подниму руки противъ твоихъ шрамовъ и твоей рясы.

— Такъ чего жъ ты отъ меня хочешь, оса ты неотвязная? сказалъ Шрамъ, смягчившись этимъ знакомъ уваженія къ своимъ козацкимъ заслугамъ и къ священническому сану.

— Ничего больше, только разскажи мнѣ, какъ ты добрался пѣхтурою до табора.

— Тьфу, искуситель! сказалъ Шрамъ, усмѣхнувшись. Сомко и его спутники смѣялись отъ одного появленія Кирила Тура. На него привыкли смотрѣть, какъ на юродиваго.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ гетманъ, — какъ ты, пан' отче, остался живъ безъ коня.

— Да ужъ разскажу, отвѣчалъ Шрамъ, — только бы удалиться отъ грѣха. Когда разбѣжались къ нечистой матери Ляхи, одинъ Запорожецъ подъѣхалъ ко мнѣ, и говоритъ: «Э, батько, да у тебя нѣту коня! Жаль покинуть такого козака Ляхамъ на поживу. Братцы, достанемъ ему коня!» и припустилъ вслѣдъ за Ляхами.

— Что́ жъ, достали?

— Достали, вражьи дѣти! Удивился я съ козаками — негдѣ правды дѣвать. Какъ же не дивиться, когда у самихъ

кони усталые, а скакуна такаго доскочили, что такъ и играетъ въ поводу?

— Это, пан' отче, значитъ — знай нашихъ! нашъ братъ не спроста воюетъ: Запорожецъ подъ часъ и чортомъ оруе. Гмъ! гмъ!

Такъ говорилъ Кирило Туръ, поглаживая усы, и значительно посматривая на все собраніе.

— Я не прочь, что тутъ безъ нечистой силы не обошлось, сказалъ Шрамъ, обращаясь къ Сомку. — Спрашиваю: какъ это вы доскочили такаго знатнаго жеребца? «Намъ-то знать, батько; садись да поѣзжай: Ляхи не за горою; иногда страхъ у нихъ проходитъ скорѣе, чѣмъ похмѣлье.»

— Ага, у насъ такъ! подхватилъ съ самодовольнымъ видомъ Кирило Туръ; — наши не кудахтаютъ, какъ куры, о своихъ добрыхъ дѣлахъ! Ну, пан'отче, за то, что ты разсказалъ мнѣ свою исторію, я разскажу тебѣ, какъ Запорожцы доскочили коня. Какъ только Ляхи осмотрѣлись, что бояться некого, тотчасъ за мушкеты; но атаманъ не далъ имъ остановиться, приложился на всемъ скаку изъ карабина, и угодилъ ихъ ротмистру какъ разъ между глазъ. Ляхи опять въ разсыпную, а я за коня... тьфу, къ чорту! я хотѣлъ сказать: *а отаманъ за коня*, да и привелъ къ тебѣ.

— *Щó за вража мати!* сказалъ тогда Шрамъ, всматриваясь въ лицо Кирила Тура, да чуть ли не самъ ты и былъ этимъ атаман'омъ?

Запорожецъ громко разсмѣялся.

— Ага, батько! такъ-то ты помнишь старыхъ знакомыхъ!

— Ну, извини, козаче! сказалъ Шрамъ, обнимая его. Чуть ли не раскололи мнѣ Ляхи головы саблями да чеканами: память въ ней что-то не держится!

— Однакожъ, чтó это мы такъ заговорились? сказалъ Сомко. Давно пора по чаркѣ да и за столъ!

— Вотъ, братцы, разумная рѣчь, такъ, такъ! воскликнулъ Черевань. — Я такъ отощалъ, что и радоваться не въ силахъ.

Выпилъ Кирило Туръ чарку горилки и сказалъ:

— Прошу не забывать и моего побратима.

— Не забудемъ, не забудемъ, отвѣчалъ Сомко. — Я знаю, что онъ работаетъ саблею лучше, нежели языкомъ.

— Не дивуйся, пане гетмане, что онъ какъ будто держитъ воду во рту; онъ не изъ нашихъ. Теперь таки онъ порядочно насобачился говорить по козацки, а какъ пришелъ въ Сѣчь, то насмѣшилъ довольно братчиковъ своею рѣчью. А добрый юнакъ! о, добрый! тяжко добрый! Одинъ развѣ Кирило Туръ ему подъ пару. За то жъ я никого и не люблю такъ, какъ его да себя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ой прийшо́въ коза́къ зъ ві́йська, зъ доро́ги
Да й уклонився ба́теньку въ но́ги:
Ой сядь, ба́теньку, сядь коло мене,
Сядь коло ме́не да й пожа́луй ме́не:
Заложи́ ручи́ну за пазуши́ну,
Одорви́ одъ се́рця злу́ю гади́ну;
Зла́я гади́на бікъ переіла,
Коло мо́го се́рденька гніздо̀ извила.

Народная пѣсня.

Сомко началъ усаживать гостей своихъ за длинный столъ. Шрама и Череваня посадилъ на *по́кутѣ*, подъ образами; самъ сѣлъ на хозяйскомъ мѣстѣ, «конецъ стола», а женщинъ посадилъ по лѣвую отъ себя руку на ослонѣ, ибо тогда первыя мѣста были вездѣ предоставлены мужчинамъ. Возлѣ Череваня заняли мѣста спутники гетмана, козацкіе старшины, а за ними — Кирило Туръ съ молчаливымъ своимъ побратимомъ, который посматривалъ довольно угрюмо на всѣхъ собесѣдниковъ. Взоръ его развеселялся только при взглядѣ на чернобровую красавицу, которой ничего подобнаго не встрѣчалъ онъ и въ своей Черногоріи.

Петру моему пришлось сидѣть возлѣ Леси, хотя теперь онъ радъ бы былъ удалиться отъ нея на край свѣта. Во все время, когда другихъ забавляли ухватки и рѣчи Запо-

рожца, онъ сидѣлъ за столомъ, какъ въ лѣсу, и только ждалъ, скоро ли кончится обѣдъ.

— Ну, скажи жъ ты мнѣ, пане отамане, обратился Сомкó къ Кирилу Туру, какимъ вѣтромъ занесло тебя въ Кіевъ?

— Самымъ святымъ, отвѣчалъ тотъ, какой только когда-либо дулъ «изъ низу Днѣпра». Провожаемъ прощальника къ «Межигорскому Спасу».

— Какъ же это ты отбился въ сторону?

— Разскажу тебѣ, ясневельможный пане, все подробно; дай только промочить горло. Только у васъ такіе никчемные кубки, что не во чтò гораздъ и налить. Хоть они и сребряные, да чтò въ этомъ? То ли дѣло наши сѣчевые деревянные коряки? въ нашемъ корякѣ можно бы утопить иного мизернаго Ляшка.

— Правда, бгатъ, ей Богу, правда! воскликнулъ Черевань; я давно говорю, что только въ Сѣчи и умѣютъ жить по людски. Ей Богу, бгать, когда бъ у меня не жинка, да не дочка, то бросилъ бы я всякую суету мірскую да и пошелъ на Запорожье!

— Гмъ! признаюсь, немного такихъ помѣстилось бы въ куренѣ, сказалъ Кирило Туръ, окинувъ глазами его фигуру, и разсмѣшилъ все общество. Самъ Черевань добродушно смѣялся.

— Я отъ души люблю этого балагура, сказалъ гетманъ въ полголоса Шраму. Правда, онъ иногда бываетъ грубъ и даже дерзокъ въ своихъ шуткахъ, но, право, я на него не въ силахъ разсердиться.

— Худо только то, замѣтилъ Шрамъ, что эти балагуры смѣясь человѣка купятъ, смѣясь и продадутъ.

— Чтò правда, то правда. По ихъ сѣчевому разуму, ничто въ мірѣ не стóитъ ни радости, ни печали. Философы-бестіи! смотрятъ на міръ изъ бочки, только не изъ пустой, какъ Діогенъ циникъ, а окунувшись по шею въ горилку.

— Такъ вы хочете знать, какъ я отсталъ отъ своей громады? продолжалъ Кирило Туръ, осуша самый большой кубокъ, какой только нашелъ передъ собою. Вотъ какъ. Можетъ-быть, вы слыхали гдѣ нибудь о побратимахъ. Какъ не слыхать? Это нашъ давній обычай, — хорошій

обычай. Какъ ни удаляйся отъ міра, а всё человѣку хочется къ кому-нибудь приклониться; нѣтъ роднаго брата — ищетъ названнаго. Вотъ и побратаются, и живутъ, какъ рыба съ водою. «Давай — говорю я своему Черногору — и мы побратаемся.» — «Давай.» Вотъ и завернули въ Братство и попросили батюшку съ сѣдою, какъ у пана Шрама, бородою прочитать надъ нами изъ Апостола, что насъ родило не тѣло, а живое слово божіе, и вотъ мы теперь съ нимъ уже родные братья — все равно, какъ Хома съ Еремою.

— Ну, а потомъ? спросилъ Сомко.

— А потомъ, какъ это всегда бываетъ, что не успѣетъ человѣкъ сдѣлать доброе дѣло, какъ дьяволъ — не за хлѣбомъ его вспоминать — и подсунетъ искушеніе... потомъ оглянулся, а подлѣ меня стоитъ краля такая, *що тілько гмъ! да й годі!*

— Ой, неужто? И будто женщина искушала когда-нибудь Запорожца?

— Ой-ой-ой, пане гетмане! да еще какъ! И не диво: праотецъ Адамъ былъ не намъ чета, да и тотъ не устоялъ противъ этого искушенія.

— Откуда жъ она взялась?

— Спроси жъ ты самъ ее, откуда, сказалъ Кирило Туръ, взглянувъ на Лесю; — я съ такою пышною панною и заговорить боюсь.

— Тю, тю, дурню! сказалъ засмѣявшись Сомко: — Это моя невѣста.

— Да мнѣ до того мало нужды, что она твоя невѣста, продолжалъ очень серьозно Запорожецъ, — а то горе, что совсѣмъ меня причаровала.

— Браво! медвѣдь попался въ сѣти! Чтó жъ теперь будетъ?

— А чтó жъ? медвѣдь уйдетъ въ свою берлогу, и сѣти за собою потянетъ.

— Какъ? Запорожецъ повезетъ женщину въ Сѣчь?

— Зачѣмъ же въ Сѣчь? Развѣ только и свѣту, что въ окнѣ?

— И такой завзятый *козарлю́га*, какъ Кирило Туръ, да еще и куренной отаманъ, для женщины броситъ товариство?

— Да, для такой крали можно отказаться отъ всего на свѣтѣ, не только отъ товарниства. Самъ, пане гетмане, видишь, что́ за пышная красота! по неволѣ за сердце хватаетъ!

— Ну, въ какую жъ ты берлогу потянулъ бы эти сѣти?

Кирило Туръ засмѣялся.

— Ты, пане ясневельможный, черезъ-чуръ уже строго допрашиваешь. Не хочется и признаваться, не хочется и брехать.

— Потому что всегда говорилъ правду? шутя спросилъ Сомко.

— И теперь буду говорить правду! съ комически серьознымъ видомъ сказалъ Запорожецъ.

Тутъ онъ осушилъ кубокъ, кашлянулъ въ кулакъ и посмотрѣлъ на всѣхъ, разглаживая усы.

— Надобно знать вамъ, началъ онъ, что Черногорія, по разсказамъ моего побратима, та же Запорежская Сѣчь, только тамъ люди не чуждаются бабъ. А то и подѣлена такъ же, какъ у насъ, на курени, по ихнему на *братства*, и надъ всякимъ братствомъ выбирается ота́манъ. Воевать же съ бусурманами у нихъ можно хоть каждый день. Да какъ у нихъ воюютъ, когда бъ ты зналъ! Когда начнетъ разсказывать мой побро, то ажъ душа рвется изъ тѣла. Побро мой соскучился безъ своей Черной Горы, и давно уже зазываетъ меня къ себѣ въ гости. Почему жъ вольному козаку не погулять по свѣту и не повидать, какъ живутъ иные народы?

Всѣ слушаютъ, къ чему онъ приведетъ рѣчь свою. Очаровалъ всѣхъ Запорожецъ.

«Добре! говорю, — ѣдемъ; покажемъ твоимъ землякамъ козацкое *рыца́рство;* пускай и насъ знаютъ въ Черногоріи. Вотъ и побратались мы съ нимъ въ Братствѣ, — такъ уже, чтобъ не было *это мое*, *а это твое*, а все чтобъ было вмѣстѣ; чтобъ помогать другъ другу во всякой бѣдѣ, чтобъ меньшій былъ старшему вѣрнымъ слугою, а старшій меньшему роднымъ отцомъ. Оно бъ и хорошо; но какъ увидѣлъ эту кралю, такъ душа и *дала́ сторчака́* (1).

(1) Т. е. опрокинулась къ верху ногами.

И для ясности разсказа Кирило Туръ опрокинулъ себѣ въ горло кубокъ наливки.

— Говорю своему Черногору: «Какъ ты себѣ хочешь, побро, а я безъ этой *дѣвойки* не поѣду изъ Кіева». Не дурень же и мой побро. «Не журись, братъ, говоритъ: у насъ если кому понравится *руса коса*, то не долго вздыхаетъ: хватаетъ русу косу, какъ соколъ чайку, да и къ попу.

— Это ужъ по-римски! сказалъ смѣясь Сомко. А если у этой чайки есть братья орлы и родичи соколы?

— Въ томъ-то и дѣло, пане гетмане, что у нихъ и противъ этого есть средство. Только намекни про *русу косу*, тотчасъ пріятели вызовутся на помощь. *Гайде, мòре, да ти òтмемо дѣвойку!* соберутся, вооружатся, какъ на войну, и уже если приберутъ къ рукамъ русу косу, то головы положатъ, а не уступятъ *отмицу* родичамъ. *Пекъ ёго мáтері!* такой обычай пришелся какъ разъ мнѣ по сердцу, и врагъ меня возьми, если я самъ не сдѣлаюсь *отмичаромъ*! (1) У нихъ только сила и ловкость, а у нашего брата есть про запасъ и характéрство (2).

— Чтó за балагуръ этотъ усачъ! сказалъ Шрамъ. Видно, у васъ тамъ въ Сѣчи только и дѣлаютъ, что забавляютъ одинъ другаго выдумками.

— Э, пан'отче! наши братчики дѣлаютъ каждый день столько чудесъ, что не нужно и выдумывать! Но уже вѣрно не услышатъ паны молодцы ничего чудеснѣе той штуки, какую выкину я сегодня.

— Ой?

— И не ой. Еще никогда не слыхано такого чуда.

— Чтò жъ это будетъ такое?

— Ни больше ни меньше, какъ только подхвачу къ себѣ на сѣдло эту кралю — хоть бы она была за сотнею замковъ — да и *шукáй вітра въ пóлі!* Махнемъ съ побрати-

(1) Такъ въ Черногоріи называются похитители невѣстъ.

(2) Отаманы запорожскіе почти всегда считались *характéрниками*, т. е. чародѣями. Удальство ихъ не могло быть иначе постигнуто умомъ людей обыкновенныхъ. Характéрника не брала пуля; онъ умѣлъ сдѣлаться невидимымъ для непріятеля, и т. п.

момъ прямо въ Черную Гору! Ахъ, да *дівчйна жъ гарна!* воскликнулъ Кирило Туръ, устремя на Лесю свой волчій взглядъ.

Леся съ самаго начала этой странной бесѣды была, сама не зная почему, сильно встревожена, и долго старалась увѣрить себя, что Запорожцу пришла блажь только позабавиться надъ ея страхомъ; но этотъ взглядъ разстроилъ ее наконецъ совершенно. Она не могла долѣе преодолѣвать свой испугъ, и, закрывъ руками лицо, начала плакать такъ сильно, что слезы закапали сквозь пальцы на скатерть. Мать встала изъ-за стола и увела ее плачущую въ другую комнату.

Этотъ случай не произвелъ никакого впечатлѣнія на суровыя козацкія сердца. Въ испугѣ красавицы они видѣли только женское легковѣріе, и весело разсмѣялись.

— О вражій хлопецъ Запорожецъ! сказалъ Шрамъ, видишь, до чего договорился! испугалъ совсѣмъ *бідну дитйну.*

Череваниха не возвратилась уже къ обѣду, но никто, вставъ изъ-за стола, не вздумалъ освѣдомиться о здоровьи ея дочери: женщина привыкла тогда выносить слишкомъ много сильныхъ душевныхъ потрясеній, и никому не приходило въ голову, чтобы Леся могла занемочь отъ своего испугу.

Когда встали изъ-за стола, Кирило Туръ поблагодарилъ Бога по своему:

— *Спасйбі Бо́гу и мині, а господарéві ні: вінъ не нагоду́е, такъ дру́гий нагоду́е, а зъ го́лоду не вмру.*

И ушелъ съ своимъ побратимомъ изъ монастыря, ни съ кѣмъ не прощаясь, какъ будто изъ своего куреня. Только слышно было, какъ онъ, уходя со двора, напѣвалъ пѣсню:

Журба́ менé су́шить, журба́ менé вя́лить;
Журба мене, моя́ ма́ти, скоро зъ ніг̃ъ зва́лить.

— Слышишь? сказалъ тогда Шраму гетманъ. — Никто не разберетъ, чѣмъ дышетъ Запорожецъ. А знаю я, что у этого Кирила Тура лежитъ что-то тяжелое на душѣ. Онъ представляетъ изъ себя повѣсу, а я не разъ замѣчалъ,

куда стремится этотъ юродивый. *Дивно во очію*, а вѣдь онъ только и думаетъ о спасеніи души!

— Дурную же дорогу выбралъ онъ! сказалъ Шрамъ.

— На какую набрелъ, ту и выбралъ, батько. Сотворилъ онъ себя буіимъ и безумнымъ для Бога. Вонъ оно что̀! Господь его знаетъ, куда онъ забредетъ; а видалъ я не разъ, какъ Кирило Туръ, молясь въ глубокую ночь, обливался слезами; и пускай пустынникъ вознесетъ такую молитву къ Богу, какъ этотъ гуляка! Вслушавшись въ нее, я самъ.... да что̀ о томъ разсказывать? То дѣла божіи. Открою тебѣ, пан'отче, зачѣмъ я въ Кіевѣ. Не сватовство у меня на умѣ. Обвѣнчаюсь я съ моей невѣстою, прогнавши Ляховъ за Случь, чтобъ моя жинка была гетманша *на всю губу;* а теперь намъ надобно поставить твердо ногу въ Кіевѣ—воевода здѣшній мнѣ усердствуетъ, мы съ нимъ обо всемъ условились—надобно осмотрѣть окопы и заготовить запасы, да еще кое-что сладить передъ началомъ такой великой войны. Пойдемъ-ка къ отцу Иннокентію Гизелю; у него разумная и толковая голова. Поговоримъ съ нимъ кое про что̀ изъ Гадячскихъ пунктовъ. Не дуракъ былъ Выговскій, что хлопоталъ о типографіяхъ и академіяхъ; только худо сдѣлалъ, что сдружился съ Поляками. Съ Поляками у насъ во вѣки вѣчные ладу не будетъ. Безъ Москаля нѣтъ намъ житья на свѣтѣ: Ляхи, Турки, Татаре истребятъ, перевернутъ насъ къ верху дномъ. Одинъ Москаль сбережетъ намъ и имя русское, и вѣру православную.

— Ой, сыну! сказалъ Шрамъ:—разнюхали мы теперь добре бояръ да воеводъ московскихъ!

— *Се, батьку, якъ до чоловіка*, отвѣчалъ гетманъ;—а Москаль намъ ближе Ляха, и не слѣдуетъ намъ отъ него отрываться.

— Богъ его знаетъ! говорилъ въ раздумьи Шрамъ; можетъ, оно такъ и лучше будетъ.

— Да ужъ не хуже, батько. Тутъ всѣ слушаютъ одного, а тамъ, что̀ ни панъ, то и король; и всякая дрянь норовитъ, какъ бы козака въ грязь втоптать.

— Не удастся имъ это, невѣрнымъ душамъ! сказалъ Шрамъ, схватясь за усъ.

— Ну, вотъ для того-то и надобно намъ держаться за руки съ Москалемъ. Вѣдь это все одна Русь, Боже мой праведный! Коли у насъ заведется добро, то и Москалю будетъ лучше. Погоди-ка, пускай Господь поможетъ намъ соединить оба берега Днѣпра подъ одну булаву; тогда заведемъ вездѣ *правные суды*, академіи, типографіи, поднимемъ Украину, и возвеселимъ души великихъ кіевскихъ Ярославовъ и Мономаховъ!

Такъ разсуждая, гетманъ съ нѣсколькими приближенными отправился къ Печерскому архимандриту. Черевань легъ отдохнуть послѣ обѣда, а прочіе разбрелись по монастырю.

Что же происходило съ Лесею? Леся дѣйствительно «разнемоглась» послѣ приключенія за столомъ. Каждое слово проказника Запорожца она принимала за серьёзный противъ нея замыселъ, и просила мать запереть кругомъ двери и окна, чтобъ онъ не ворвался и не схватилъ ее, какъ коршунъ голубку. Напрасно мать употребляла все могущество своего языка, чтобъ разсѣять ея страхъ; бѣдной дѣвушкѣ мерещилось одно, и она чувствовала живѣйшее безпокойство, какое бываетъ при ожиданіи угрожающаго бѣдствія.

Черевань, ввалившись въ комнату, гдѣ она лежала полубольная, и узнавши, въ чемъ дѣло, присовокупилъ отъ себя нѣсколько увѣщаній съ такимъ усердіемъ, что сказалъ даже раза два *бгать*, забывши, что говоритъ не съ мужчиною, но и это не помогло. Впрочемъ заботливый отецъ заснулъ отъ того ничуть не хуже, и проснулся, когда начали уже звонить къ вечернѣ.

Сомко и его спутники воротились въ гостинницу въ самомъ радостномъ расположеніи духа; пили за здоровье единодушной, великой Украины, пили за здоровье царя православнаго и «праведнаго», который—говорили они— ни для кого на свѣтѣ не покривитъ душою; не такъ какъ король, который отдалъ козаковъ на поруганіе магнатамъ. Ликовали отъ всего сердца, предвидя впереди много хорошаго для всего православнаго міра. Шрамъ об-

нималъ гетмана, и едва не плакалъ отъ восторга; а Черевань, осушая кубо́къ за ку́бкомъ, безпрестанно восклицалъ: *Що бъ на́шимъ ворога́мъ було́ тя́жко!*

Все это происходило въ свѣтлицѣ, сосѣдней съ комнатою, въ которой лежала разстроенная гетманская невѣста. Никто о ней не заботился: козаки увлеклись войсковыми дѣлами, заговорились подъ стукъ ковшей и кубковъ, и позабыли о своихъ женахъ и невѣстахъ. Это было въ порядкѣ вещей, къ этому всѣ привыкли; но обычай покоряетъ умъ, и не властенъ надъ сердцемъ. Леся сильно почувствовала свое отчужденіе. Не жаловалась однакожъ она въ душѣ своей ни на стараго Шрама, ни на его сына,—ихъ она оттолкнула отъ себя добровольно; не жаловалась и на своего отца,—тому все было ни по чемъ, когда завязывалась пріятельская пирушка; но ея сердце сильно обвиняло жениха, который какъ будто позабылъ, что у него есть невѣста. У него въ головѣ только и мыслей, что̀ про походы; сердце его только и бьется для военной славы. А дѣвичьему сердцу тогда только дорога рыцарская слава, когда козакъ вмѣнитъ ее въ ничто передъ любовью. Женщинѣ нужно хоть на одинъ мигъ, но полное торжество надъ сильнымъ, гордымъ мужчиною. Леся не имѣла и не могла имѣть надъ Сомкомъ такого торжества. Онъ *удостоивалъ* ее любви, и не сомнѣвался ни одной минуты въ ея привязанности.

Дѣйствительно, она полюбила его еще въ дѣтскомъ возрастѣ, когда онъ, бывало, носилъ ее на рукахъ и дарилъ ей то золотыя серьги, то ожерелья, добытыя въ Польшѣ. Еще тогда онъ называлъ ее своею суженою, и сложилъ руки съ ея матерью. Череваню казалось шуткою такое сватовство, потому что Сомко́ только изрѣдка навѣщалъ его хуторъ, да и то какъ-будто мимоѣздомъ; но Череваниха не шутила съ нимъ словами: отъ всей души называлъ ее Сомко̀ матерью, отъ всего сердца называла она его зятемъ. Только Сомко спокойно ждалъ, пока исполнятся Лесѣ дѣвичьи лѣта,—его увлекали болѣе строгія заботы; а у дочери съ матерью только было и бесѣды, что̀ про жениха. И выросла Леся, любя его, какъ умѣютъ

любить только козачки, и готова была доказать жизнью и смертью любовь свою. Но отъ нея не требуютъ никакихъ доказательствъ. Она, съ ея преданнымъ сердцемъ, была оставлена какъ бы въ сторонѣ: другіе предметы, другія чувства занимаютъ весь умъ и душу блистательнаго жениха ея. Заболѣло у нея сердце; но молчала бѣдняжка, не жаловалась и матери.

Что̀ же Петро̀? Онъ тотчасъ послѣ обѣда, взявши ружье, отправился въ окрестный лѣсъ подъ видомъ охоты, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ быть подальше отъ своей чаровницы. Его душа разрывалась на двое: одна сила тянула его къ гордой красавицѣ, а другая заставляла бѣжать отъ нея, какъ отъ чего-то пагубнаго. Онъ воротился на подворье только вечеромъ, и никто не зналъ, какъ много перечувствовалъ онъ въ короткое отсутствіе. Въ свѣтлицѣ шелъ пиръ горой, и далеко были слышны шумныя рѣчи гостей. Нѣкоторые радушно предлагали ему круговую. Петро̀ сперва отказывался, но потомъ съ горя взялъ огромную коновку, наполненную наливкою, и выпилъ ее до дна, думая заглушить этимъ свою горесть. Но хмѣль не имѣлъ на его голову никакого дѣйствія.

Лишь только сѣли за ужинъ, какъ явился опять Запорожецъ, но уже безъ побратима.

Леся не вышла къ ужину. Голова у нея разгорѣлась, и она пришла въ такое состояніе, что мать нашла необходимымъ послать въ монастырскую пасику за воро̀жкою. Пришла ворожка, шептала надъ больною чародѣйскія, ни для кого непонятныя рѣчи, напоила ее какой-то травою, и осталась при ней ночевать. Къ вечеру Леся согласилась было на убѣжденіе матери раздѣться и лечь въ постель; но, услышавъ голосъ Кирила Тура, рѣшилась не раздѣваться и не ложиться спать во всю ночь. Она не сомнѣвалась, что этотъ пройди-свѣтъ дышетъ не своею силою: она слышала много чудесъ о запорожскомъ *характѐрствѣ*. А Кирило Туръ, какъ бы съ намѣреніемъ позабавиться еще больше ея страхомъ, началъ опять свой странный разговоръ.

— Ну, панове, сказалъ онъ,—собрался я въ дорогу.

— Въ какую? спросилъ Сомко.

— Да въ Черногорію жъ.

— Всё таки туда. Ты не отстаешь отъ своей затѣи?

— Когда жъ это, пане ясневельможный, бывало, чтобъ Низовцы, что-нибудь затѣявши, оставили свой замыселъ, какъ химеру? О чемъ никто подумать не отважится, то Низовецъ, сидя надъ широкимъ моремъ-лиманомъ, выдумаетъ, затѣетъ и скорѣй пропадетъ, нежели броситъ свою затѣю. Такъ, видно, и мнѣ приходится теперь, или пропасть, или достать славы: не даромъ мою Турову голову такъ заморо̀чили дѣвичьи очи!

— И ты, будучи Запорожцемъ, не стыдишься въ томъ признаваться! сказалъ Шрамъ, который тоже заслушался его балагурства, какъ сказки. — А что̀ скажетъ товариство, когда узнаетъ, что куренный ота̀манъ такъ осрамилъ Запорожье?

— Ничего не скажетъ: я уже теперь вольный козакъ.

— Какъ то *теперь* вольный? а прежде развѣ не былъ вольный?

— Видите ли, у насъ пока козакъ считается въ куренномъ товариствѣ, до тѣхъ поръ онъ такой же невольникъ у сѣчевой старшины, какъ и послушникъ монастырскій у своего игумена. Свяжись, когда хочешь, тогда съ бабою, то будешь знать, *по чімъ ківшъ лиха!* Но нашъ монашескій уставъ мудрѣе монастырскаго: у насъ вольному воля, а спасенному рай. Чего добраго ожидать отъ человѣка, которому запахнутъ, какъ говорится, прелести міра сего? У насъ, какъ только овладѣетъ которымъ «братчикомъ» дьяволъ суеты мірской, то заразъ ему отставка: иди къ бѣсовой матери, выбрикайсь на свободѣ, коли слишкомъ разжирѣлъ отъ сѣчеваго хлѣба! И не разъ случалось, что бѣдный сѣромаха погуляетъ, погуляетъ по свѣту, ухватитъ, какъ говорятъ, шиломъ патоки, да увидѣвши собственными глазами, что въ мірѣ нѣтъ ничего путнаго, броситъ жинку и дѣтей, придетъ въ Сѣчь: «Эй, братчики, примите меня опять въ свое товариство: нѣтъ въ свѣтѣ добра, не стоитъ онъ ни радости, ни печали.» А козаки тогда: «*А що братъ! ухопивъ шиломъ па̀токи!* Бери жъ

корякъ да выпей съ нами этой дуры, то, можеть, поумнѣешь.» Вотъ горемыка садится межъ жилымъ товариствомъ, пьетъ, разказываетъ про свое житье-гореванье въ свѣтѣ, а тѣ слушаютъ, да только за бока берутся отъ смѣху. Такъ и мой покойный батько—царство ему небесное!—ѣздячи когда-то по Украинѣ, наѣхалъ на такія очи, что и товариство стало ему не товариство: сказано—лукавый замутилъ человѣку голову, такъ какъ вотъ мнѣ теперь. Ну, уволынился отъ товариства, сѣлъ хуторомъ гдѣ-то возлѣ Нѣжина, и хозяйство завелъ, и дѣтокъ прижилъ двоихъ. Одинъ изъ нихъ былъ карапузъ мальчикъ, а другая дѣвочка. Только годовъ черезъ пять-шесть такъ ему все опротивѣло въ той сторонѣ, какъ орлу въ неволѣ. Тоскуетъ да и тоскуетъ козакъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли козацкую душу наполнить жинкою-квочкою да дѣтьми-писклятами? Козацкой души и весь міръ не наполнитъ. Весь міръ она прогуляетъ и разсыплетъ, какъ дукаты съ кармана. Одинъ только Богъ можетъ ее наполнить...

— Что жъ сдѣлалось съ твоимъ батькомъ? спросилъ Сомко.—Ты ужъ разсказывай одно; а то хочешь быть и попомъ и дьякомъ.

— Съ моимъ батькомъ? сказалъ Запорожецъ, выходя изъ какой-то несвойственной ему задумчивости, въ которую впалъ онъ послѣ своего разсужденія.—Эге! я жъ говорю, что, женившись, батько мой скоро увидѣлъ, *що поживйвсь якъ собáка мýхою*, и заскучалъ по Запорожью. Уже не разъ говорила ему моя мать, такъ какъ та жинка въ пѣснѣ:

Що ты мúлый дýмаешь-гадáешь?
Мáбуть, менé покúнути мáешь.
Рáно встаéшь, коня́ напувáешъ,
Жовтéнького вівса підсыпáешъ,
Зелéного сіна́ підкладáешъ,
Въ сінéчки йдешь, нагáйки пытáешъ,
Въ комóру йдешъ, сідéльця шукáешъ,
Дитя́ плáче, ты не поколы́шешъ,
Все на мéне важкúмъ дýхомъ дышешъ...

Только мой батько не пускался въ такіе жалобные раздобары, какъ тотъ козакъ съ своею жинкою, а налу-

мавшись-нагадавшись, сѣлъ разъ на коня, взялъ на сѣдло съ собою карапуза своего сынка, то есть меня негоднаго, да и гайда́ на Запорожье! Не выбѣгала вслѣдъ за нимъ моя мать, какъ въ той пѣснѣ, не хвата́ла за стремена, не упрашивала воротиться выпить вареной горилки, нарядиться въ голубой жупанъ, и еще хоть разъ посмотрѣть на нее. И наливки, и жупаны оставилъ онъ ей на прожитье, а самъ, въ простой сермягѣ, удралъ за границу бабьяго царства, на Запорожье. Видно, и мнѣ придется пойти по батьковскимъ слѣдамъ.

— Ну, бери жъ кубокъ, да подкрѣпись на дорогу, сказалъ гетманъ.—До Черной Горы не близокъ свѣтъ. Вотъ и мы погладимъ тебѣ дорогу.

— Дя́куемъ тебѣ, пане гетмане, отвѣчалъ низко поклонясь Запорожецъ, и опорожнилъ въ отвѣтъ свой кубокъ.—Когда ты самъ гладишь мнѣ дорогу, то будь увѣренъ, что довезу я въ Черную Гору твою невѣсту благополучно.

—Что̀ ты думаешь? сказалъ Шрамъ потихоньку гетману. Вѣдь эти сѣчевые бурлаки такой народъ, что ихъ и самъ нечистый не разберетъ. Смотри еще, чтобъ въ самомъ дѣлѣ дьяволъ не подвелъ его на какую-нибудь сумасбродную шутку.

— Богъ знаетъ что̀! отвѣчалъ смѣясь гетманъ,—я слишкомъ хорошо знаю этого юродиваго Запорожца. У него только въ глазахъ лукавство и насмѣшка, а душа такая, какъ будто онъ выросъ въ церкви, а не на Запорожьи. Когда я прогонялъ Ляховъ изъ Украины, и отбивался отъ Юруся и Татарвы, онъ съ своимъ Черногорцемъ оказалъ мнѣ множество услугъ. Онъ былъ моимъ вѣстникомъ, шпіономъ, тѣлохранителемъ, онъ дрался за меня какъ бѣшенный, и все это за кубокъ наливки да за доброе слово. Не разъ насыпалъ я ему полную шапку талярей, но онъ, выходя отъ меня, выбрасывалъ ихъ вонъ какъ соръ. «Откуда это столько половы набилось въ мою шапку!» Такой чудодѣй. Бывало говорю: «Кирило, скажи ради Бога, чѣмъ мнѣ наградить тебя за твои услуги? вѣдь ты не разъ

спасалъ меня отъ смерти.»—«Не тебѣ, говоритъ, награждать меня за это!» Вонъ оно что̀, батько!

—Да, отвѣчалъ Шрамъ, это золото, а не Запорожецъ!—Пане ота̀мане, сказалъ онъ Кирилу Туру, поди сюда, дай я обниму и поцѣлую тебя.

— За что̀ это такая ласка? отвѣчалъ тотъ своимъ обычнымъ тономъ.

— Поди, поди; мнѣ-то знать, за что̀!

И Шрамъ прижалъ Запорожца къ своей груди.—Пускай же наградитъ тебя Господь за твои рыцарскіе поступки! сказалъ онъ.

— Эге, батько, отвѣчалъ Запорожецъ.—То еще пустяки, да уже такъ меня приголубливаешь. Какъ же приголубишь ты Кирила Тура, когда онъ украдетъ у гетмана изъ-подъ полы невѣсту?

— Врагъ меня возьми, братцы, отозвался Черевань, который особенно любилъ балагурство во вкусѣ Кирила Тура,—врагъ меня возьми, если я когда видѣлъ подобнаго молодца! Душа, а не Запорожецъ! Поди, братъ, и ко мнѣ, и я тебя поцѣлую.

— Вотъ добрые люди, сказалъ Запорожецъ, освободясь отъ мягкихъ объятій Череваня. У нихъ крадешь, а они тебя цѣлуютъ! Ей Богу, безподобные люди! Жаль, что уже больше не увидимся: въ Черногорію и воронъ костей вашихъ не занесетъ. Ну, прощайте жъ теперь, пано̀ве! благодаримъ за хлѣбъ, за соль. Прощайте, пора мнѣ готовиться въ дорогу...

И выходя изъ свѣтлицы, Кирило Туръ распростеръ руки и говорилъ: Двери отмыкайтесь, а люди не просыпайтесь! двери отмыкайтесь, а люди не просыпайтесь!

— Что̀ за причудливая голова у этого Запорожца! сказалъ смѣясь Сомко. Безъ юродства ему не ѣстся и не спится. Это онъ насъ чаруетъ, характѐрствуетъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Ой по горі по висо́кій я́рая пшени́ця,
А по луці по зеле́ній шовко́ва трави́ця;
А по тій же по трави́ці два козаки́ хо́дять,
Да вороныхъ ко́ней во́дять, не до́бре гово́рять:
«Ой поідемъ, па́не бра́те, до Мару́сі въ гості,
А въ тіеі Мару́сеньки ввесь двіръ на помо́сті»....
Ой узяли́ Мару́сеньку съ чо́рными брова́ми
Да повезли́ Мару́сеньку луга́ми-яра́ми....

Народная пѣсня.

Вечерній пиръ продолжался не долго, потому что благочестивымъ людямъ неприлично было въ монастырской гостинницѣ гулять до-поздна. За часъ до полуночи всѣ уже спали, нарушая тишину только храпѣньемъ, которое раздавалось отъ покоевъ, занятыхъ сановнѣйшими изъ гостей, до конюшенъ, гдѣ помѣстился Василь Невольникъ и нѣсколько другихъ козаковъ. Многіе улеглись подъ открытымъ небомъ на подворьѣ, и хоть ночь была довольно прохладна, но для этихъ крѣпкихъ людей, разгоряченныхъ напитками, прохлада ночная была такъ пріятна и живительна, какъ и для травъ, привянувшихъ на солнечномъ жару.

Кругомъ по лѣсу раздавалось пѣніе соловьевъ, покрываемое иногда дикимъ голосомъ *пугача*, который очень явственно выговаривалъ свое зловѣщее *пугу!* Козацкое солнце ([1]) высоко поднялось надъ лѣсами, какъ бы для того, чтобъ поглядѣть на своихъ любимцевъ, безпечно покоящихся подъ его сіяніемъ. Звѣзды осыпали небо какъ ризу.

Величественная картина ночи поселила въ умѣ Украинца рядъ благочестивыхъ и поэтическихъ мыслей. Мѣсяцъ своими таинственными пятнами напоминаетъ ему вражду двухъ первыхъ братьевъ. Чтобъ предостерегать на вѣки

---

(1) Козаки много дѣлали дѣлъ своихъ ночью, при свѣтѣ мѣсяца. Отъ этого мѣсяцъ и называется *козацкимъ солнцемъ*.

вѣковъ родъ человѣческій отъ подобнаго злодѣянія, Богъ начерталъ своею рукою на этомъ свѣтилѣ небесномъ образъ Каина, несущаго на плечахъ своего брата, въ знаменіе того, что никогда память о содѣянномъ убійствѣ не оставитъ совѣсти преступника. Звѣзды представляются воображенію Украинца человѣческими душами, которыя, воспользовавшись усыпленіемъ грѣховной плоти во время ночи, вознеслись къ своему Творцу, чистыя и блистательныя. Если покатится по небу и погаснетъ падающая звѣзда, Украинецъ заключаетъ, что погасла жизнь какого-нибудь человѣка, и усердно перекрестится, прося Бога отпустить ему грѣхи его. Къ нѣкоторымъ изъ неподвижныхъ звѣздъ и созвѣздій онъ обращается, какъ къ священнымъ знакамъ творческой руки божіей, благодѣтельнымъ для разныхъ временъ года, для разныхъ занятій, промысловъ и тому подобнаго. Такъ созвѣздіе Возъ (Большая Медвѣдица) считается благодѣтельною звѣздою чумаковъ; другія покровительствуютъ жатвѣ, скотоводству, и проч.

Ночь, распростершаяся надъ Печерскимъ монастыремъ и его холодными лѣсами, была прекрасна; но никто не любовался ею, хотя и былъ въ числѣ разгульныхъ богомольцевъ одинъ человѣкъ, который напрасно думалъ найти сонъ на травѣ, покрывавшей подворье. Этотъ человѣкъ долго переворачивался съ одного бока на другой, вздыхалъ, изрѣдка стоналъ, подобно раненному воину, который, при всемъ своемъ мужествѣ, не можетъ перенести терпѣливо боли своей раны; наконецъ онъ всталъ и вышелъ сквозь низенькую калитку въ лѣсъ.

Не трудно догадаться, что это былъ не кто другой, какъ Петро́, который таилъ отъ всѣхъ несчастную любовь свою, и тѣмъ жесточе мучился. Да и къ чему было бы ему кому-нибудь открываться, если такая откровенность, вмѣсто участія, дала бы иному случай посмѣяться надъ чувствами, которыя всякій влюбленный считаетъ самыми священными въ душѣ своей? Если и въ нашъ образованный вѣкъ такъ не высоко цѣнятъ любовь къ женщинѣ, то что̀ же сказать о томъ грубомъ вѣкѣ, когда женщину принимали въ спутницы жизни только по матерьяльнымъ нуж-

дамъ, а не по требованію сердца, чувствующаго себя неполнымъ, недосозданнымъ? Въ старину у насъ любили, можно сказать, однѣ женщины: доказательствомъ тому осталось множество сложенныхъ ими пѣсенъ. Мужчина только тогда возвышался до чувства поэтической любви, когда дѣлался семьяниномъ и отцемъ.

Какія думы, какія чувства занимали душу моего козака, не берусь расказывать, да и самъ онъ едва ли былъ бы въ состояніи выразить что-нибудь словами. Если бъ онъ имѣлъ мать, для которой всякое страданіе сына становится собственнымъ страданіемъ, или сестру, которую украинскія наши пѣсни такъ хорошо назвали жалобницею, онъ бы *имъ* разсказалъ свое горе; потому что, если козакъ стыдился обнаруживать нѣжныя чувства передъ козакомъ, и прикрывалъ ихъ всегда насмѣшливымъ тономъ рѣчей, то онъ невольно дѣлался простодушнымъ юношею, когда мать начинала окружать его своими заботами, или сестра принималась разчесывать его кудри, распрашивая о чужой сторонѣ, объ ужасахъ, нуждахъ и опасностяхъ, какимъ онъ подвергался. Мой Петро не имѣлъ ни матери, ни сестры; казалось бы, его чувства тѣмъ удобнѣе могли огрубѣть посреди забіякъ-товарищей и суровыхъ воинскихъ занятій. Но вышло напротивъ: они достигли тѣмъ большей силы въ глубинѣ его чистой и страстной души, закрытой для всѣхъ женщинъ до этого знакомства.

Петро медленно бродилъ по узкой дорожкѣ, извивающейся между старыми дубами и березами, сквозь которыя мѣсяцъ, спустившись съ высоты неба, проливалъ по травѣ и по истрескавшимся корнямъ древеснымъ длинныя полосы свѣта. Ночь была уже на исходѣ. Вдругъ слышитъ онъ въ лѣсу конскій топотъ. Шумъ постепенно къ нему приближался. Опытный слухъ его сквозь пѣнье соловьевъ распозналъ умѣренную рысь двухъ лошадей. Избѣгая, съ кѣмъ бы то ни было, встрѣчи, онъ отошелъ въ сторону, и черезъ минуту, или черезъ двѣ, началъ различать голоса двухъ разговаривающихъ людей, изъ которыхъ въ одномъ не трудно было узнать Запорожца Кирила Тура. Несвободная, наполненная ошибками противъ языка и перемѣ-

шанная сербскими восклицаніями *бре* и *море*, рѣчь его собесѣдника обнаруживала всегдашняго спутника его, Богдана Черногора.

— Хотѣлъ бы я знать, побро, говорилъ Сѣчевикъ, что́ скажутъ ваши отмичары о запорожскомъ удальствѣ, когда ты имъ раскажешь, какъ Кирило Туръ подхватилъ себѣ *дѣвойку*, да еще какую!

— Бре, побро, отвѣчалъ Черногорецъ; мнѣ все сдается, что ты меня морочишь. Не повѣрю, пока не увижу собственными глазами.

— Мѣсяцъ еще не скоро зайдетъ; увидишь, коли не ослѣпнешь.

— Но, скажи ради Бога, какъ ты *о́тмешь дѣвойку*, не надѣлавши шуму?

— Эге-ге! такія ли дѣла приходилось Запорожцамъ совершать на своемъ вѣку? А развѣ я напрасно заворожилъ всѣ двери?

— Море! воскликнулъ Черногорецъ. Ты бъ уже хоть меня не дурачилъ!

— Что́ за безтолковая у тебя голова! сказалъ Кирило Туръ. Ну, за что̀ бъ меня выбрали отаманомъ? развѣ за то, что исправно осушаю ковши съ горилкою? На это у насъ много мастеровъ; а характе́рство не всякому дается.

Между тѣмъ какъ Петро́ съ любопытствомъ и удивленіемъ слушалъ этотъ разговоръ, отмичары проѣхали мимо, и отъѣхали такъ далеко, что голоса ихъ начали покрываться неумолкавшимъ во всю ночь пѣньемъ соловьевъ.

Теперь эти странныя рѣчи Петру не казались уже шуткою, и первымъ его движеніемъ было идти на козацкое подворье и разбудить козаковъ. Но, сдѣлавъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ подворью, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе, и ему стало даже стыдно, какъ могъ онъ быть такъ легкомысленъ, чтобы принять затѣю пьянаго Запорожца за настоящее дѣло!

Однакожъ онъ продолжалъ идти впередъ медленнымъ шагомъ.

— Чудно! думалъ онъ, — какъ человѣкъ отъ юродства способенъ совсѣмъ спятить съ ума! Это тебѣ за то: не

представляй изъ себя химородника ([1]), не бурли, какъ кабанъ въ корытѣ! Я отъ души буду доволенъ, если ему за эту шутку Сомко́, также шутя, велитъ нагрѣть дубиною плечи.

Послѣ нѣсколькихъ шаговъ, мысли его приняли другое направленіе.

— Но что̀, если онъ въ самомъ дѣлѣ характе́рникъ? — думалъ онъ — и вспомнилъ разсказы старыхъ и бывалыхъ козаковъ о томъ, какъ эти бурлаки-Запорожцы, сидя на Низу въ камышахъ, межъ болотами, обнюхиваются съ нечистымъ, — какъ они выкрадывали изъ турецкихъ крѣпостей не только своихъ товарищей, невольниковъ, но и самыхъ Турчанокъ, такимъ чуднымъ способомъ, что безъ особенной помощи божіей, или безъ нечистой силы, обойтись, кажется, было бы трудно.

— Правда — размышлялъ онъ — почему же не быть помощи божіей для освобожденія невольника изъ бусурменской земли, или для того, чтобъ невѣрная Турчанка сдѣлалась христіанкою? Но отъ такихъ разбиша́къ, у которыхъ безпрестанно на языкѣ какая-нибудь дрянь, и Богъ отступится. Да притомъ же вѣрно не даромъ носится въ народѣ слухъ про ихъ характе́рство.... Уходитъ отъ Татаръ, раскинетъ на водѣ бурку, сядетъ и плыветъ, какъ на плоту, да еще сидя на буркѣ, и отъ Татаръ отстрѣливается! Конечно, то пустяки, что Ляхи вѣрятъ, будто бы Запорожцы родятся на днѣпровскомъ лугу, какъ грибы, и оживаютъ до девяти разъ, потому, будто бы, что у каждаго Запорожца девять душъ въ тѣлѣ. Но украсть у добраго человѣка что-нибудь имъ такъ же легко, какъ достать тютюну изъ собственнаго кармана. Они напускаютъ туманъ на человѣка....

Тутъ пришелъ ему на память запорожскій бурлака, который сидѣлъ у стараго Хмѣльницкаго подъ стражею, и напускалъ туманъ. — «Что̀ вы, говоритъ, меня сторожите? Только захочу, то чорта съ два убережете. Завяжите, говоритъ, меня въ мѣшокъ, да привѣсьте къ перекладинѣ,

---

(1) Чародѣя.

такъ и увидите». Завязали въ мѣшокъ, и привѣсили къ перекладинѣ, а онъ и идетъ изъ-за двери. «А что̀, вражьи дѣти, уберегли?»

— Что̀ же, думаетъ Петро́, если и это такой удалецъ! Пойду скорѣй, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не надѣлалъ онъ намъ бѣды.

Но, пройдя шаговъ десять, онъ опять остановился.

— Что̀ я за безумная голова! сказалъ онъ почти въ слухъ. Кому я иду помогать? Кого спасать? Развѣ у нея нѣтъ жениха, который долженъ охранять ея спокойствіе и честь? Что жъ я за караульный, который долженъ не спать по цѣлымъ ночамъ, чтобъ какой-нибудь пьяница не подкрался и не испугалъ гетманской невѣсты? Когда ты выходишь за гетмана, такъ пусть вокругъ тебя на всѣхъ дверяхъ и воротахъ поставитъ сторожу; а мои уши ничего не слышали и очи не видѣли.... Пусть васъ хоть всѣхъ перехватаютъ эти гайдамаки—мнѣ какое дѣло? Воображаю я завтра ясневельможнаго пана, когда узна́етъ, что Запорожецъ изъ-подъ носа у него укралъ невѣсту! Воображаю и тебя, пышная пани Череваниха; такъ ли гордо будешь ты поглядывать на нашего брата, когда этотъ женихъ со звѣздами вмѣсто очей проспитъ невѣсту свою не хуже всякаго гультая? Воображаю и тебя, неприступная краля, когда эта шиба́й-голова замчитъ тебя между Черногорцевъ: тамъ женщины цѣлуютъ въ руку мужчинъ, а тѣ на нихъ даже взглянуть считаютъ милостью! Будешь ты тамъ скакать черезъ саблю этого дикаго Тура, не разъ вспомнишь пѣсню:

Люби́въ мене́, ма́ти, Запоро́жець,
Води́въ мене́ бо́су на моро́зець....

Тутъ его мысли прерваны были послышавшимся вдали конскимъ топотомъ. Все его вниманіе обратилось въ ту сторону, откуда слышался топотъ. «Неужели въ самомъ дѣлѣ этотъ бурлака знается съ нечистою силою?» подумалъ онъ. «Но посмотримъ, не одни ли они возвращаются?—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ они ее везутъ!» воскликнулъ мысленно Петро́, примѣтя вдали всадниковъ, отъ которыхъ

длинныя тѣни доставали по травѣ почти до куста, гдѣ онъ скрывался. Тутъ только пришло ему въ умъ, какую роль могла сыграть ворожка, за которою Череваниха простодушно посылала Василя Невольника....

Отмичары скоро подъѣхали очень близко. Смотритъ козакъ мой, — Кирило Туръ держитъ передъ собою Лесю на рукахъ, какъ ребенка. Видъ ея поразилъ Петра какимъ-то ужасомъ. Она казалась дѣйствительно заколдованною: сидѣла на конѣ, или, лучше сказать, лежала на рукахъ у Запорожца, съ закрытыми глазами и опущенною на грудь головою, между тѣмъ какъ видно было, что она чувствуетъ свое положеніе. Петро́ услышалъ даже нѣсколько отрывистыхъ словъ, сказанныхъ ею въ этомъ полуснѣ; но за топотомъ коней и за свистомъ соловьевъ, которые передъ разсвѣтомъ запѣли громче прежняго, онъ не могъ разслушать, что̀ она говорила. Онъ хотѣлъ было выдти изъ-за куста, заступить отмичарамъ дорогу, и сразиться съ ними, не смотря на всѣ ихъ чары; но вспомнилъ, что при немъ нѣтъ никакого оружія, кромѣ ножа у пояса.

Когда они проѣхали мимо, Петро́ еще съ минуту не зналъ, на что̀ рѣшиться. Не смотря на состраданіе къ Лесѣ и негодованіе къ похитителямъ, въ его сердцѣ все еще не изчезли ревность и низкое чувство мщенія. Онъ еще разъ обратился къ любимымъ своимъ размышленіямъ на счетъ досады и стыда людей, съ которыми Запорожецъ сыгралъ такую злую шутку.... Но вдругъ до его слуха долетѣлъ вопль увозимой красавицы, и ему показалось, что онъ слышалъ въ этомъ воплѣ свое имя. Сердце его затрепетало, и въ ту жъ минуту пробудилась въ немъ вся энергія, вся готовность пожертвовать за эту дѣвушку своею жизнью, хоть бы только для того, чтобъ она вспомнила о немъ съ благодарностью.

Онъ бѣгомъ бросился къ подворью, отъ котораго былъ не далеко, и сперва хотѣлъ было поднять на ноги весь домъ; но непреодолимое отвращеніе извѣщать Сомка́ о его невѣстѣ удержало его отъ этого. Къ тому жъ, онъ боялся потерять время. И такъ онъ вбѣжалъ въ конюшню, раз-

будилъ спавшаго тамъ Васия Невольника и, пока сѣдлалъ своего коня, разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

Василь Невольникъ отъ удивленія и страха могъ только произносить: «Боже правый! Боже правый!» и Петрó, оставя его въ этомъ положеніи, помчался въ погоню.

Между тѣмъ отмичары продолжали свой путь такъ быстро, какъ только позволяло имъ затрудненіе везть полусонную красавицу. Бѣдная Леся видимо была напоена соннымъ напиткомъ, и такъ сильно, что до сихъ поръ не могла очнуться. Скоро однакожъ свѣжій ночной воздухъ и движеніе отъ верховой ѣзды произвели на нее свое дѣйствіе. Она открыла отяжелѣвшія вѣки, и, увидя себя въ лѣсу между двухъ усатыхъ рожъ, сочла это видѣніе за сонъ. При всемъ томъ страхъ ея былъ такъ силенъ, что она пронзительно закричала, призывая своихъ друзей на помощь; и этотъ-то крикъ произвелъ такое благодѣтельное дѣйствіе на любящее сердце Петра.

Чтò же касается до сердецъ Кирила Тура и его вѣрнаго побратима, то вопль прелестной *отмицы* тронулъ ихъ не болѣе того, сколько отчаянный крикъ зайца трогаетъ сердце охотника. Витязи почти только взглянулись между собою съ торжествующимъ видомъ, и продолжали мчать впередъ свою добычу. Она начала умолять ихъ, чтобъ не губили ея и возвратили къ отцу и матери; но Кирило Туръ на это весело разсмѣялся.

— Чтò за глупыя головы у этихъ дѣвушекъ! сказалъ онъ.—Послѣ такихъ трудовъ бросить по доброй волѣ добычу! Нѣтъ, голýбонько, не на такого напала. Да и чего горевать тебѣ? развѣ я не съумѣю любить тебя такъ же, какъ и кто другой? Не плачь, мое сéрденько! Привыкнешь, то будешь такъ же весело жить, какъ и за гетманомъ. Не даромъ говорятъ: *дівка якъ вербá: де посадй, то прйметься.*

Не очень утѣшило Лесю такое увѣщаніе; бѣдняжка рвалась, кричала, поднимала къ небу руки.

— Послушай, моя дуся, сказалъ ей Запорожецъ такимъ голосомъ, отъ котораго она затрепетала, — я не знаю вашихъ нѣжностей; можетъ быть, ясновельможный панъ

гетманъ, или кто другой, умѣлъ бы лучше развеселить тебя; я же скажу только, что тебѣ выгоднѣе будетъ отложить свой крикъ до другаго времени, а то насъ могутъ нагнать, и тогда не думай, чтобъ я возвратилъ тебя живую. Можетъ быть, у вашихъ сельскихъ волковъ можно вырвать изъ пасти еще не задавленнаго ягненка, но наши луговые не привыкли быть такими уступчивыми. Молчи, говорю, коли не нажилась еще на свѣтѣ!

И, вынувъ изъ ноженъ кинжалъ, блеснулъ имъ при мѣсяцѣ передъ ея глазами, прибавя: — Не плачь, моя люба; *бачъ, яка́ цяця!*

Яростный взглядъ, брошенный при этомъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, и голосъ, врѣзывавшійся въ самое сердце, заставили бѣдную отмицу повиноваться ея похитителямъ, и только мысленно молить Бога о помощи.

Когда они выѣхали изъ лѣсу на открытое поле, блѣдный лунный свѣтъ боролся уже съ розовымъ отблескомъ зари, которая начинала окрашивать своимъ пурпуромъ восточный горизонтъ. Поля простирались передъ ними широкими волнами, и дорога то спускалась въ долину, то подымалась на отлогую возвышенность. Взъѣхавъ на одну изъ такихъ возвышенностей, Кирило Туръ оглянулся, и, замѣтя подъ лѣсомъ скачущаго во весь опоръ козака, сказалъ:

— Не будь я Запорожецъ, если этотъ молодецъ не за нами! И, если хочешь, побро, знать зоркость моего ока, то скажу тебѣ, и кто это. Это сынъ стараго Шрама. Врагъ меня побери, если я не догадываюсь, какой зарядъ несетъ такъ быстро эту пулю!

— Море, драгіи побратиме! отвѣчалъ Черногорецъ, чего жъ ты сталъ? утекаймо!

— Не такой, братъ, у него конь, чтобъ намъ уйти съ отмицею. Нѣтъ, лучше остановимся и дадимъ ему бой по рыцарски.

— Бре, побро, я никогда не прочь отъ бою; но насъ два: стрѣлять намъ не приходится, а на сабляхъ не знаю, что можно сдѣлать Шрамову сыну; только провозимся здѣсь до свѣту, пока наскачутъ и отнимутъ дѣвойку.

— Я много разъ слышалъ, сказалъ Кирило Туръ, — что Шрамовъ сынъ одинъ изъ первыхъ рубакъ на Украинѣ, и потому-то не хочу, чтобъ онъ видѣлъ спину Кирила Тура, послѣ того, какъ махалъ ему издали саблею. Посмотри, какъ онъ машетъ: будто проситъ добрыхъ пріятелей воротиться въ гости. Будь я дрянь, а не Запорожецъ, коли сегодня одинъ изъ насъ не добудетъ рыцарской славы, а другой рыцарской смерти! Ты увидишь сегодня такой поединокъ, что перестанешь выхвалять своихъ черногорскихъ юнаковъ.

— Ты хочешь, побро, одинъ съ нимъ биться? спросилъ Черногорецъ.

— А вже жъ одинъ! отвѣчалъ Кирило Туръ.—Я скорѣй промѣняю саблю на веретено, чѣмъ нападу вдвоемъ на одного.

Между тѣмъ, какъ они разговаривали, остановясь на одномъ изъ полевыхъ бугровъ, Петро̀ приближался къ нимъ тѣмъ быстрѣе, что Леся, увидя неожиданную себѣ помощь, вынула изъ кармана бѣлую *ху́стку* (1), и начала махать ему въ знакъ радости.

Отмичары только что̀ оставили за собою мостикъ, перекинутый черезъ одинъ изъ глубокихъ проваловъ, которыми въ этомъ мѣстѣ покрыты нагорные берега Днѣпра. Кирило Туръ, спустивъ свою отмицу на землю, всталъ съ коня, и, разобравши ветхій мостикъ, побросалъ бревна въ проваль, на днѣ котораго ревѣлъ мутный потокъ, подмывая крутые берега.

— На что̀ ты это творишь, драгій побратиме? спросилъ Черногорецъ.

— На то, отвѣчалъ Кирило Туръ, чтобъ этотъ молодецъ доказалъ сперва право имѣть дѣло съ Запорожцемъ. Пускай перепрыгнетъ черезъ этотъ ровчакъ, тогда я готовъ съ нимъ рубиться, хоть до страшнаго суда.

— Бре, побро, къ чему это? Коли ты думаешь, что ему не удастся перепрыгнуть, то лучше оставимъ его по тѫ сторону, а сами доберемся скорѣй до своеі *схо́ванки* (2).

(1) Платокъ.

(2) Тайника.

— Ха-ха! отвѣчалъ Кирило Туръ, — можетъ быть, у васъ въ Черногоріи такъ дѣлаютъ, а у насъ важнѣе всего « честь и слава, войсковая справа », которая бъ и « сама себя на смѣхъ не давала, и непріятеля подъ ноги топтала. » О головѣ думать нечего. Не даромъ написано: « *Человѣкъ, яко трава.* » Не сегодня, такъ завтра ляжетъ она, какъ отъ вѣтру бурьянъ на степи, а —

Слáва не вмрé, не поля́же,
Рыцáрство козáцьке вся́кому роскáже.

Между тѣмъ какъ этотъ удалецъ, дѣйствуя по разбойничьи, мечталъ о рыцарской славѣ (что̀ впрочемъ водилось и въ нѣмецкомъ рыцарствѣ), Петро́ летѣлъ на него съ обнаженною саблею. Но конь его, доскакавъ до провала, вдругъ остановился, уперся въ землю передними ногами, и дико храпѣлъ отъ страху.

— Ге-ге-ге! сказалъ, смѣясь Кирило Туръ. — Видно, не по твоему вкусу такіе ярки́?

— Подлый человѣкъ! вскричалъ Петро́, — такъ-то заплатилъ ты за угощеніе?

— За угощеніе! вотъ великое дѣло! отвѣчалъ Кирило Туръ. — У насъ въ Сѣчи пріѣзжай, кто хочешь, воткни ратовище въ землю, а самъ садись, ѣшь и пей, хоть тресни — никто тебѣ ложкою очей пороть не станетъ. А эти городовые кабаны только потому все считаютъ своимъ, что прежде другихъ забрались въ огородъ. Олухи вы царя небеснаго! Подумали бы вы сперва, кто тотъ огородъ засадилъ всякою всячиною на потребу человѣка?

— Іуда ты нечестивый! продолжалъ Петро, — тебя обнимаютъ и цѣлуютъ за вечерею, а ты умышляешь въ то самое время злодѣйство!

— Ха-ха-ха! засмѣялся Запорожецъ, — вольно дурнямъ обнимать и цѣловать меня, когда я въ глаза имъ говорю, какъ честный человѣкъ, безъ обмана, что увезу сегодня жъ па́нночку! Чѣмъ городить такіе пустяки, попробуй лучше перепрыгнуть черезъ провалье; то мы съ тобою покажемъ этому юнаку, какъ бьются настоящіе рыцари.

Петро̀ и безъ его совѣта намѣренъ былъ это сдѣлать.

Оборотя назадъ коня, онъ разогнался, чтобъ перепрыгнуть пространство шириною около полуторы сажени; но его конь, видно, не былъ пріученъ къ подобнымъ скачкамъ, или не надѣялся на свои ноги. Добѣжавъ до провала, онъ снова уперся ногами въ землю, потомъ всталъ на дыбы и едва не опрокинулся на спину.

Кирило Туръ отъ души захохоталъ, стоя на другомъ краю пропасти, и повидимому вовсе не заботился о предстоящей схваткѣ.

— Ай-ай! кричалъ онъ,—ай да козакъ! дѣвка по неволѣ перескочила черезъ провалье, а онъ, погнавшись за нею, испугался ярка́!

— Я бъ тебѣ скоро заткнулъ глотку, продова душа, сказалъ раздосадованный Петро,—если бъ не забылъ взять пистолетовъ!

— Никогда́ я не повѣрю, отвѣчалъ тотъ равнодушно,— чтобъ сынъ Шрама взялся за разбойничье оружіе одинъ противъ одного, тогда какъ имѣетъ въ рукѣ честную саблю.... Что̀ же *мнѣ* мѣшало бы отдѣлаться отъ тебя пулею, и ѣхать дальше, вмѣсто того, чтобъ ждать, пока ты отважишься прыгнуть черезъ ровча́къ?

— Подлая кожа! говорилъ между тѣмъ Петро̀, досадуя на своего коня.— Чтобъ тебя волки съѣли! Я обойдусь и безъ твоихъ ногъ!

И отошелъ нѣсколько шаговъ назадъ, чтобъ разбѣжаться на отчаянный прыжокъ.

Угадавъ его намѣреніе, Леся закрыла въ ужасѣ глаза и мысленно молила Бога подкрѣпить его силы. Впрочемъ, глядя на его высокій ростъ, стройность тѣла и легкость движеній, можно было ожидать, что онъ исполнитъ свое намѣреніе, не подвергаясь большой опасности.

Въ самомъ дѣлѣ прыжокъ былъ такъ ловокъ, что Петро̀ ступилъ правою ногою на другой берегъ; но едва коснулся онъ земли, какъ она обрушилась подъ нимъ подобно хрупкому снѣгу, и онъ полетѣлъ бы на дно глубокаго провала, если бъ Кирило Туръ не подбѣжалъ и не подалъ ему руки.

— Молодецъ, братъ, ей Богу, молодецъ! говорилъ онъ,—

не даромъ о тебѣ идетъ такая слава. Ну, теперь отъ всей души готовъ съ тобою стукнуться саблями.

— Слушай, товарищъ, сказалъ ему Петро́, — не буду я съ тобою биться.

— Какъ! ты отказываешься отъ моей бранки?

— Нѣтъ, скорѣй откажусь отъ жизни! Но послушайся меня, братъ, отдай мнѣ ее, кончи на этомъ свою шутку, и вотъ тебѣ рука моя, что я буду твоимъ вѣрнѣйшимъ другомъ.

— Ха-ха-ха! вотъ чудеса! воскликнулъ Запорожецъ. — Богданъ, слышишь ли?... Я зналъ, что въ тебѣ бездна отваги, но не зналъ, что такъ мало толку. Не совсѣмъ же ты, козаче, пошелъ по батьку. Какой бы дьяволъ заставилъ меня затѣвать съ гетманомъ такую шутку, коли бъ не самъ сатана засѣлъ въ моемъ сердцѣ? Нѣтъ, братъ, умереть отъ доброй шаблю́ки для меня ничего не значитъ, но отдать назадъ такую кра́лю—ой-ой-ой! И такъ го́ди бала́кать. Стукнемся лучше такъ, *що бъ ажъ ворогамъ було́ тяжко*, и пускай лучше про нашу славу Божій человѣкъ сложитъ пѣсню, чѣмъ разойтись чортъ знаетъ по каковски.

И, говоря это, онъ обнажилъ свою тяжелую и длинную шаблю́ку:

Ой па́нночко на́ша, па́нночко шаблюко!
Зъ бусурма́номъ зустріва́лась, да й не двійчи ціюва́лась!

говорилъ онъ, — поцѣлуйся жъ теперь съ этимъ рыцаремъ такъ, чтобъ Запорожцамъ не было стыдно передъ городовыми, а Черногорцы чтобъ не величались своими юнаками!

— И такъ ты не уступишь безъ бою своей бранки? спросилъ Петро̀. Пускай же насъ Богъ разсудитъ, а меня проститъ, что поднимаю руку на человѣка, который только что спасъ меня отъ смерти!

И сталъ въ оборонительное положеніе.

— Коха́ный побро! обратился тогда Кирило Туръ къ Черногорцу, — если я паду, не препятствуй козаку взять нашу отмицу, а самъ ступай въ Черногорію, и скажи, что есть на свѣтѣ Украи́на, гдѣ добрые молодцы не уступаютъ

въ храбрости черногорскимъ юнакамъ. Жаль, что далеко до шинка, а то бъ и мы сдѣлали такъ, какъ ты разсказывалъ про ваши юнацкіе поединки,—стукнули бъ сперва по доброй чаркѣ, поговорили, пошутковали и начали бы смертный бой, какъ веселый танецъ. Что жъ ты, козаче, не нападаешь? обратился онъ къ Петру. — Твое право нападать, а мое отбиваться.

Петро началъ сѣчу. Никогда, можетъ быть, не сходились на кіевскихъ поляхъ два бойца, столь равные по силѣ, искусству, неустрашимости и хладнокровію. Плотная фигура Запорожца обѣщала на первый взглядъ болѣе силы; но за то стройные и гибкіе члены молодаго козака должны, казалось, были взять верхъ надъ тяжелою силою. Стукъ сабельныхъ ударовъ, наносимыхъ и отражаемыхъ съ равнымъ искусствомъ, приводилъ въ трепетъ сердце Леси, и только глаза такого человѣка, какъ Черногорецъ, могли смотрѣть на этотъ страшный бой безъ ужаса. Онъ видѣлъ въ немъ нѣчто столь высокое въ своемъ родѣ, что, глядя на него, забылъ и объ опасности своего друга, и о своей отмщѣ. Съ восторгомъ мастера наблюдалъ онъ, какъ удары съ обѣихъ сторонъ отпускались сперва изрѣдка и съ умѣреннымъ напряженіемъ силы, какъ они постепенно дѣлались быстрѣе и крѣпче, какъ оба противника перемѣняли одинъ за другимъ разные способы сражаться, и отвѣчали другъ другу съ такимъ присутствіемъ духа, знаніемъ дѣла и единомысліемъ, какъ музыканты въ дуэтѣ. Между тѣмъ, по воспламененнымъ уже яростью ихъ взорамъ, по искрамъ, сыпавшимся отъ сабель, и напряженію мускуловъ, можно было каждую минуту ожидать, что чья нибудь голова распадется на части подъ ударомъ. Этого однакожъ не случилось, потому что въ самомъ жару поединка сабли вдругъ перебились, и противники остались обезоруженными.

— Ну, чѣмъ же мы кончимъ? сказалъ Петро, разгорячась, и уже забывъ свои кроткія мѣры. — Давай бороться или стрѣляться на пистолетахъ. Мнѣ не хотѣлось бы пустить молву, что я не справился съ Кириломъ Туромъ.

— Къ чорту борьбу! отвѣчалъ Запорожецъ, тяжело ды-

на,— это шутовскій поединокъ; да тебѣ жъ и не ударить меня объ землю такъ, чтобъ и духъ вонъ.... Пистолеты также къ чорту! немного чести раздробить человѣку черепъ глупою пулею. А есть у насъ, коли хочешь, кинжалы, равной величины и одного мастера. Схватимся за руки по братски, по стародавнему обычаю, и пусть намъ Господь милосердый отпуститъ наши согрѣшенія!

Взявъ у побратима кинжалъ и примѣривъ къ своему, онъ подалъ его своему противнику, и тотъ схватилъ опасное оружіе съ какою-то безумною радостью. Потомъ они взялись крѣпко лѣвыми руками, и между ними началась битва, гораздо отчаяннѣе первой.

— Эй, драгій побро! сказалъ Черногорецъ, — оканчивай скорѣй: вонъ уже погоня за нами!

— Не бойся, отвѣчалъ, задыхаясь Кирило Туръ, — пока переправятся черезъ байракъ, всему будетъ конецъ.

— Наши, наши! вскричала Леся, обративши на дорогу глаза, устремленные до сихъ поръ съ ужасомъ на сражающихся.

Дѣйствительно, на мѣсто боя поспѣшали нѣсколько всадниковъ съ такою быстротою, какая только была возможна для ихъ лошадей. Впереди всѣхъ скакалъ Сомко́; за нимъ старый Шрамъ, а за нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

Выѣхавъ изъ лѣсу, они скоро увидѣли вдали на возвышеніи двухъ бойцовъ, которыхъ сабли блистали красными полосами противъ зардѣвшагося на востокѣ неба. Шрамъ, зная силу и искусство своего сына, увѣренъ былъ, что онъ положитъ хищника на мѣстѣ. Но когда бойцы взялись за кинжалы, у него замерло сердце: онъ зналъ, что въ этакомъ бою нерѣдко оба противника падаютъ разомъ.

Такъ и случилось. Не успѣла погоня доскакать до провала, какъ Петро и Кирило Туръ нанесли въ одно и то же мгновеніе другъ другу въ грудь по такому удару, что оба повалились замертво.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Ой не жалку́йте, сла́вні Запоро́зці,
На моско́вськихъ генераливъ;
Ой жалку́йте жъ вы, сла́вні Запоро́зці,
На превра́жихъ своіхъ па́нівъ:
Ой що на́ши паны́, ерети́чи сыны,
Да не до́бре зроби́ли,
Що степъ до́брый, край весе́лый
Да й занапасти́ли!

Народная пѣсня.

Черногорецъ бросился на помощь къ Кирилу Туру, а Леся къ Петру. Пораженная горестью, она забыла и дѣвическій свой стыдъ, и все на свѣтѣ. Она закрыла платкомъ глубокую его рану, пала къ нему на грудь, и рыдала, какъ по мертвомъ. Что̀ ей теперь и блистательный женихъ, и гетманство? Горячая кровь бьетъ изъ раны; просачивается сквозь платокъ, омываетъ ей руку. Если бъ могла, она отдала бъ теперь душу, чтобъ спасти отъ смерти того, кто такъ великодушно жертвовалъ за нее своею жизнью. Уже и Шрамъ съ гетманомъ обскакали байракъ и достигли мѣста битвы, а она ничего не замѣчаетъ: плачетъ и убивается надъ своимъ защитникомъ.

—Постой, доню, сказалъ Шрамъ; слезами раны не залечишь. Дай-ко мы перетянемъ ее поясомъ. Еще, можетъ быть, не совсѣмъ бѣда.

А Сомко̀ между тѣмъ трудился надъ Кириломъ Туромъ.

Опасное положеніе Запорожца изгнало изъ его сердца всякое злобное противъ него чувство.

— Бѣдная Турова голова! говорилъ онъ; я думалъ, ты шутишь только по запорожски, а тебѣ лукавый въ самомъ дѣлѣ обморочилъ голову! Когда я гнался за тобою, я радъ бы былъ растерзать тебя на части, а теперь лучше бы мнѣ никогда не жениться, чѣмъ видѣть тебя безъ памяти!

И не обратилъ никакого вниманія на то, что его невѣста рыдаетъ надъ молодымъ козакомъ, какъ будто надъ женихомъ своимъ.

— Не знаю, пане гетмане, говорилъ Шрамъ, какъ у тебя достаетъ духу возиться еще съ этой собакой?

—Помилуй! отвѣчалъ Сомко́, неужели такъ его и бросить?

— А почему жъ? пускай бы пропадалъ негодный, какъ заслужилъ!

— Нѣтъ, онъ не такъ думалъ, выручая меня нѣсколько разъ изъ бѣды.

—Была ему за то благодарность. А это развѣ ты ни во что ставишь, что онъ чуть не погубилъ твоей невѣсты?

—Что́ мнѣ невѣста? Этого цвѣту много по всему свѣту, а Кирила Тура другаго не найдешь во всемъ мірѣ.

— Такъ вотъ какъ онъ меня любитъ! подумала Леся, и сердце ея навсегда его отвергло.

Старый Шрамъ тоже нахмурился, и когда Сомко́, оставя Кирила Тура, обратился съ участіемъ и съ помощью къ Петру, онъ отклонилъ его рукою и сказалъ:

— Смотри уже, пане гетмане, за своимъ Запорожцемъ, а у Петра есть отецъ: *онъ* объ немъ позаботится.

И снявши съ себя рясу, привязалъ на подобіе люльки между двухъ лошадей. Въ эту люльку положили раненаго и повезли къ монастырю.

— Вотъ гдѣ, сынку, пришлось мнѣ колыхать тебя въ козацкой колыскѣ! говорилъ, ѣдучи возлѣ, старый Шрамъ. Не судилъ тебѣ Богъ украситься смертельными ранами за Украину, а досталъ ты ихъ за чужую невѣсту!

Сомко́ хотѣлъ было уложить въ такую жъ колыску и Кирила Тура, какъ вдругъ откуда ни возьмись Запорожцы. Едва наскочили, тотчасъ догадались, въ чемъ дѣло.

— Что̀ это, панове, хотите вы дѣлать съ нашимъ товарищемъ? закричали они. Неужели онъ такой сирота въ свѣтѣ, что если бъ не городскіе козаки, такъ тутъ бы и остался посреди степи, въ пищу звѣрямъ да птицамъ? Нѣтъ, никогда еще братчикъ братчика не оставлялъ на чужія руки. Отдайте намъ его. Наши лекарства мигомъ поставятъ его на ноги.

И, не дожидаясь отвѣта, мигнули Черногорцу, схватили Кирила Тура, одинъ за плеча, другой за ноги, положили поперегъ лошадей передъ сѣдломъ, вскочили на коней и помчались какъ вихорь. Богданъ Черногоръ за ними въ слѣдъ.

Петра между тѣмъ везли потихоньку и бережно. Сомко̀ велъ за руку Лесю, и на этотъ разъ заботливо освѣдомлялся о здоровьи; но она отъ горести и волненія не могла отвѣчать ему ни слова.

Скоро встрѣтили и Череваниху. Василь Невольникъ гналъ лошадей, не жалѣя. Что̀ ужъ и говорить о томъ, какъ обрадовалась мать, увидавъ свою Лесю!

Сильно сожалѣла Череваниха о Петрѣ, и обратилась къ Шраму:

—Добродѣю мой! надѣлала вамъ горя моя бѣдная Леся: но мы съ нею постараемся, чтобъ и поправить это горе. Везите пана Петра прямо въ Хмарище. Мы съ Лесею не будемъ по цѣлымъ ночамъ спать, пока не поставимъ козака на ноги. Довольно я на своемъ вѣку перевязала козацкихъ ранъ, да и моя Леся съ самаго дѣтства пріучена къ этому.

Шрамъ согласился, и Череваноха отправилась съ Лесею впередъ, чтобъ дома все устроить къ принятію гостей. Дорогою Леся десять разъ пересказывала, какъ сражался за нее Петро съ Кириломъ Туромъ; а когда пріѣхали домой, прежде всего она занялась постелью для больнаго. Она уступила ему свою спальню, постлала ему свои подушки, украсила сво̀локъ и образа свѣжими цвѣтами, занавѣсила окно разшитою шелками хусткою ([1]). Родная

(1) Платкомъ.

сестра не могла бы нѣжнѣе заботиться о любимомъ братѣ. Гости Череваня пировали въ Хмарищѣ или ѣздили въ Кіевъ хлопотать о военныхъ запасахъ; Череваниха ихъ угощала, провожала и встрѣчала; а между тѣмъ у Леси только и дѣла было, что копать коренья, приготовлять травы, да сидѣть у постели больнаго. Помогалъ ей и Василь Невольникъ.

Петро какъ будто въ другой разъ на свѣтъ родился. Ему нѣтъ нужды, что Леся не его суженая. Онъ знаетъ, что она его любитъ,—больше ничего ему не надо. Не разъ въ тяжкомъ недугѣ, открывъ глаза, не то во снѣ, не то на яву, видѣлъ онъ, какъ она, наклонясь надъ нимъ, наблюдаетъ его дыханіе. Какъ мать смотритъ въ глаза ребенку и радуется, когда онъ улыбнется: такъ она глядѣла ему въ глаза, чтобъ убѣдиться, замѣчаетъ ли онъ окружающіе его предметы.

А онъ, ослабѣвъ всѣмъ тѣломъ, жилъ только сердцемъ, и не хотѣлъ бы ни здоровья, ни жизни, если бъ ему дано было такъ и умереть, глядя въ эти любящія очи. Въ саду поетъ соловей; благоуханный вѣтеръ вѣетъ въ окно черезъ цвѣтущія деревья; тихій свѣтъ вечерняго солнца, пробираясь сквозь вѣтви, играетъ по стѣнѣ; возлѣ него сидитъ Леся, беретъ его за руку, прикладываетъ свою ладонь къ его головѣ... да, не нужно ему ни жизни, ни здоровья, дайте только такъ обомлѣть и уснуть на вѣки!

Но здоровье возвращалось къ нему замѣтно, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе наполняло его тѣло, какъ наполняетъ вода истощенный колодезь: и губы зарумянились, и глаза оживились. Радуется старый Шрамъ, радуется и гетманъ, но никто не радуется больше Леси. Только ея радость подобна была осеннему мѣсяцу, безпрестанно затемняемому тучами. Восторгъ ея часто уступалъ мѣсто мрачной грусти. Тяжело горевала она, размышляя о томъ, какъ будутъ проходить безъ радостей молодыя лѣта ея въ гетманскихъ свѣтлицахъ, какъ она вѣчно будетъ слушать одни толки о войнахъ, о походахъ, да звонъ серебряныхъ кубковъ. Поняла бѣдняжка, да поздно, что Сомкó созданъ не для счастья женщины. Нѣтъ у него

ни того нѣжнаго слова, ни того теплаго взгляда, который всего нужнѣе для женскаго сердца. Онъ гетманъ съ ногъ до головы, блистаетъ, красуется между козаками, и нѣтъ ему равнаго во всей Украйнѣ; но никогда не взглянетъ онъ и не скажетъ слова такъ отъ души, какъ бѣдный Петро́. И однако жъ, надобно покориться своей участи. Напрасно было бы говорить о своемъ горѣ отцу или матери; пускай и самъ Петро́ о томъ не знаетъ.

Такъ размышляла, бывало, сидя у постели больнаго, Леся, и чѣмъ больше онъ оправлялся, тѣмъ больше она его убѣгала.

— Что̀ ты, Леся, какъ будто боишься меня? сказалъ онъ ей однажды, удержавъ ее за руку. Развѣ я врагъ тебѣ? Или я тебѣ опротивѣлъ въ долгой болѣзни? За чѣмъ ты отъ меня убѣгаешь?

Леся ничего ему не отвѣчала, только слезы блеснули въ опущенныхъ глазахъ.

— Не уходи отъ меня, говорилъ онъ, не бойся меня! будь мнѣ родной сестрою. Я покоряюсь своей несчастной участи; не быть намъ въ парѣ: такая наша доля. Но я все таки не перестану любить тебя до самой смерти.

— Не говори мнѣ этого! вскричала Леся. Лучше разомъ разойтись, *якъ чо́рни хма́ры,* и не встрѣчаться до вѣку!

И, вырвавши руку, побѣжала въ садъ выплакать на свободѣ горе.

Но послѣ того придетъ, бывало, опять къ нему, сядетъ у его постели и начнетъ напѣвать какую нибудь грустную пѣсню; все, что̀ на душѣ есть, все выскажетъ она въ пѣснѣ, и хоть ничего не говорили они съ Петромъ, но понимали другъ друга.

Что̀ же до Сомка, то онъ ни мало не заботился о близкихъ ихъ отношеніяхъ, да и Шрамъ, и Черевань, и сама Череваниха оставались на этотъ счетъ совершенно спокойны. Такова была простота и твердость тогдашнихъ нравовъ. *Зарученная* дѣвушка была нехранимою и неприкосновенною собственностью жениха, и ни одной невѣстѣ не входило въ голову, чтобы можно было разойтись съ однимъ

и принадлежать другому. Все общество пришло бы отъ того въ ужасъ, и вѣчный позоръ покрылъ бы семью такой дѣвушки. Когда Петро оправился такъ, что могъ сѣсть на коня, начали гости Череваня поговаривать о дорогѣ за Днѣпръ; но все еще медлили, чтобъ дать ему больше оправиться. Вдругъ прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что царскіе бояре переѣхали уже черезъ украинскую границу. Всѣ встрепенулись, оставили безпечную бесѣду за кубкомъ, и мигомъ собрались въ дорогу: Сомкó спѣшилъ на встрѣчу боярамъ въ Переяславъ; Шрамъ нетерпѣливо ждалъ съѣзда старшинъ козацкихъ, чтобъ подвинуть все войско заднѣпровское противъ Тетеры; Череваниха мечтала о гетманской сватьбѣ, а Черевань радъ былъ пировать до скончанія вѣка съ козаками. Рѣшено было ѣхать Череваню съ его семействомъ къ брату Черевапихи, Нѣжинскому полковому осаулу Гвинтовкѣ, а Шрама съ сыномъ пригласилъ гетманъ къ себѣ въ Переяславъ. Послѣ рады, на которую ожидали царскихъ уполномоченныхъ для утвержденія Сомка на гетманствѣ, предположено съиграть гетманскую свадьбу на всю Украину, а на свадьбѣ склонить всѣхъ козаковъ къ походу на Тетеру, да прямо и двинуться на другой берегъ Днѣпра.

Но лишь выѣхали за Броварскіе лѣса, какъ встрѣтилъ ихъ другой гонецъ изъ Переяслава; а гонцемъ былъ на этотъ разъ не простой козакъ: скакалъ во весь духъ Переяславскій сотникъ Юскó съ тремя козаками. Всѣ были этимъ встревожены и ждали чего-то необычайнаго.

— Съ какими новостями? спросилъ гетманъ.

— Лучше бъ и не говорить, вскричалъ Юскó, махнувъ рукою.

— Неужели Татаре?

— Хуже Татаръ! Изъ одного Васюты сдѣлалось четыре. Зѣньковскій, Полтавскій и Миргородскій поклонились Иванцу!

— Какъ! мои полковники перешли на его сторону?

— Всѣ трое, какъ слышишь, пане гетмане.

— И Миргородскій, и Полтавскій, и Зѣньковскій?

— Всѣ трое; остались на нашей сторонѣ только Лубенскій да Гадячскій.

—Почему жъ меня объ этомъ до сихъ поръ не навѣстили?

— Вчера вечеромъ только сами объ этомъ узнали. Я скакалъ всю ночь и три раза перемѣнилъ лошадей.

— Что же? какъ? или когда? хоть разскажи толкомъ!

— А вотъ какъ. Ѣздилъ нашъ бургомистръ къ князю Ромодановскому съ деньгами въ московскую казну; только слышитъ, что князь въ Зѣньковѣ. Завернулъ туда, а тамъ пируютъ у Зѣньковскаго Грицька Остапъ Миргородскій и Демьянъ Полтавскій. Ну, это еще бы не что̀. Идетъ къ князю, а у князя полно Запорожцевъ, и все изъ тѣхъ голышей, что̀, пропивши все имущество, служили по дворамъ у богатыхъ козаковъ, а потомъ, соскучась слушаться хозяина, ушли въ Запорожье. Иные тотчасъ узнали бургомистра. «А что̀ это? кричатъ, не отъ торгаша ли?» Ужъ извини меня въ этомъ словѣ, ясновельможный... «Не отъ Переяславскаго ли, говорятъ, торгаша къ князю? Чорта съ два тутъ поживитесь! Вотъ мы васъ, городовыхъ кабановъ, скоро убо́раемъ!» Разслушался, поразспросилъ нашъ бургомистръ, ажъ тутъ вотъ какая новость,—лучше бы мнѣ и не говорить! Князь съ Иванцемъ побратался, называетъ его гетманушкою Запорожскимъ, отдалъ ему Украину по самый Роменъ въ управленіе!

Сомко́ схватился за голову.

— Скорѣе ждалъ бы я молніи съ чистаго неба, чѣмъ такой вѣсти! Миргородскій, Полтавскій... промѣнять меня на Иванца! Нѣтъ! пропала, видно на вѣки рыцарская честь на Украинѣ! положили мы ее съ батькомъ Богданомъ въ могилу!.. Но смотри, правда ли еще всему этому?

— Дай Богъ, чтобъ этому была неправда! только Иванецъ въ Зѣньковѣ: видѣлъ его бургомистръ своими глазами. А Запорожцы, говорятъ, въ великой милости у Царя, и чего только попросятъ, все Царь по ихъ желанію дѣлаетъ. Потому-то князь, зазвавши въ Зѣньковъ полковниковъ, уговорилъ ихъ царскимъ словомъ слушаться Иванца, какъ гетмана. А у насъ теперь, видишь, какъ завелось! всякъ о себѣ только заботится: лишь бы мнѣ хорошо бы-

ло. Чтобъ пріобрѣсть себѣ царскую милость, полковники охотно согласились, чтобъ Иванецъ управлялъ по Роменъ Украиною.

— Такъ, такъ! сказалъ горько Сомкó. Гетманствуй надъ нами, кто хочешь: хотъ рыцарь, хоть свинопасъ, лишь бы мы были полковниками. О панство, проклятое панство! теперь-то я увидѣлъ тебя своими глазами! Ты готово изгибаться въ дугу передъ всякою дрянью, лишь бы пановать надъ другими!... Сомкó, или Иванецъ—имъ все равно!... Ну, а чтò же Васюта, и тотъ поклонился Иванцу?

—Нѣтъ, видно, не поклонился, потому что бургомистръ разсказывалъ, какъ пьяные Запорожцы и ему угрожали. Да и на всю городовую старшину недобрымъ духомъ они дышутъ; а особливо тѣ, чтò изъ винокуровъ да изъ работниковъ. Иного хозяинъ когда-нибудь выбранилъ или ударилъ, такъ теперь уже сбираются за все отблагодарить.

— Вотъ какими новостями привѣтствуютъ насъ въ моей гетмáнщинѣ! сказалъ, горько усмѣхнувшись, Сомкó. Ну, да еще помѣряемся.... О, проучу я этихъ негодяевъ, дайте мнѣ только взять ихъ въ руки!

— Чтô жъ ты, сыну, думаешь теперь дѣлать? спросилъ Шрамъ.

— Ѣхать въ Переяславъ, собрать къ себѣ подручные мнѣ полки и стоять хоть противъ цѣлаго свѣта. Наше право козацкое, а мои козаки никого, кромѣ меня, не признаютъ гетманомъ!

— И это значитъ, говорилъ Шрамъ, вмѣсто войны съ недоляшкомъ Тетерею, начнется война межъ козацкими полками на этой сторонѣ!.. Ужъ если Иванецъ захватилъ въ свои руки три полка, то безъ бою изъ Украины его не вытѣснишь; а Васюта себѣ будетъ воевать: за него вся Сѣверія, вся Стародубовщина будетъ сражаться. Дожидайтесь же теперь, Наволочане, пока гетманъ Сомкó управится съ своими непріятелями! Какъ бы еще подъ эту суматоху Тетера не пожаловалъ на сю сторону: у него съ Ляхами что-то подобное давно въ головѣ вертится.

— Ну, а чтò жъ ты дѣлалъ бы, батько? Посовѣтуй мнѣ своимъ толкомъ, я тебя послушаю.

— Вотъ что я тебѣ посовѣтую. Поѣзжай ты въ Переяславъ, да пиши ко всѣмъ полковникамъ, чтобъ убоялись Бога да помыслили о козацкой славѣ, на которую Иванецъ налагаетъ свою нечистую руку. А я между тѣмъ поѣду съ Череванемъ въ Нѣжинъ. Я открою сумасшедшему Васюгѣ глаза, что и самъ пропадетъ и другихъ погубитъ; и если только онъ соединитъ свои силы съ твоими, тогда у всѣхъ опустятся руки, и твои полковники опять подъ твою булаву возвратятся.

— Пусть теперь возвращаются, а уже не я развѣ буду, если не сдѣлаю съ ними такъ, какъ Хмельницкій съ Гладкимъ.

— Не хвались, сыну, да Богу молись! мрачно сказалъ Шрамъ. Не будемъ терять дорогаго времени, простимся!

Простились и разъѣхались. Никто не сказалъ никому при разставаньи ничего пріятнаго. У всѣхъ сердце сжалось, какъ бы передъ какимъ-нибудь великимъ несчастіемъ.

— Эге-ге! вижу, вижу, куда доля клонитъ Украину! говорилъ самъ себѣ Шрамъ, повѣся голову. (Онъ ѣхалъ позади всѣхъ и не хотѣлъ ни съ кѣмъ разговаривать.) Видно, не такова воля Божія, чтобъ Украина спокойно хлѣбомъ-солью наслаждалась! или, можетъ-быть, приближается уже конецъ свѣту, когда возстанетъ братъ на брата.... И откуда жъ поднимается туча, Боже Ты мой милый! Запорожье, что искони было гнѣздомъ козацкаго рыцарства, теперь плодитъ только лисицъ да волковъ!... Видно, дожили, окаянные, до пустыхъ кармановъ, такъ и мутятъ народъ, чтобъ въ суматохѣ поживиться. Видно, стало завидно негоднымъ лѣнтяямъ, что у городоваго козака и стадо овецъ, и хуторъ съ полными амбарами. А кто жъ посылалъ на Запорожье, когда, по разгромѣ Ляховъ, всякому было вольно *занять займанщину?* Нѣтъ, пойдемъ рыцарствовать! Пьянствовать да лежать на боку, а не рыцарствовать! Конечно, иная честная да святая душа въ самомъ дѣлѣ отказалась отъ займанщины, какъ отъ суеты мірской; а другой разбойникъ пошелъ въ Сѣчь, чтобъ только не трудиться на хозяйствѣ. Вотъ и нарыцарство-

вали! Полюбуйся, Украина, своими дѣтками! Лукавый Иванецъ подбился къ Запорожцамъ, да теперь и дѣлаетъ изъ-подъ княжеской руки все, что только вздумаетъ. Вижу, къ кому онъ прибирается: онъ хочетъ Сомку доказать дружбы; но еще жъ Богъ не совсѣмъ насъ оставилъ, еще, можетъ-быть, наберется сотня горячихъ, искреннихъ душъ въ Украинѣ!

Онъ былъ выведенъ изъ задумчивости грознымъ крикомъ нѣсколькихъ голосовъ. Василь Невольникъ наѣхалъ на пьянаго косаря, растянувшагося поперегъ дороги; товарищи вступились за него и окружили рыдванъ съ бранью и угрозами. Когда Шрамъ подскакалъ къ толпѣ, цѣлая буря восклицаній поразила слухъ его. — Кармазины! кричали буйные голоса. Опять расплодились вельможные недоляшки! Да намъ не новость выкашивать такой бурьянъ въ Украинѣ.

И косари странно размахивали косами надъ головами женщинъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ нихъ прибѣжалъ съ топоромъ, чтобъ изрубить въ рыдванѣ колеса.

— Прочь, Иродовы души! вскрикнулъ Шрамъ громовымъ голосомъ.

Увидѣвъ передъ собой священника, косари немного смутились и отступили.

— Что это? говорилъ Шрамъ. Или вы Турки, или Татаре, что нападаете на подорожнихъ? Христіянская ли у васъ душа, или уже вы и вѣру, и Бога забыли?

— Нѣтъ, пан'отче, отозвался одинъ косарь, не забудетъ добрый человѣкъ христіянской вѣры до вѣку; но какъ же терпѣть, когда паны давятъ людей по дорогамъ?

— Но еще, слава Богу, у насъ руки не въ кандалахъ! отозвалось уже нѣсколько голосовъ: — еще не позволимъ глумиться надъ собою! Довольно уже и того, что одинъ свиту золотомъ да серебромъ вышиваетъ, а у другаго нѣтъ и сермяги; одинъ своихъ полей да сѣнокосовъ глазомъ не обниметъ, а мы вотъ съ половины косимъ. А изъ-подъ ляшскаго ига выбивались всѣ разомъ!

— Такъ, такъ! вижу, вижу! говорилъ самъ къ себѣ Шрамъ. Повсюду пробралась бѣда изъ Запорожья!

— Изъ Запорожья! подхватили косари. Какое изъ Запорожья! Это все наши городовые творять, а въ Запорожьи всѣ равны, нѣтъ ни пановъ, ни мужиковъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ.

— Жалкія, слѣпорожденныя вы дѣти! воскликнулъ сквозь слезы Шрамъ. Да умилосердится Господь надъ вашей темнотою! Пропустите рыдванъ! пропустите, не заступайте дороги, а то я призову на васъ проклятіе Господне!

— Ну, ужъ пустите, братцы, нечего дѣлать! говорили косари, расходясь по сторонамъ дороги. Зналъ ты, пан'отче, что̀ сказать. А ужъ если бъ не ты, то мы бъ узнали, изъ какого дерева спицы въ рыдванѣ.

— Пусть васъ Господь помилуетъ! сказалъ, удаляясь отъ нихъ, Шрамъ. Въ тяжеломъ ходите вы недугѣ! Да будетъ проклятъ чародѣй, который омрачилъ ваши головы!

Такую пѣсню должны были выслушивать наши путешественники нѣсколько разъ, пока достигли Нѣжина. Заѣзжалъ ли Шрамъ въ кузницу подковать коня,—въ кузницѣ кузнецъ, позабывъ о желѣзѣ въ горну, толковалъ съ хуторянами про черную раду: «Что̀ вы, говоритъ, поправляете сошники? поправляйте лучше отцовскіе списы (¹): скоро всѣмъ будетъ работа. Недавно ѣхали въ Нѣжинъ Запорожцы, такъ говорили, что опять поднялся на пановъ такой гетманъ, какъ Хмельницкій; созываетъ всю чернь подъ Нѣжинъ въ черную раду и на грабежъ Нѣжина». Сходилась ли гдѣ-нибудь въ селѣ *судная рада*, — старики, вмѣсто расправы съ виновными да хозяйственныхъ распоряженій, разсказывали въ судной радѣ, откуда взялось козачество и какъ весь *міръ* выбился изъ-подъ Ляховъ и недоля́шковъ на волю.

— Что̀ теперь за держа́вцы-козаки? говоритъ иной сѣдобрадый историкъ (тогда степенные *посполитые* (²) носили бороды). Съ такими можно еще побороться. Нѣтъ, вотъ при Наливайкѣ или при Павлю́гѣ были Ляхи - державцы, вотъ державцы! у одного сотня селъ. Но и съ тѣми съумѣ-

(1) Копья

(2) Простолюдины.

ли наши управиться. На примѣръ, Кисель или Ерема Вишневецкій.... Батюшки! Идешь бывало съ чумаками степью: Чье село? «Вишневецкаго.» Чьи ланы (1)? «Вишневецкаго.» Чье старо́ство? «Вишневецкаго!...» Идешь недѣлю, и все владѣнья одного пана. Видите ли, дѣлали тѣ «великіе паны» съ королемъ, что̀ хотѣли, такъ король роздалъ имъ всѣ города, пригороды, села, то на старо́ства, то на волости. Но и съ такими, говорю, дуками отцы наши управились.

Такъ проповѣдывалъ сельскій ораторъ на своемъ вѣчѣ, и вѣче, слушая, позабывало, для чего собралось оно. Еще недавно сбросилъ народъ тяжелое иго польской безурядицы; еще живы были въ памяти стариковъ возмутительныя сцены панскихъ насилій; еще не улеглись вырвавшіяся на волю страсти долго безмолвствовавшаго простонародья. Новый порядокъ вещей, устроенный самими представителями козачества, едва смогъ заключить разливъ необузданной воли въ законныя границы; но къ нимъ никто не привыкъ еще, и каждую минуту можно было ожидать ихъ разрушенія. Такая минута наступила теперь. Шрамъ это чувствовалъ, внимая не́-хотя народнымъ толкамъ.

Молодые поселяне окружали стариковъ и едва вѣрили ушамъ своимъ, чтобы еще такъ недавно весь край находился въ такомъ страшномъ порабощеніи у магнатовъ, пановъ, шляхты и всего ихъ причета.

— Какъ же это, спрашивали они,—какъ это смогли наши выбиться изъ-подъ такой кормыги?

— Ге, какъ! Богъ нашимъ помогалъ. Ляхи да недоляшки думали, что когда притопчутъ козака или посполитаго, то и будетъ лежать, *якъ хворостина на греблі*. Мы для нихъ все равно, что̀ скотъ несмысленный. А нашъ братъ-сѣромаха, въ своей изорванной свиткѣ день и ночь со слезами зоветъ на помощь Бога. Ляхи да недоляшки топутъ бывало въ пуховикахъ, пьютъ, гуляютъ, а нашъ братъ, все равно какъ невольникъ къ отцу и матери, взываетъ къ Богу,—передъ Богомъ становитъ свою душу, какъ горящую, непогасимую свѣчу. Оттого-то и не ослабѣвало

(1) Пахатныя поля въ большихъ размѣрахъ.

наше сердце, оттого-то мы смѣло возставали противъ нечестивой силы, и Господь всякій часъ помогалъ намъ!

Вспоминая такимъ образомъ о недавней старинѣ, сельская *громада* ([1]) тутъ же переходила къ своему времени, и принималась перебирать, кто изъ козацкихъ старшинъ отъ чего разбогатѣлъ, и какимъ это образомъ сдѣлалось такъ на Украйнѣ, что у одного нѣтъ ни земли, ни хаты—надобно жить *въ подсосѣдкахъ*, а другой на свои ланы людей не можетъ нанять достаточно, пашетъ всю осень и всего вспахать не успѣваетъ. Тутъ опять являлся кто-нибудь *рѣчникомъ*, и пускался въ разсужденія о *займанщинѣ*. Шраму не трудно было догадаться, къ чему онъ клонитъ дѣло и для кого онъ работаетъ. Запорожцы вездѣ раскинули свои сѣти на уловленіе простодушной черни.

— Когда освободили, съ помощью Божіею, отъ Ляховъ Малороссію, говорилъ рѣчникъ,—то вся земля по обѣ стороны Днѣпра стала козакамъ общею. Вотъ и расписали всѣ земли по полкамъ; одни села къ одному, а другія къ другому полку приписали, и каждое село въ своемъ полковомъ городѣ должно было судиться. Ну, а въ полкахъ осягли и позанимали козаки земли подъ сотни, а въ сотняхъ подъ города, мѣстечки, села и деревни, а въ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ подъ свои дворы, огороды, сады, хутора, левады и пастовники. Казалось бы и хорошо, да то бѣда, что старинные козаки не захотѣли дѣлиться поровну съ войсковою чернью. «Какіе, говорятъ, они козаки? Ихъ отцы и дѣды никогда не знали козачества! Сдѣлаемъ перепись, и кто козакъ, тотъ будетъ имѣть козацкую вольность, а кто пахатный крестьянинъ, тотъ пускай свое дѣло знаетъ.» Закипѣлъ было немалый бунтъ: чернь не хотѣла отказаться отъ своего козачества. На силу самъ покойный Хмельницкій кое-какъ утихомирилъ. И вотъ, кто былъ побогаче, кто могъ выѣзжать въ войско

---

(1) Общество поселянъ, въ смыслѣ законодательной или исполнительной власти, называлось въ Малороссіи искони *громадою*. Представителями десяти или болѣе хатъ, а иногда и цѣлаго села, были *громадскіе мужи*.

на добромъ конѣ и съ добрымъ оружіемъ, тотъ остался козакомъ и вписанъ въ козацкій реестръ; а кто ходилъ пѣшкомъ, тѣ остались въ мужичествѣ, сидѣли на ранго́выхъ ([1]), на магистратскихъ, на монастырскихъ земляхъ, или жили *подсосѣдками* у богатыхъ козаковъ, а иные остались козацкими *подпомощниками*, что̀ двадцать и тридцать человѣкъ одного козака въ походъ снаряжали. Бѣдняки подсосѣдки хотѣли бъ то и сами козацкой вольности попробовать, да не сила! Какъ старшины козацкіе распорядились, такъ и осталось до сей поры. Давай нашъ братъ и по́дать отъ дыма, давай и подводы, ступай и гре́бли чинить по дорогамъ; а козакъ ничего этого не знаетъ. Придетъ, бывало, полковникъ или войсковой старшина къ гетману: «Благослови, пане гетмане, занять займанщи́ну», да и займетъ, сколько обниметъ глазомъ степей, лѣсовъ, сѣнокосовъ, рыбныхъ озеръ, и уже это его родовая земля, уже тамъ подсосѣдокъ хоть живи, хоть убирайся къ другому пану, коли не любо. Также и сотникъ или осаулъ, или хорунжій полковой придетъ къ полковнику: «Благослови, батьку, занять займанщи́ну.»—«Займи, сколько въ день конемъ объѣдешь.» А сотники козакамъ по всей сотнѣ займанщи́ну раздавали. Обьоретъ плугомъ, обнесетъ кольями, или рвомъ окопаетъ, да уже нашъ братъ туда и не суйся; и гдѣ онъ на болотѣ вколотитъ сваю, тамъ нашъ братъ мельницы не строй; самъ онъ или его дѣти построятъ ([2]). Такъ-то, дѣти, такъ-то, братцы, эти богачи, эти дуки изъ такихъ же, какъ и мы, сѣромахъ, расплодились. Въ Хмельни́ччину рѣдко который родовой панокъ удержался на Украинѣ да присталъ къ козакамъ, а теперь ихъ не пересчитаешь! Послѣ войны иные повылазили изъ Польши и выпросили у гетмана предковскія земли, но это кто-кто, а то всѣ паны изъ козачества вышли. Уже иной и позабылъ того, съ чьимъ отцомъ когда-то вмѣстѣ шли

---

(1) Такъ назывались земли, которыми пользовались на помѣстномъ правѣ козацкіе старшины.

(2) Точное понятіе о займанщи́нахъ, кромѣ народныхъ воспоминаній, получилъ я изъ рукописи, которой давно уже нигдѣ не встрѣчаю, а она стоила бы обнародованія. Составилъ ее въ началѣ XVIII столѣтія нѣкто Чуй-

на войну. Тотъ въ бѣдности остался, а ему фортуна послужила, выскочилъ въ старшины, въ значные козаки, занялъ займанщину, осадилъ слободы подсосѣдками и теперь кармазиновый жупанъ носитъ, а мы сермяги молча латаемъ. Такъ-то, братцы, такъ-то, дѣти!

А Шрамъ со стороны слушаетъ-слушаетъ, да не знаетъ, что́ и говорить этимъ воспламененнымъ головамъ.—Нечего, думаетъ, и словъ попусту тратить. Ведромъ воды не залить пожару. Тутъ, вижу, долго кто-то старался, —а кто же больше, если не проклятые камышники? Со всѣхъ сторонъ подложили злодѣи огня!... Велика будетъ милость Божія, если мы успѣемъ погасить его!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

А жены шляхетскіи стали женами козацкими.

Лѣтопись Самовидца.

На другой день, при заходѣ солнца, достигли наши путешественники хутора Нѣжинскаго полковаго осаула Гвинтовки. Съ именемъ хутора въ воображеніи читателя, конечно, соединяются пустынныя картины лѣсовъ и водъ, между которыхъ мирно пріютились скромныя строенія и огорожи. Лѣсъ и вода — благодать въ Малороссіи, и ради этой-то благодати каждый, кто можетъ, поселяется отдѣльнымъ хуторомъ, оставляя безводныя и открытыя для жаровъ и вьюги села. Панъ Гвинтовка *занялъ* себѣ для хутора самую лучшую мѣстность подъ Нѣжиномъ, и даже у полковника Васюты Золотаренка не было такихъ широкихъ прудовъ на хуторахъ, не было такихъ вѣковѣчныхъ лѣсовъ, такихъ роскошныхъ пасто́вниковъ, какъ у Гвинтовки.

Первое, примѣченное здѣсь Шрамомъ, строеніе были кузница и хата хуторскаго кузнеца. Отставъ отъ своихъ спут-

---

кевичъ и далъ ей такое заглавіе: «Эксцерптъ изъ правъ малороссійскихъ, въ прекращеніе горькой въ судахъ волокиты.»

никовъ и проѣзжая мимо убогаго Вулканова жилища, Шрамъ былъ свидѣтелемъ сцены, которая вовсе не ладила съ пасмурнымъ настроенiемъ его души. Изъ хаты бросилась опрометью молодая женщина едва не подъ ноги его коню. За нею выскочилъ мужчина съ нагайкою въ рукѣ.

— Уже жъ я дамъ тебѣ за эти пѣсни! кричалъ онъ, — добрался я теперь до тебя!

Женщина, видя, что не уйдетъ отъ своего гонителя, начала съ большимъ проворствомъ бѣгать вокругъ Шрамова коня.

— Вотъ велика бѣда! говорила она. Будто уже не льзя и запѣть:

Ой ты, стары́й дідуга́,
Изогну́вся, якъ луга́;
А я, молоде́нька,
Гуляти раде́нька!

Мужчина точно былъ уже съ сѣдиною, а она еще въ первой молодости.

— Погоди, погоди, *вра́зька до́чко!* говорилъ онъ, — дай мнѣ только до тебя добраться: я покажу тебѣ свою старость. Смѣйся, смѣйся! Засмѣешься ты у меня *на ку́тни* (1)! Морга́й, морга́й (2)! *Якъ моргну́ тебѣ, то й ногами вкрыесся* (3)!

И началъ гоняться за нею вокругъ Шрама. Но она явно чувствовала превосходство своей ловкости въ этой игрѣ:

— Отдохни немного, Остапъ! видишь, какъ запыхался! А я тебѣ спою другую пѣсню, когда эта не по душѣ.

И, подтанцывая на бѣгу, и плеща въ ладоши, она начала пѣть:

Коли́ бъ мині або́ такъ, або́ сякъ,
Коли́ бъ мині запоро́зькій коза́къ;
То бъ вінъ мене́ туды́-сюды́ поверну́въ,
То бъ вінъ мене́ до се́рденька пригорну́въ!

Остапъ началъ было уже ослабѣвать, но эта пѣсня вдохнула въ него новыя силы.

---

(1) Т. е. заплачешь. *Ку́тні зубы*—угловые зубы, къ концу челюстей.

(2) *Морга́ть*—мигать, дѣлать гримасу.

(3) Т. е. какъ ударю, то полетишь къ верху ногами. Но въ этомъ переводѣ нѣтъ юмору, который не оставляетъ Малороссiянина и во время гнѣва.

— Э! такъ вонъ еще что̀! Уже жъ теперь ты не уйдешь отъ меня! То̀-то я вижу, что Запорожцы что-то слишкомъ часто просятъ тебя вынесть воды напиться! А у нихъ не вода на умѣ.

И пошла опять бѣготня вокругъ Шрама.

— Сгиньте вы къ нечистому! вскрикнулъ Шрамъ. Дайте мнѣ проѣхать!

— Гдѣ жъ мнѣ, пан'отче, дѣться? сказала женщина. Онъ меня убьетъ, если поймаетъ! Вы не знаете его: хоть дурень, а золъ, какъ собака!

Шрамъ обратился къ кузнецу:

— Стыдно тебѣ съ сѣдою чуприною такъ дурачиться! Оставь ее; послѣ расправишься! дай мнѣ проѣхать.

Кузнецъ тогда только разсмотрѣлъ передъ собой священника. Для степеннаго Украинца великой стыдъ забыться въ присутствіи такой особы, и потому, поклонясь Шраму, онъ побрелъ съ смущеннымъ видомъ въ хату; только въ дверяхъ еще погрозилъ женѣ нагайкою. Но та, видно, часто разъигрывала съ нимъ подобныя сцены. Она смѣясь показала ему кукишъ.

— Дома панъ осаулъ полковый? спросилъ у нея Шрамъ.

— Да, дома, пан'отче! Тамъ все съ Запорожцами бенкетуютъ.

— Какъ! Гвинтовка съ Запорожцами?

— А почему жъ? Развѣ вы не знаете, что теперь Запорожцы первые въ свѣтѣ люди? Говорятъ, Царь подарилъ имъ всю гетма́нщину.

— Чтобъ ты за такія рѣчи окаменѣла, какъ Лотова жена! вскрикнулъ въ досадѣ Шрамъ, и пустилъ коня рысью.

— Соль тебѣ на языкъ! печи́на (1) тебѣ въ зубы! сказала потихоньку глупая баба. Видно, была немножко подъ хмелькомъ.

---

(1) Киричъ изъ печи. Такъ обыкновенно говорятъ, чтобъ уничтожить дѣйствіе клятвы, которая, по мнѣнію народа, навлекаетъ на человѣка разныя бѣдствія даже и въ такомъ случаѣ, когда онъ не виноватъ. Потому-то съ одной стороны Малороссіяне боятся *прокліну* а съ другой — никто такъ страшно не проклинаетъ, какъ выведенный изъ терпѣнія Малороссіянинъ.

Подъѣзжая уже къ хуторскимъ постройкамъ, Шрамъ замѣтилъ въ сторонѣ, между деревьями, старика высокаго росту съ длинною бѣлою бородою, одѣтаго въ свитку, подобную монашеской рясѣ. Это былъ Божій Человѣкъ. Шрамъ тотчасъ своротилъ съ дороги и подъѣхалъ къ нему. Старикъ не обратилъ никакого вниманія на топотъ коня, и продолжалъ идти узкой тропинкою, напѣвая въ полголоса псаломъ:

— *Спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный, яко умалишася истины отъ сыновъ человѣческихъ; суетная глагола кійждо ко искреннему своему: устнѣ льстивыя въ сердцѣ, и въ сердцѣ глаголаша злая....*

— *Оттакъ діду!* сказалъ Шрамъ: не хотѣлъ ѣхать со мною, да прежде меня здѣсь очутился!

— А, это Шрамъ со мною говоритъ! сказалъ спокойно Божій Человѣкъ.

— Какими судьбами ты очутился въ этихъ мѣстахъ? спросилъ его Шрамъ. — Ты жъ не сюда держалъ дорогу?

— Мнѣ по всему свѣту одна дорога. Попали меня въ свои руки въ Кіевѣ Запорожцы-прощальники, сыплютъ сребро-золото, не отпускаютъ отъ себя ни на минуту, а потомъ и на сію сторону Днѣпра перетянули.

— На что же имъ тебя нужно?

— Да вотъ оставили на моихъ рукахъ своего товарища. Заболѣлъ у нихъ одинъ куренный отаманъ. «Излечи намъ, батько, этого козака, такъ мы тебѣ поможемъ вызволить изъ неволи не одного невольника.» Вотъ я и нянчусь съ нимъ, какъ съ ребенкомъ: то играю ему на бандурѣ, то перемѣняю перевязку. *Здобувся добре сірома́ха!* Тотъ самый, что схватился съ твоимъ Петромъ.

— И тебѣ отогрѣвать такую змѣю, Божій Человѣче! сказалъ Шрамъ.

— Для меня всѣ вы равны, отвѣчалъ кобзарь. — Я въ ваши драки не мѣшаюсь.

— Иродова душа! продолжалъ Шрамъ. — Чуть не спровадилъ на тотъ свѣтъ послѣдняго моего сына!

— Ба! А гдѣ бишь теперь твой Петро?

— Тутъ со мною; бѣдный до сихъ поръ еще не совсѣмъ оправился.

— Такъ это вы къ Гвинтовкѣ въ гости!

— Кто къ Гвинтовкѣ, а я поѣду прямо въ Нѣжинъ къ Васютѣ.

— Не застанешь ты Васюты въ Нѣжинѣ. Поѣхалъ, говорятъ, въ Батуринъ на раду.

— На какую раду?

— Кто жъ его знаетъ, на какую? Вѣрно, все о гетманствѣ хлопочетъ; такъ созвалъ еще въ Батуринѣ раду.

— Такъ и Гвинтовка тамъ?

— Нѣтъ, видно, ему не нужно Гвинтовки для этого дѣла; а то почему бы ему не созвать рады въ своемъ *столечномъ* городѣ? Да цуръ ему! что̀ намъ объ этомъ толковать! Прощай, пан'отче, не задерживай меня.

Съ этимъ словомъ, Божій Человѣкъ повернулся и побрелъ своей дорогой, напѣвая по прежнему:

— *Восхвалю имя Бога моего съ пѣснію и возвеличу его во хваленіи....*

Шрамъ догналъ свой поѣздъ уже возлѣ воротъ пана Гвинтовки,—пана совсѣмъ другой руки, нежели Черевань. Это тотчасъ видно было по необыкновенной высотѣ его воротъ (высокіе ворота означали тогда, по обычаю польскому, шляхетство хозяина), а еще больше по архитектурѣ его дома, состроеннаго на польскій образецъ, съ двухъярусными крышами и высокими рундуками. Посреди двора стоялъ столбъ, и въ столбѣ вправлены были желѣзныя, мѣдныя и серебряныя кольца для привязыванія лошадей. Гость-простолюдинъ долженъ былъ привязывать къ желѣзному кольцу; кто немного повыше—къ мѣдному, а кто еще выше — къ серебряному. Все это отзывалось спѣсью пановъ польскихъ, и не укрылось не только отъ глазъ Шрама, но даже и Череванихи.

— Не даромъ у моего брата жинка княгиня, сказала она: у него и все не по нашему.

— Да, сказалъ Шрамъ, козаки наши, тягаючись съ Ляхами лѣтъ десять, порядочно таки пропитались ляцкимъ

духомъ; а кто еще взялъ за себя Польку, то и совсѣмъ ополячился.

Тутъ услышали они звуки роговъ, и сквозь другіе ворота въѣхалъ на дворъ самъ панъ Гвинтовка, въ сопровожденіи своихъ козаковъ-охотниковъ, которые, кромѣ собакъ, вели за собою еще нѣсколько паръ быковъ.

— Охота! сказалъ Шрамъ; все это польскія выдумки. Когда водились у нашего брата козака своры собакъ?

— Да и этого никогда не водилось, сказала Череваниха, чтобъ на полеваньи (1) ловили быковъ вмѣсто дичины.— Привитай, братъ, далекихъ и нежданныхъ гостей! закричала она къ Гвинтовкѣ своимъ звонкимъ голосомъ.

— И жданныхъ, и давно желанныхъ, отвѣчалъ панъ Гвинтовка, подъѣхавши къ рыдвану. — Чоломъ, кохана сéстро! чоломъ, любый зятю! чоломъ, ясная панна-небóго (2)!... Э! да кто жъ это съ вами въ поповской рясѣ? Неужели это панъ Шрамъ?

— А кому жъ была бъ нужда, сказалъ Шрамъ, ѣздить сюда изъ Паволочи? Вотъ и мой сынъ со мною!

— Ну, уже такой радости я совсѣмъ не ожидалъ! воскликнулъ Гвинтовка.—Княгиня! княгиня! закричалъ онъ, обращаясь къ окнамъ своего дома, — выходи на рундукъ, погляди, какихъ Господь послалъ намъ гостей!

Высокая, благородной наружности женщина показалась въ дверяхъ на этотъ зовъ. Она была блѣдна, но прекрасна, хотя первая молодость ея уже прошла. Ея украинскій костюмъ какъ-то не согласовался ни съ чертами ея лица, ни съ ея поступью и движеніями, и кто бы посмотрѣлъ на нее внимательнѣе, тотъ легко узналъ бы въ ней иную породу и иное племя.

— Княгиня моя! золото мое! привитай же моихъ гостей щирымъ словомъ и ласкою. Вотъ моя сестра, вотъ зять и племянница, а вотъ высокоповажный панъ Шрамъ. Его всѣ знаютъ на Украинѣ и въ Польшѣ.

---

(1) На охотѣ.

(2) Племянница.

Голосъ Гвинтовки былъ грубъ, но радостенъ; княгиня повиновалась ему, по видимому, охотно, однакожъ въ ея поступи и въ выраженіи лица, улыбающагося какъ-то неестественно, видно было чувство худо скрытаго страха и глубокой горести. Гвинтовка взялъ ее подъ руку и подвелъ къ рыдвану. На встрѣчу ей вышла изъ своей колесницы Череваниха. Съ любопытствомъ озирала она съ головы до ногъ княгиню. Но когда онѣ сблизились, Череваниха увидѣла, что княгиня совсѣмъ не ею занята: она вперила глаза во что-то другое съ такимъ видомъ, какъ будто ей представилось какое-нибудь страшилище. «Рыдванъ! рыдванъ!» закричала она вдругъ, какъ говорится, не своимъ голосомъ; колѣни ея подогнулись, и она упала въ обморокѣ.

Это смутило и гостей, и хозяина. Одинъ Черевань сохранилъ спокойствіе и, довольный тѣмъ, что знаетъ причину неожиданности, сказалъ усмѣхаясь:

— Ге! не дивуйтесь этому, братцы: рыдванъ этотъ взятъ подъ Зборовымъ, а въ рыдванѣ сидѣлъ князь съ княжичемъ; князя погнали Татаре въ Крымъ, а княжича вражьи козаки, наскочивши, растоптали лошадьми.

Княгиню въ это время подняли, и она, услышавъ, послѣднія слова Черевяня, протяжно и глубоко застонала.

— Вишь лядское отродье! сказалъ нѣжный ея супругъ.— Я думалъ, она совсѣмъ уже забыла прежнее, но, видно, волка сколько хочешь корми, онъ всё таки въ лѣсъ смотритъ.

Га-га-га! засмѣялся на это Черевань. А я жъ тебѣ говорилъ, брате: «Эй не бери, братъ Матвѣй, нечестивой Ляшки! не будетъ тебѣ съ нею добра!» Такъ что жъ, коли тебѣ бѣлое лицо да черныя брови дороже щирой души украинской?

—Нехай ему цуръ, свате! сказалъ Гвинтовка; оставимъ это! Просимъ до госпóды (¹), дорогіе гости. Дайте я всѣхъ васъ перецѣлую.—Вы, черти! хамы негодные! обратился онъ къ

(¹) *Господа*—домъ, въ возвышенномъ и учтивомъ тонѣ.

толпѣ своихъ охотниковъ. Чего стоите оторопѣвши? Возьмите пани, да отнесите въ будинокъ.

Потомъ онъ очень привѣтливо перецѣловался съ своими гостьми и повелъ ихъ въ свѣтлицу.

— Скажи, Бога ради, спросилъ у него тогда Шрамъ, что̀ это за дикіе звѣри съ рогами появились въ нѣжинскихъ лѣсахъ? Гонялись наши дѣды по низовымъ степямъ за бѣлорогими сугаками, гонялись, если вѣрить пѣснямъ, и за золоторогими турами по днѣпровскимъ дебрямъ, но такихъ тяжконогихъ оленей никогда еще не ловили.

— Не дивись этому, батько, отвѣчалъ Гвинтовка; иныя теперь времена, иные обычаи. Сугаки да туры питались одною травою, а эти тяжконогіе олени съѣдаютъ сосны и дубы до самаго корня.

— Га-га-га! засмѣялся веселый Черевань. Это уже, батику, настоящая загадка!

— Глядите, сказалъ Гвинтовка, вонъ толпятся въ ворота, поснимавши шапки, нѣжинскіе кожемяки, ткачи и дегтяри. Солнце какъ-будто для того и спустилось къ самому лѣсу, чтобъ еще больше накрасить ихъ толстыя морды. Какъ они теперь смирны и покорны, когда у меня волы въ дворѣ! а пойди, поговори съ ними въ магистратѣ, не задобривши сперва полковника! тамъ сейчасъ покажутъ они тебѣ какой-нибудь ветхій пергаминъ съ висящею печатью.

— Да что̀ жъ тебѣ эти добрые люди сдѣлали? спросилъ Шрамъ.

— Добрые! нашелъ ты добрыхъ! Скорѣй я назову добрымъ лысаго дидька, нежели этихъ проклятыхъ салогубовъ (¹). Ты, видно, еще не знаешь, что эти добрые затѣваютъ съ запорожскими гайдамаками на насъ городовыхъ козаковъ! Запорожцы теперь съ нѣжинскими мѣщанами, какъ родные братья. Вражьи салогубы ни напитковъ, ни наѣдковъ, ничего для камышниковъ не жалѣютъ. Только и дѣла, что̀ съ ними бражничаютъ. И такая завелась дерзость у вражьихъ мугирей, что ѣдетъ знатный

(1) Салогубами называютъ, въ насмѣшливомъ смыслѣ, торговцевъ саломъ.

козакъ по улицѣ, никто передъ нимъ и шапки не снимаетъ. А покажись въ магистратъ, такъ заразъ достанутъ изъ-подъ кади заплѣсневѣлый шпаргалъ (1), да и суютъ въ глаза старшинѣ: вотъ, дескать, наше старосвѣтское право! А кто ихъ такъ разшевелилъ? все проклятые Низовцы!

— Постой, братъ, сказалъ Шрамъ, а ты самъ на чьей же сторонѣ?

— Какъ на чьей? Разумѣется на гетманской!

— А за чѣмъ же ты водишься съ Запорожцами?

— Я вожусь съ Запорожцами? Кто тебѣ это сказалъ?

— Кто бъ ни сказалъ, а есть слухъ, что ты пируешь съ ними не хуже нѣжинскихъ мѣщанъ.

— Плюнь ты, пан'отче, въ глаза тому, кто тебѣ это скажетъ. Чтобъ я, будучи паномъ на всю губу, не нашелъ себѣ лучшей компаніи, чѣмъ эти голыши, что ушли въ Сѣчь, обокравши своихъ хозяевъ!... ну, такъ! спасибо, пан'отче!

— Да, да! проговорилъ сквозь зубы Шрамъ;—вижу я, что ты *панъ на всю губу*, хоть и не говори мнѣ этого.

А Гвинтовка между тѣмъ въ окно:

— А, вражьи мужвалы! съ какимъ покорнымъ видомъ подходятъ теперь къ рундуку! но я имъ покажу разницу между паномъ и хамомъ. Гей, сволочь! крикнулъ онъ своимъ слугамъ, не пускать ко мнѣ этихъ длиннополыхъ лычаковъ! Бейте ихъ по затылку! гоните со двора батогами хамово племя.

— Катъ знаетъ что, братъ! сказалъ Черевань. Кто жъ этакъ добраго человѣка гонитъ, какъ собаку, отъ порога?

А Шрамъ не вытерпѣлъ и прибавилъ:

— Такъ дѣлали только польскіе паны да наши недоляшки, и мнѣ кажется, что едва ли не ополячила тебя твоя княгиня.

рыбой и проч., а за урядъ съ ними и всѣхъ торгашей, которые жирно ѣдятъ и мало работаютъ.

(1) Автору однажды стоило большаго труда убѣдить мѣщанъ показать ему старинный пергаминный документъ, тщательно ими скрываемый отъ всѣхъ. Когда наконецъ сомнѣнія ихъ разрушились, пергаминъ принесли изъ погреба, гдѣ онъ хранился подъ кадью съ квашеною свеклою, и оттого весь покрылся плѣсенью.

— Какъ это такъ?

— Такъ, что твои слова и поступки пристали и извергу Еремѣ ([1]).

Густая краска обиды покрыла щеки Гвинтовки.—Батько! сказалъ онъ Шраму, отъ одного тебя снесу я, не проливъ горячей крови, такія слова. Я такой же Ерема, какъ ты Барабашъ. Ерема! Нѣтъ, пусть дьяволъ возьметъ мою душу, если я не готовъ вынуть за Украину изъ ноженъ саблю одинъ противъ десятерыхъ!

И, обнаживъ саблю, блеснулъ ею, какъ молніею, вокругъ своей головы, въ красномъ свѣтѣ заходящаго солнца.

— Ну, ну, успокойся, сказалъ Шрамъ. Развѣ я тебя не знаю? Мало чтò молвится подъ горячую минуту? Не все перенимай, чтò по водѣ плыветъ.

А между тѣмъ подумалъ:

— И Еремѣ Вишневецкому дорогá была Украина, и онъ махалъ за нее саблею. Какъ не махать, защищая свои имѣнія?

— И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Гвинтовка, кстати ли мнѣ теперь спорить, когда я долженъ думать объ одномъ, какъ удовольствовать моихъ гостей? Послѣ дороги вамъ прежде всего нужно подкрѣпиться, да и вечерняя пора на дворѣ. А гей, княгиня! давай-ко козакамъ вечерять! Увидишь, пан'отче, какъ ополячила меня княгиня! Скорѣй— я ее окозачилъ. У меня не гайдуки, не маршáлки застилаютъ скатертью столъ. Мы доказали Ляхамъ, чтò значитъ козацкая сабля: княгини ихъ теперь служатъ козакамъ за столомъ и не за столомъ. Не для того взялъ я за себя бѣлорукую, высокоименитую, пышную Польку, чтобъ держать для нея полонъ домъ слугъ: сама она моетъ мнѣ сорочки и варитъ вареники. Княгиня! мое золото! чи ты спишь, чи не чуешь, вечерять козакамъ пора!

---

(1) Такъ называли козаки князя Іеремію Вишневецкаго, самаго гордаго пана, самаго ожесточеннаго ихъ противника, который, въ сознаніи своихъ правъ на неограниченную власть надъ множествомъ селъ и городовъ въ Украйнѣ, не зналъ мѣры своему мщенію надъ тѣми, которые прогнали его въ Польшу, и, казня плѣнниковъ, кричалъ палачамъ: «Мучьте ихъ такъ, чтобъ они чувствовали!»

Какъ тѣнь мертвеца не-хотя оставляетъ могилу и является на зовъ чародѣя; такъ явилась на громовой призывъ Гвинтовки его блѣдная княгиня. Подобно восточной рабѣ, поклонилась она гостямъ тихо и глядя въ землю, и дрожащими руками стала покрывать столъ бѣлою скатертью. Красота рукъ у женщинъ самая долговременная, и руки княгини съ сверкающими перстнями, чудными линіями мелькали въ вечернемъ полусвѣтѣ надъ движущимися складками скатерти.

— Не честь, не слава ли козакамъ имѣть такихъ рабынь? сказалъ Гвинтовка, глядя на эти изящныя руки. Сестра, племянница! прошу до гурту. Сядьте и не заботьтесь ни о чемъ, какъ паны надъ панами. Вамъ будетъ прислуживать гордая польская пани, высокоименитая княгиня!

— Рыдванъ нашъ напугалъ твою княгиню, сказала Череваниха, и—въ добрый часъ молвить—когда бъ съ нею чего не приключилось отъ *переполòху*. Смыть бы ее святой водой, да пускай бы надѣла скорѣе сорочку назадъназухою.

— Э, сéстро, отвѣчалъ беззаботно Гвинтовка,—мой голосъ подниметъ ее и изъ мертвыхъ! Не разъ и не два игралась у насъ такая комедія. Ты не гляди на это, что княгиня моя такъ смутна. Только скажу слово, тотчасъ развеселится, да еще и черезъ саблю поскачетъ. Вѣдь наши жъ козачки плясали подъ польскую дудку!

Какъ описать, чтò дѣлалось на ту пору въ душѣ бѣдной княгини, нѣкогда богатой и сильной, какъ царица, а теперь одинокой и беззащитной, какъ невольница? Видно, она привыкла уже сносить отъ своего новаго мужа всевозможныя оскорбленія, потому что ни слезами, ни вздохомъ не выразила своего чувства. Она слушала слова Гвинтовки съ такимъ видомъ, какъ бы они не къ ней относились; только его грубый и гремящій голосъ видимо потрясалъ ея нервы, какъ слабо натянутыя струны.

— Ну, княгиня, продолжалъ онъ, ворочайся проворнѣе; докажи, что высокая порода на что-нибудь таки тебѣ при-

годилась. Давай намъ какой-нибудь настоянки, чи запеканки, только такой, чтобъ и старость помолодѣла.

Приказаніе было исполнено, и княгиня, въ качествѣ хозяйки, должна была выпить чарку сама, прежде нежели начала потчивать гостей.

— Пейте спокойно, мои дорогіе гости, говорилъ Гвинтовка; не бойтесь, вража Полька не отравитъ васъ.

— А отъ нихъ, не во гнѣвъ твоей княгинѣ, этого ожидать можно, сказалъ Шрамъ. Можетъ быть, батько Богданъ до сихъ поръ здравствовалъ бы, если бъ не водилъ сватовства съ Ляхами (1).

— Видишь, мое золото, сказалъ княгинѣ нѣжный супругъ ея, видишь, каковы твои земляки! Благодари Бога, что я тебя отъ нихъ избавилъ. Хоть, можетъ быть, мои дубовыя свѣтлицы не то, что̀ ваши Волынскіе за̀мки, да по крайней мѣрѣ поживешь межъ православнымъ народомъ; всё таки на томъ свѣтѣ не такъ будешь смердѣть лядскимъ духомъ, когда позовутъ на судъ Божій.

— Да по нашему ли она молится Богу? шепнула Череваниха брату.

— Оттакъ, сестро̀! отвѣчалъ онъ въ-слухъ. Неужели ты думаешь, что твой братъ назвалъ бы своею женою нечестивую католичку? Уже не знаю, что̀ тамъ въ душѣ у нея сидитъ, а она у меня и въ церковь ходитъ, и крестится по нашему. Перекрестись, мое золото!

Княгиня, какъ дитя, перекрестилась по православному.

Она была самое жалкое существо между этими людьми, добрыми по своему, но жестокосердыми тамъ, гдѣ ими управляла народная ненависть, воспитанная въ Украинцахъ долговременными страданіями ихъ подъ игомъ пановъ польскихъ. Она подобна была воробью, попавшемуся въ руки сельскимъ мальчишкамъ, которые, по миѳическому преданію, считаютъ себя въ правѣ дѣлать съ нимъ все, что̀ только можетъ придумать дѣтская злость (2). Она не вѣ-

(1) Преждевременную смерть Хмельницкаго приписывали отравѣ, всыпанной въ напитокъ гостями—Поляками.

(2) Старухи баютъ дѣтямъ, что будто бы воробьи, летая вокругъ распятаго Спасителя, чирикали: *¡Живъ! живъ!* а Жиды, слыша это, принимались мучить Его снова.

дала, какъ несправедливо, какъ возмутительно было для большинства необузданное господство пановъ и шляхты въ Украйнѣ; ей не входило въ голову, среди блеска, роскоши, пріятныхъ бесѣдъ и танцевъ, что отъ этихъ веселостей обливаются кровью тысячи сердецъ, столь же чувствительныхъ, какъ и ея собственное, что вражда къ ея сословію и племени всасывается подавленною толпою съ молокомъ матери, что кругомъ высокихъ, звучащихъ музыкою палатъ, ростутъ и мужаютъ въ убогихъ хатахъ мстители, и что прольются рѣки шляхетской крови за серебро и золото, извлекаемое изъ шляхетскихъ имѣній. Веселая, добрая, щедрая, она далека была отъ мысли, что участвуетъ въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ человѣчества; и даже теперь, неся жестокую кару за нихъ, она не понимала, за что̀ судьба послала ей такую участь. Она тѣмъ болѣе была жалка, что не понимала этого!

— Ну, прошу жъ за столъ, дорогіе гости! говорилъ Гвинтовка. Давно мои по̀куть не видалъ такихъ гостей.

Гости усѣлись за столъ, освѣщаемый серебрянымъ каганцемъ, и Шрамъ, благословя пищу, взялся за ложку, какъ со двора кто-то отодвинулъ кватирку (1), и закричалъ громко: *Пугу!*

Шрамъ бросилъ на столъ ложку и молча глядѣлъ на хозяина.

Хозяинъ видимо смутился и не зналъ, что̀ дѣлать: отвѣчать ли на запорожское привѣтствіе, или успокоить своего именитаго гостя.

— *Пугу!* раздалось подъ окномъ громче прежняго, и въ форточкѣ мелькнули чьи-то бѣлые усы. Чи ты спишь, пане князю, чи уже такъ загордился, что не хочешь пустить и въ хату добраго человѣка?

— Прошу, прошу, пане ота̀мане, отвѣчалъ Гвинтовка.— И хата, и хозяинъ—все твое.

— А собаки жъ у васъ не кусаются?

— Вотъ славно! а на что̀ жъ поется въ пѣснѣ:

Запорожскій козакъ
Не боится собакъ?

---

(1) Форточка въ окнѣ.

— А кошки у васъ не царапаются?

— Богъ съ тобою, пане отамане!

— Теперь чортъ знаетъ, какъ стало на Украинѣ. Сѣчевикъ не во всякую хату суйся.

— По крайней мѣрѣ, моя хата отворена для добрыхъ молодцовъ настежь.

— Такъ это ты такъ не водишься съ Запорожцами? отозвался тогда Шрамъ.

— Эхъ, батько! отвѣчалъ покраснѣвъ Гвинтовка.—Запорожецъ Запорожцу рознь. Это—*батько Пу́гачъ,* старецъ сѣчевой. Съ нимъ по неволѣ надобно ладить. Теперь у насъ въ Украинѣ все такъ перепуталось и перемѣшалось, что прямою дорогою никуда не проѣдешь. Мы у́тремъ Запорожцамъ носъ, какъ только возметъ наша; а теперь идти имъ на перекоръ трудно: теперь они въ особой ласкѣ у царскаго величества, и Царь дѣлаетъ для нихъ все, что́ ни попросятъ.

— Не идти жъ намъ съ тобою по одной дорогѣ, сказалъ Шрамъ.

Тутъ въ свѣтлицу вошли два Запорожца: одинъ сѣдой старикъ, другой еще очень молодой козакъ. Это былъ извѣстный на Сѣчи батько Пу́гачъ, старѣйшій изъ запорожскихъ старцевъ, со своимъ чурою. Его-то именемъ, если помните, Черногорецъ думалъ унять своего побратима отъ любовныхъ дурачествъ.

Физіономія Пугача была выразительна и мрачна. Бѣлыя брови повисли надъ глазами и почти закрывали ихъ; лобъ и все лицо покрыты были сабельными рубцами и глубокими морщинами. И отаманъ и чура одѣты были въ простыя сермяги, а сорочки ихъ, по видимому, никогда не знали мытья. Напротивъ, вмѣсто мытья, Запорожцы опускали свои сорочки и полотняные шаровары въ жидкій отстой дегтя, и такимъ образомъ, благоухая кругомъ на далекое пространство, носили ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не расползались на тѣлѣ. Батько Пугачъ принадлежалъ къ самымъ суровымъ рыцарямъ своего ордена, отрицавшагося міра и всѣхъ удобствъ жизни. Онъ смотрѣлъ дикимъ боровомъ и носилъ платье грубое и запачканное, какъ ще-

тина. Не смотря на это, хозяинъ встрѣтилъ его съ особеннымъ *пошанованьемъ* и просилъ садиться за столъ.

— Не сяду! отвѣчалъ батько Пугачъ, стоя посреди свѣтлицы.

— Отчего жъ не сядешь?

— Оттого, что у тебя добрымъ людямъ такая честь, якъ собакамъ.

— О какихъ это людяхъ ты говоришь?

— Да хоть бы и о тѣхъ, что̀ за возъ дровъ платятъ по пяти паръ воловъ. Да вотъ и они сами идуть поклониться твоей панской милости.

Дверь отворилась, и нѣсколько человѣкъ нѣжинскихъ мѣщанъ вошло въ свѣтлицу.

— Ну, скажи, продолжалъ Пугачъ, за что̀ ты заграбилъ у нихъ скотъ?

— За то, чтобъ не рубили моего лѣсу.

— Да вѣдь они не въ твоемъ лѣсу рубили, а въ городовомъ.

— Въ городовомъ, ей Богу, въ городовомъ! говорили мѣщане, кланяясь Пугачу и Гвинтовкѣ.

— Вотъ славно! сказалъ Гвинтовка. Съ котораго это времени моя *займанщи́на* сдѣлалась городовымъ лѣсомъ?

— Да это, пане, по твоему она твоя, а по нашимъ магистратскимъ записямъ она наша, Богъ знаетъ съ какого времени. Еще какъ только батько Хмельницкій выгналъ Ляховъ изъ Украины, то заразъ и далъ намъ привилей «осягнуть подъ городъ Нѣжинъ поля, лѣса и сѣножати, якіи сами улюбимъ», и до сихъ поръ стоятъ еще знаки, что̀ постановили наши бургомистры.

— Это-то мы знаемъ, возразилъ запальчиво Гвинтовка,— это мы знаемъ, что вы того только и глядите, какъ бы поймать лучшій кусокъ изъ козацкой добычи. Козакамъ тогда было не до займанщинъ, козаки тогда бились съ Ляхами по-надъ Случью, по-надъ Горынью, да топули въ литовскихъ болотахъ; а вы, сидя дома, съ своими мордатыми бургомистрами, повыкраивали себѣ самые лучшіе куски изъ Украины! Такъ нѣтъ же! козацкая сабля больше зна-

читъ, нежели бургомистерская патерина (1). Панъ полковникъ нѣжинскій позволилъ мнѣ занять займанщину подъ Нѣжиномъ на конскій бѣгъ; я цѣлый день съ своими козаками не вставалъ съ коня, и теперь никто не въ правѣ говорить, что это не мое доброе!

— Послухай, пане князю, ты стараго Пугача, сказалъ Запорожецъ. Пускай мѣщане кое-чѣмъ и поживились отъ козаковъ въ польскую заверуху; да уже жъ и козаки начали теперь прибирать мѣщанъ добре въ свои руки! Засѣвши въ ихъ магистраты и ратуши, ваша старшина орудуетъ ихъ войтами, бургомистрами и райцами, какъ чортъ грѣшными душами. Коли полковникъ далъ тебѣ займанщину въ мѣщанскихъ лѣсахъ, ну, и называй ихъ своими, только отдай этимъ добрымъ людямъ воловъ.

Задумался на мгновеніе Гвинтовка, но взглянувши на Шрама, сказалъ рѣшительно:

— Нѣтъ, пане отамане, пусть они ищутъ ихъ у своихъ бургомистровъ, что подѣлали знаки въ моихъ лѣсахъ; а я докажу имъ, что я въ своемъ добрѣ панъ, и этимъ безшабельнымъ хамамъ поуменьшу пыхи.

— Дурни вы, дурни съ своимъ панствомъ, да еще и не каетесь! воскликнулъ батько Пугачъ. Погодите, скоро придетъ время... не помогутъ вамъ ни ваши сабли, ни ваши грамоты, что повыпрашивали вы себѣ у короля, лижучи сенаторамъ руки! Дѣтки мои! такъ обратился батько Пугачъ къ мѣщанамъ, плюньте вы и на его панство, и на воловъ. Мы скоро воротимъ вамъ все десятерицею.

— О, спасибо жъ тебѣ, батько нашъ! воскликнули мѣщане, что хоть ты за насъ вступился! Просимъ же до насъ на вечерю, просимъ до нашей простацкой господы! и мы съумѣемъ угостить тебя такъ, что не будешь голоденъ. Прощай, пане князю! *Прийде и на нашу улицю празникъ!*

— Постой, пане отамане! сказалъ Гвинтовка батьку Пугачу. Я не хочу съ тобою ссориться за этихъ лычаковъ. Пусть берутъ своихъ воловъ, да убираются къ нечистому; а ты оставайся у меня вечерять.

— Не до вечери теперь нашему брату, отвѣчалъ батько

(1) Палка, въ почетномъ смыслѣ: знакъ власти.

Пугачъ. Довольно намъ теперь работы и безъ вечери. Скоро будутъ наши сюда подъ Нѣжинъ. Вотъ ѣдутъ уже царскіе бояре, мы ихъ до Переяслава не допустимъ. Хорошъ городъ и Нѣжинъ для черной рады. Такъ намъ уже теперь не до вечери.

И вышелъ изъ свѣтлицы. Но на дворѣ козаки Гвинтовки слышали, какъ онъ сказалъ мѣщанамъ:—Чтобъ ихъ нечистый взялъ съ ихъ вечерею, этихъ пановъ окаянныхъ! Пойдемъ лучше къ вамъ, дѣтки!

И мѣщане едва не на рукахъ унесли батька Пугача.

Гвинтовка остался передъ Шрамомъ въ самомъ затруднительномъ положеніи: онъ чувствовалъ, что Шрамъ разгадалъ теперь его, а между тѣмъ ему жаль было и расположенности батька Пугача.

При наступающей съ разныхъ сторонъ бурѣ, онъ старался въ обѣихъ враждующихъ партіяхъ заготовить себѣ опору, чтобъ, въ случаѣ перевѣса той или другой, не пострадать вмѣстѣ съ прочими. До сихъ поръ онъ умѣлъ ладить со всѣми; но теперь размолвка съ батькомъ Пугачемъ сдѣлала его какъ бы сторонникомъ Сомка, а это было ему совсѣмъ не по душѣ: онъ любилъ отпустить молодецкую фразу тамъ, гдѣ говорили о родинѣ и козацкой славѣ; но когда дѣло принимало серьезный ходъ, и нужно было рисковать имѣніемъ и жизнью, тамъ панство тотчасъ брало въ немъ перевѣсъ надъ патріотизмомъ.

Разныя тревожныя мысли терзали его душу; однакожъ онъ усиливался казаться радостнымъ, и веселою бесѣдою старался оживить свой ужинъ, за который всѣ принялись теперь съ постными лицами. Но ни его привѣтствія, ни поддѣльный восторгъ не имѣли никакого дѣйствія на стараго Шрама, а при его нахмуренныхъ бровяхъ, отягощенныхъ смутными думами, и всѣмъ другимъ было какъ-то жутко.

Гвинтовка вышелъ наконецъ изъ себя, и, не зная, на комъ выместить свою досаду, напалъ на бѣдную княгиню, которая подавала на столъ кушанья. Все ему не нравилось, все находилъ онъ сдѣланнымъ *по-лядски*. Несчастная женщина дрожала, какъ былина въ полѣ отъ вѣтру, и въ то-

ропяхъ опрокинула на столъ коновку съ наливкою. Это взорвало гнѣвъ ея мужа, который, казалось, только и ждалъ чего-нибудь подобнаго, чтобъ излить на нее всю свою злобу.

— Чортова кровь! вскричалъ онъ и толкнулъ ее такъ сильно, что бѣдная княгиня упала и осталась безъ чувствъ посреди свѣтлицы.

— Гей, черти! хамы! закричалъ Гвинтовка, возьмите къ бѣсовой матери отсюда эту лядскую падаль!

Нѣсколько дѣвокъ выбѣжали изъ боковой двери и унесли полумертвую свою пани.

Черевань при этой сценѣ посматривалъ на Шрама, что̀ онъ скажетъ, но Шрамъ, по видимому, ничего не замѣчалъ.

Послѣ ужина онъ объявилъ хозяину, что завтра на зарѣ ѣдетъ въ Батуринъ, а Петра оставляетъ у него въ хуторѣ, какъ еще слабаго послѣ болѣзни.

Съ тѣмъ и разошлись всѣ спать.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Здоровъ, здоровъ, пане Саво!
Якъ ся собі маешъ?
До́брихъ гостей собі маешъ—
Чимъ ихъ привитаешъ?
—Ой давъ бы вамъ меду и вина—
Не схо́чете пити:
Ой ви жъ мене́ молодо́го
Хо́чете згубити!

Народная пѣсня.

Петро́, проснувшись на другой день, пошелъ въ конюшню и не нашелъ уже тамъ отцова коня. Еще на разсвѣтѣ уѣхалъ неутомимый Шрамъ. Тяжело было на сердцѣ у Петра: его преслѣдовала все одна мысль. Прежде, бывало, его мучила холодность гордой красавицы, потомъ ревность къ счастливому сопернику: теперь онъ зналъ, что его любятъ: это съ одной стороны его радовало, но съ другой— онъ тѣмъ больше мучился, что долженъ былъ отказаться отъ любви добровольно. Уваженіе къ отцовской волѣ и къ правамъ обрученнаго жениха было въ немъ такъ силь-

но, что у него не мелькнула въ головѣ даже и мысль своевольно овладѣть Лесею. Онъ, напротивъ, рѣшился всячески отъ нея удаляться и при первой возможности вступить въ воинское запорожское братство, чуждающееся женщинъ.

Походивъ по подворью, онъ не хотѣлъ возвращаться въ покои; ему тяжело было встрѣчаться съ Лесею, не смотря на всю привязанность къ ней. Въ тягостномъ раздумьи онъ вышелъ за ворота, и пошелъ, отъ нечего дѣлать, бродить по лѣсу.

Не смотря на продолжительную дорогу, послѣ которой вчера онъ чувствовалъ себя очень измученнымъ, теперь онъ былъ почти здоровъ, и пріятное ощущеніе возраждающихся силъ, при всемъ его горѣ, дѣлало его чувства и мысли какъ-то грустно спокойными. Тоскуя о своей несчастной любви, онъ въ самой тоскѣ находилъ какое-то наслажденіе, и, отказавшись отъ предмета, къ которому стремился, ни за что въ мірѣ не согласился бъ отказаться отъ этой тихой грусти о немъ. Незамѣтно онъ отдалился отъ хутора, и, продолжая идти машинально по узкой дорожкѣ, увидѣлъ не въ дальнемъ отъ себя разстояніи дымъ, выходящій изъ-за деревьевъ. Утреннее солнце просвѣчивало его своими золотыми лучами. Скоро показалась огорожа и убогая хатка подъ соломенною крышею. Онъ хотѣлъ было уже воротиться назадъ, чтобъ не тревожить по пусту чужихъ собакъ, которыхъ по хуторамъ держатъ всегда множество, какъ изъ-за деревъ появились передъ нимъ двѣ фигуры, заставившія его остановиться. Молодая женщина вела подъ руку высокаго и крѣпко сложеннаго козака, который, по видимому, вовсе не нуждался въ ея подпорѣ и говорилъ ей:

— Да ну, Настýсю, къ нечистой матери! чтò ты меня ведешь, какъ пьяницу изъ шинка? Я сегодня хочу поиграть на конѣ по полю, а ты меня водишь, какъ ребенка. Геть! говорю, отстань отъ меня!

Каково же было удивленіе Петра, когда онъ въ этомъ козакѣ узналъ стараго своего знакомца Кирила Тура! Казалось бы, для него должна быть непрітна такая встрѣча, но, напротивъ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ глядѣлъ

на своего соперника. Кирило Туръ тоже ему обрадовался, привѣтствовалъ его самымъ дружескимъ образомъ и поздравлялъ съ выздоровленіемъ.

— Не думалъ я, братъ, говорилъ онъ, чтобъ послѣ такого удара довелось тебѣ еще глядѣть на Божій свѣтъ! Да и самъ я не хотѣлъ бы ужъ больше подниматься на ноги; Богъ знаетъ, удастся ли въ другой разъ уснуть такъ сладко!

—*Не знать щó вы говóрите, брáтіку!* возразила тутъ его спутница, глядя на него съ нѣжностью и не оставляя руки его.

— Молчи, баба! сказалъ Запорожецъ. Тебѣ ли мѣшаться въ козацкія рѣчи? Знаете ли вы толкъ въ жизни? Вамъ жизнь представляется чортъ знаетъ чѣмъ. Хата, печь, подушки,—вотъ и вся жизнь ваша. А козаку поле не—поле; море не—море, чтобъ разгуляться. Козацкая душа развѣ въ безпредѣльномъ небѣ найдетъ себѣ просторъ. Вотъ жизнь! И потомъ, обращаясь къ Петру: Я, братъ, уже совсѣмъ покидалъ этотъ свѣтъ, набитый бабами и всякими глупостями; уже и ногу поставилъ было на порогъ, чтобъ идти въ далекую дорогу... такъ щожъ? добрые люди уцѣпились за меня и таки воротили назадъ; думаютъ, куды какое доброе дѣло сдѣлали! думаютъ, что ничего и лучше уже нѣтъ этой мизерной жизни! а право, у кого толку есть хоть на копейку, тотъ скажетъ, что умному человѣку на свѣтѣ жить совсѣмъ не стóитъ....

— Скажи, пожалуйста, прервалъ его философствованіе Петро, какъ же ты попалъ изъ Кіева на сю сторону Днѣпра?

— Такъ какъ и ты. Взяли меня добрые люди, да и давай няньчить, сповивать, купать, поить всякими травами, а потомъ и сюда перевезли. Перевезли, и куда жъ? какъ разъ въ хату къ моей матери. Тутъ уже бабы меня какъ взяли въ свои руки, то вотъ никакъ не отвяжусь отъ нихъ. Увѣряютъ меня, что я не здоровъ, а я медвѣдя удержалъ бы за ухо.

— А побратимъ твой гдѣ?

— Э, побратиму моему теперь довольно работы! Хочемъ задать перцу городовой старшинѣ; такъ шатается теперь

по всѣмъ усюдамъ, какъ челнокъ у ткача по основѣ. Натянули наши братчики вамъ добрую основу, соткутъ вамъ такую сорочку, что ни руками, ни ногами не поворотите.

— Да ну, сказалъ Петро, когда говорить, то говори ясно, а не загадками.

— Говори ясно! возразилъ смѣясь Запорожецъ. Какой теперь чортъ скажетъ тебѣ что-нибудь ясно, когда со всѣхъ сторонъ наступаютъ тучи! Прояснится вамъ развѣ тогда, когда ударитъ громъ и засверкаетъ молнія! А уже до этого не далеко. Говорилъ мнѣ побратимъ, что уже наши братчики надъ Остромъ, въ Романовскаго Кýтѣ и кошъ заложили. Сегодня самъ Иванъ Мартыновичъ прибудетъ съ старцами, а къ завтрашнему дню едва ли и бояре царскіе не подоспѣютъ. Черный народъ собирается подъ Нѣжиномъ, какъ саранча: говорятъ, въ Нѣжинѣ великій урожай на кармáзины....

У Петра отъ этихъ словъ пошелъ холодъ по тѣлу. Онъ прежде всего подумалъ объ отцѣ своемъ и хотѣлъ было тотчасъ извѣстить его обо всемъ слышанномъ, но въ то же время вспомнилъ, что отецъ его уѣхалъ въ Батуринъ. Другою мыслью его была забота о Лесѣ. Онъ боялся, чтобъ въ суматохѣ, какая неминуемо должна здѣсь наступить, она какъ-нибудь не пострадала; боялся также, чтобъ Кирило Туръ не вздумалъ опять ее похитить. Не зная, что̀ предпринять, онъ намекнулъ о ней Запорожцу.

Запорожецъ при имени Леси весело разсмѣялся.

— Ге-ге! сказалъ онъ. Неужели ты до сихъ поръ не выбросилъ изъ головы своей дури? Мнѣ казалось довольно пустить человѣку съ полъ-ведра крови, чтобъ образумить: но, видно, нѣтъ! видно, васъ няньки закармливаютъ такою кашею, что вы до самой старости не перестанете льнуть къ бабамъ!

— А ты, спросилъ Петро, будто совсѣмъ уже забылъ ту, за которую дрался какъ сумасшедшій?

— Тьфу! сказалъ съ досадою Запорожецъ. Сталъ бы я думать теперь о такой пакости! Одинъ тому часъ, что̀ человѣкъ сдурѣетъ. Теперь давай мнѣ хоть десять такихъ краль, то, ей Богу, всѣхъ отдамъ за люльку тютюну!

Петро отъ души радовался такому настроенію души опаснаго волокиты.

— Ну, куда жъ ты теперь идешь? спросилъ онъ.

— Да вотъ Божій Человѣкъ велѣлъ мнѣ гулять въ полѣ утромъ и вечеромъ, а бабы мои... Это сестра моя, коли хочешь знать, а тамъ въ хатѣ есть еще мать... такъ бабы мои не вѣрятъ, что я выздоровѣлъ. Но я сегодня докажу имъ, что пора имъ отъ меня отвязаться; осѣдлаю коня да проѣду по полю такъ, «щобъ ажъ ворогáмъ було тяжко», какъ говоритъ Черевань. Но пока что̀, зайдемъ ко мнѣ въ хату, выпьемъ по чаркѣ.

Петро на это согласился, и Запорожецъ ввелъ его въ хату своей матери.

— Вотъ, братъ, и моя пани-матка! сказалъ онъ. Коли хочешь, мамо, знать, что̀ это за козакъ, то это тотъ самый, съ которымъ разомъ мы были нашпигованы кинжалами.

— Я не скажу имъ, шепнулъ онъ гостю, что ты-то и нашпиговалъ меня; а то онѣ будутъ глядѣть на тебя чортомъ. Эти бабы не смыслятъ, что можно сегодня съ человѣкомъ рубиться отъ души, а завтра быть пріятелями. Чортъ знаетъ, какъ глядятъ на Божій свѣтъ!

Старушка очень рада была гостю и тотчасъ же принялась за угощеніе. Въ печи горѣлъ огонь. Въ одну минуту появились горячіе блины и наполнили всю хату пріятнымъ паромъ.

— Вотъ какъ меня на старость утѣшилъ Господь милосердный? говорила мать Кирила Тура, обращаясь къ Петру. Не думала я уже видѣть своего сына, своего яснаго сокола!

Тутъ она обняла голову Запорожца и поцѣловала его въ чуприну.

— Гóди, гóди, мáмо! говорилъ Запорожецъ, стараясь отъ нея освободиться. Ты бъ, сдается, только и дѣлала, что̀ няньчилась со мною. Я боюсь, чтобъ товариство теперь не прогнало меня изъ Сѣчи за то, что отъ меня бабою пахнетъ!

— А ты всё таки думаешь про ту проклятую Сѣчь?

—Пани-матко! не давай воли языку, коли хочешь, чтобь я прожилъ еще хотя полдня у тебя въ хатѣ! Какъ можно называть проклятымъ славное Запорожье!

— *Щобъ воно́ тобі запа́лось!* сказала со слезами старушка. Взяло оно у меня мужа, пропала моя молодость, не знала я счастья на свѣтѣ; а теперь возметъ еще и сына,—не дозна́ю я счастья и въ старости!

— Ну, что̀ ты будешь дѣлать съ этими бабами! сказалъ смѣясь Кирило Туръ. У нихъ счастьемъ называется чортъ знаетъ что̀! Ну, давай лишь, не́не, намъ по чаркѣ, то, можетъ быть, повеселѣемъ. Теперь Сѣчь будетъ не далеко: въ Романовскаго Ку́тѣ. Правда, и туда вашему брату все равно не льзя показать носъ, такъ я самъ иногда навѣдаюсь къ вамъ, да и гостинца, можетъ быть, привезу.

— Не нужно мнѣ лучшаго гостинца, какъ ты самъ, мой коханый сы́нку!

— Э, пожалуй! такъ не для бабъ же создалъ Господь козака! есть у него что-нибудь лучшее дѣлать, нежели сидѣть съ вами въ хатѣ да уплетать блины. А блины славные! нечего сказать, пани-матко, славные блины!

Въ это время подъ окномъ раздался конскій топотъ, и кто-то громко закричалъ по-запорожски: *Пугу, пугу!*

Женщины затрепетали. Имъ не въ первый разъ было слышать этотъ дикій зовъ; но никогда онъ не производилъ на нихъ такого дѣйствія.

— Охъ, моя матинко! вскрикнула сестра Кирила Тура. Чего жъ меня это такой страхъ ошибъ? Кто это, мой братику?

— Это уже, се́стро, отвѣчалъ мрачно Запорожецъ, пріѣхали по мою душу.

— Охъ, лишечко! вскричала мать, не понимая, что̀ значатъ эти странныя слова, но угадывая чувствомъ страшный смыслъ ихъ. Охъ, мой сы́нку! что̀ жъ это ты говоришь?

— А вотъ «добрые молодцы» сами тебѣ растолкуютъ, отвѣчалъ Запорожецъ съ угрюмымъ спокойствіемъ.

Въ эту минуту дверь отворилась, и на порогѣ показался извѣстный уже намъ батько Пугачъ съ своимъ чу́рою.

— А здоровъ, вражій сынъ! съ такимъ привѣтствіемъ обратился онъ къ Кирилу Туру. Якъ ся соби маешъ? Добрые пріѣхали къ тебѣ гости: чѣмъ-то ихъ угостишь? Прощайся лишь, вражій сынъ, съ матерью и съ сестрою, бо уже не долго будешь топтать траву!

—Батечки мои, голубчики! вскричала испуганная этими угрозами мать Кирила Тура. Что̀ жъ это вы съ нимъ хотите дѣлать? Не оставляйте меня сиротою на старости, не отнимайте у меня моего яснаго сокола!

Но батько Пугачь не обратилъ никакого вниманія на ея вопли, и опять обратился съ своею странною рѣчью къ Туру:—А що, вражій сынъ! поднялся уже на ноги! отпасъ уже толстую морду! Поѣдемъ лишь до «ко̀ша» на расправу. Пакостникъ негодный! плюга̀вецъ! загладишь ты сегодня весь стыдъ, що наробивъ товари́ству. Одѣвайся лишь, вражій сынъ! сѣдлай коня! Тебя бы слѣдовало, взявши за шею, привести до коша на веревкѣ, якъ собаку, да ужъ я честь на себѣ кладу. Поиграй уже, такъ и быть, въ послѣдній разъ на конѣ.

Бѣдныя женщины въ оцѣпенѣніи прислушивались къ этимъ угрозамъ, и потомъ, какъ бы пронзенныя стрѣлою, повалились въ ноги батьку Пугачу, и рыдая умоляли его не лишать ихъ единственной ихъ радости и утѣшенія.

— Геть къ нечистой матери! вскрикнулъ неумолимый Запорожецъ. Якого чорта лазите передо мною! Не я надъ нимъ судья. Все товари́ство будетъ съ нимъ расправляться.

— Катъ знае, що робишъ ты, батько! сказалъ веселымъ голосомъ Кирило Туръ. Кто жъ таки такъ пугаетъ женщинъ? Вѣдь и у тебя, я думаю, была мать: не волчица произвела тебя на свѣтъ. Садитесь лишь да подкрѣпитесь, чѣмъ Богъ послалъ, а я одѣнусь, осѣдлаю коня да и поѣдемъ. Ма̀мо сѐстро! полно вамъ Богъ знаетъ чего убиваться! Развѣ вы не знаете шутокъ запорожскихъ? Нашъ братъ шутитъ по медвѣжьи, такъ что иного и до слезъ доведетъ.

Бѣдныя женщины не знали, чему вѣрить. Лучъ отрады блеснулъ однакожъ у нихъ въ душѣ, и онѣ, ободрясь немного, стали боязливо наблюдать за движеніями своего грознаго гостя. Наружность батька Пугача не предвѣщала ничего

добраго. Мрачное лицо его съ нахмуренными бѣлыми бровями и во всякое время не развеселило бы никого, а теперь оно казалось вѣстникомъ чего-то ужаснаго!

— Чего это вы оторопѣли! обратился къ нимъ смѣясь Кирило Туръ. Батько пошутилъ, а у нихъ уже и души нѣтъ. Давайте лишь на столъ блиновъ горячихъ, а я попотчиваю гостей перчакивкою. Я вамъ говорилъ, что сегодня поиграю на конѣ по полю. Ну, вотъ пріѣхали за мною козаки, да и все тутъ. А онѣ уже и расплакались! Эхъ, бабская натура! А еще просятъ остаться съ ними! Что̀ за житье козаку съ такими плаксами!

Батько Пугачъ сѣлъ за столъ, перекрестился и началъ спокойно ѣсть блины. По его знаку, чура его также сѣлъ и принялся за завтракъ.

Кирило Туръ вышелъ изъ хаты и началъ свистѣть, призывая своего коня, гулявшаго на волѣ, а чтобъ успокоить мать, онъ, идучи мимо окна, затянулъ козацкую пѣсню:

Ой коню мій, коню! заграй підо мною
Да розбий ту́гу мою,
Розбий, розбий тугу по темному лугу
Козакові молодому!

Но эта пѣсня, неудачно выбранная, вмѣсто того, чтобъ успокоить, еще больше растрогала бѣдную старушку. Оставивъ свое дѣло дочери, она сѣла въ концѣ стола, за которымъ завтракалъ батько Пугачъ, и начала такъ горько плакать, что и желѣзное сердце стараго Запорожца смягчилось.

— Не плачь, néне, сказалъ онъ; дурно слезы тратишь.

Подъ окномъ опять раздался звонкій, и на это время невыразимо печальный голосъ проходившаго мимо Кирила Тура:

Ой згада́й мене́, моя́ стара́ не́не,
Якъ ся́дешъ у ве́чері ісiи:
Десь моя́ дити́на на чужій стороні,
Да нема́ одъ не́і вісти!

Сковорода опрокинулась у сестры его при этихъ словахъ. Она бросилась къ матери, обняла ее и закричала:

— Мамо, голубонько! что̀ съ нами будетъ, когда не будетъ у насъ Кирила!

Въ это время Кирило Туръ вошелъ въ хату, принявъ на себя самый безпечный видъ. Взглянувъ на эту сцену, онъ съ удивленіемъ пожалъ плечами и, разставивши врозь руки, сказалъ:

— Ну, что̀ съ этими бабами дѣлать? И работу бросили! Уже правда, що только *нагадай козі смерть*, то наслушаешься крику. Что̀ жъ? развѣ мнѣ самому печь блины для пана ота́мана? Полно, говорю вамъ, плакать! Давайте еще горячихъ блиновъ.

— Ну лишь одѣвайся, сказалъ батько Пугачъ. Я долго ждать не стану. А ты что̀ за человѣкъ? обратился онъ къ Петру.

Тотъ сказалъ ему свое имя и прозвище.

— А! ты сынъ того сумасшедшаго попа, что̀ вмѣшался не въ свое дѣло! Мы ему скоро утремъ носъ! да и всѣмъ вамъ достанется на тютюнъ. Иванъ Мартыновичъ уже тутъ. Скоро онъ васъ научитъ, какъ пановать да гетманствовать.

Въ прежнія времена Петро́ нашелъ бы слова для отвѣта грубому Запорожцу; но потеря крови и продолжительная болѣзнь такъ его охладили, что онъ заблагоразсудилъ лучше смолчать, нежели вступать въ безполезные споры.

Какъ только Кирило Туръ одѣлся, Пугачъ и его чура встали, помолились образамъ, поблагодарили хозяйку и вышли изъ хаты.

— Кирило поклонился матери и сестрѣ.

— Прощай, пани-матко! прощай, сестро! сказалъ онъ весело. Прощай, братъ! обратился онъ къ Петру, и быстро ушелъ вслѣдъ за своимъ гостемъ.

Мать и сестра бросились за нимъ, чтобъ обнять его на прощанье; но онъ вскочилъ уже въ сѣдло, и началъ такъ кружить и бросать во всѣ стороны своего коня, что онѣ не осмѣлились схватить ни за поводья, ни за стремя.

— Когда жъ тебя, братику, ждать намъ въ гости? спросила сестра.

— Тогда я пріѣду къ вамъ въ гости, когда выроститъ трава на помостѣ! отвѣчалъ Кирило Туръ, сжалъ стременами коня, и полетѣлъ какъ вихорь.

Несчастныя провожали его глазами, и, когда онъ совсѣмъ уже скрылся изъ виду, долго еще стояли, какъ окаменѣлыя; наконецъ воротились въ опустѣлую хату, и, казалось, готовы были умереть въ рыданіяхъ.

— Куда они его помчали, моего яснаго сокола! говорила бѣдная мать, ломая руки.

— Не убивайся, пани-матко! сказалъ Петрô. Они поѣхали въ Романовскаго Кутъ. Кирило скоро назадъ будетъ.

— «Когда выростетъ трава на помостѣ!» проговорила тихо сестра Запорожца.

— Голубчикъ мой! сказала старушка Петру, сдѣлай ты мнѣ, несчастной матери, такую милость, пойди въ Романовскаго Кутъ и посмотри, что̀ они съ нимъ будутъ дѣлать. Охъ, видно, онъ чѣмъ-нибудь провинился передъ товари́ствомъ, а у нихъ нѣтъ жалости! пойди туда, мой голубь сизый, и хоть вѣсточку принеси намъ, живъ ли онъ еще, не убили ли они его еще до смерти?

— Добре, пани-матко, пойду! сказалъ Петро, котораго размягченная любовью душа живо сочувствовала ихъ горести.

Мать и дочь проводили его съ напутственными благословеніями.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Тілько я, мовъ окая́нный,
И день, и нічъ пла́чу
На роспу́ттяхъ велелю́дныхъ —
И ніхто́ не ба́чить;
И не ба́чить, и не знáе,
Оглу́хли, не чу́ють,
Кайда́нами міняютця,
Пра́вдою торгу́ють.

Анонимъ.

Урочище *Романовскаго Кутъ* было всякому въ той сторонѣ извѣстно. Поэтому Петру не трудно было найти его и во всякое другое время, а тѣмъ болѣе теперь, когда всѣ говорили объ Иванѣ Мартыновичѣ, который расположился съ своими Запорожцами кошемъ въ этомъ урочищѣ. Это былъ полуостровъ, образованный сліяніемъ какой-то безъ-

имянной рѣчки съ рѣкою Остромъ. Нѣсколько старыхъ дубовъ, раскинувшихъ свои темныя вѣтви надъ водою, дѣлали это мѣсто привлекательнымъ и доставляли Запорожцамъ прохладу.

Еще издали Петро́ услышалъ глухой гулъ множества голосовъ, подобный ярмарочному шуму. Подошедъ ближе, онъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ тамъ родъ ярмарки. Въ Романовскаго Кутѣ тѣснилось множество народу, одѣтаго по большей части весьма бѣдно. Это были поселяне, привлеченные подъ Нѣжинъ щедростью Бруховецкаго и обѣщаніемъ предать имъ на разграбленіе Нѣжинъ, наполненный, по случаю наступающей рады, панами. Каждый вооруженъ былъ косою или топоромъ; и это возбуждало въ Петрѣ предчувствіе чего-то ужаснаго.

Мѣстами межъ народомъ стояли бочки съ пивомъ, медомъ и водкою, — возы съ мукою, пшеномъ и другими съѣстными припасами. Все это доставили въ кошъ, изъ усердія къ Ивану Мартыновичу, нѣжинскіе мѣщане, которыхъ онъ обѣщалъ освободить отъ власти козацкихъ старшинъ. Народъ распоряжался напитками и съѣстными припасами, ни у кого не спрашиваясь, и хозяйничалъ, какъ у себя дома. Устроены были наскоро въ землѣ печи. Въ одномъ мѣстѣ мѣсили ногами тѣсто для хлѣбовъ, въ другомъ—жарили быка, тамъ въ огромныхъ котлахъ варили кашу. Дымъ густыми облаками стлался надъ движущеюся толпою. Многіе были заняты только отбиваніемъ чоповъ у бочекъ и потчиваньемъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Иные валялись уже безъ чувствъ. Безумная радость блистала на всѣхъ лицахъ. Имя Ивана Мартыновича раздавалось повсюду. Съ поднятыми къ верху чарками и шапками превозносили его доблести и отеческую попечительность о людскомъ счастьи.

Общему восторгу помогали бандуристы, которые, расхаживая промежъ народомъ, напѣвали и играли на бандурахъ разныя пѣсни. Петро̀, углубясь въ толпу и стараясь добраться до средины этого сборища, встрѣчалъ самыя противоположныя зрѣлища. Въ одномъ мѣстѣ собирался смѣющійся кружокъ вокругъ танцующихъ удальцевъ; въ

другомъ старики съ поникшими головами обступали слѣпаго пѣвца, который въ своей рапсодіи припоминалъ имъ времена тяжкаго ига польскаго и подвиги освободителя Украины, Богдана Хмельницкаго. Нѣкоторые, въ избыткѣ чувствъ, взволнованныхъ больше напитками, нежели пѣснею, горько рыдали; но, въ веселыхъ и въ печальныхъ кружкахъ, всѣхъ проникало одно господствующее чувство,— чувство ненависти къ козацкимъ панамъ. Бруховецкаго называли вторымъ Хмельницкимъ, который еще разъ возсталъ противъ притѣснителей, и даруетъ народу вольность.

Минуя и танцующихъ, и плачущихъ, Петро пробирался все впередъ, ища глазами красныхъ жупановъ запорожскихъ. Но, къ удивленію его, до сихъ поръ не мелькнуло еще передъ нимъ ни одно кармазинное платье. Наконецъ очутился онъ на широкой площади, усыпанной пескомъ и окруженной козацкими шатрами. Множество людей бродило по ней взадъ и впередъ; только уже здѣсь не видно было ни повозокъ съ провизіею, ни бочекъ съ напитками, ни дымящихся печей. Теперь только замѣтилъ Петро, что Запорожцы убранствомъ своимъ вовсе не отличались отъ прочаго народа. Ихъ можно было узнать только по длиннымъ чубамъ, небрежно спущеннымъ за ухо, да по оружію, иногда весьма богатому. Виднѣе прочихъ были здѣсь городовые козаки, которыхъ разноцвѣтные жупаны мелькали въ толпѣ довольно часто.

Петро остановился и разсматривалъ проходящихъ мимо, въ надеждѣ увидѣть Кирила Тура. Къ нему приближался средняго росту человѣкъ, окруженный по сторонамъ и сзади густою толпою Запорожцевъ, городовыхъ козаковъ, мѣщанъ и поселянъ. Имя Ивана Мартыновича, съ которымъ относились къ нему спутники, и уваженіе, съ какимъ всѣ давали ему дорогу, заставили Петра обратить на него все свое вниманіе. Человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ короткую поношенную свитку и въ полотняные шаровары. На ногахъ у него были старые съ дырами сапоги, изъ которыхъ выглядывали даже пальцы. Только одна сабля въ дорогой оправѣ отличала его отъ толпы запорожскихъ его собратій, одѣтыхъ также весьма бѣдно.

Физіономія этого замѣчательнаго человѣка съ перваго взгляда казалась весьма простодушною. Никто бы, глядя на него, не подумалъ, что желанія его простираются дальше пріютнаго угла и вкуснаго куска хлѣба. Въ лицѣ его выражалось что-то даже располагающее къ нему. Не соотвѣтствовала этому выраженію только быстрота глазъ, которые бѣгали у него проворно то въ ту, то въ другую сторону, и, казалось, замѣчали всякое движеніе того, съ кѣмъ онъ разговаривалъ. Онъ шелъ нѣсколько сгорбившись и держа голову такъ, какъ будто говорилъ: «Я ни отъ кого ничего не хочу, только меня не троньте.» Отвѣчая на вопросы своихъ спутниковъ, онъ иногда пожималъ смиренно плечами, уклонялся въ сторону и казался человѣкомъ, который готовъ дать всякому дорогу, и ищетъ притаиться гдѣ-нибудь такъ, чтобъ его и не видѣли. Таковъ былъ Бруховецкій, котораго низкіе происки надѣлали столько бѣдъ Украинскому народу.

— Дѣтки мои! говорилъ онъ тонкимъ, вкрадчивымъ голоскомъ своимъ, чѣмъ же мнѣ прокормить васъ? чѣмъ васъ одѣть? Видите, я и самъ уже оббился, якъ кремень!

— Батько ты нашъ, Иванъ Мартыновичъ! отвѣчали Запорожцы,—лишь бы твое здоровье, а мы до вѣку не загинемъ межь добрыми людьми.

— Ей Богу правда! ей Богу правда! кричалъ громче всѣхъ одинъ мѣщанинъ (и это былъ не кто другой, какъ кіевскій Тарасъ Сурмачъ. Петро тотчасъ узналъ его. Бруховецкій изо всѣхъ городовъ вызвалъ на черную раду выборныхъ). Ей Богу, правду говорятъ «добрые молодцы». Лишь бы твое здоровье, а мы тебя и прокормимъ, и одѣнемъ со всѣмъ твоимъ товариствомъ. Не попускай только насъ никому въ обиду!

— Охъ, Боже милостивый! говорилъ Бруховецкій вздохнувши, для чего жъ и живетъ нашъ братъ Запорожецъ на свѣтѣ, коли не для того, чтобъ стоять за православныхъ христіанъ, какъ за родныхъ своихъ братьевъ? Развѣ намъ золото, развѣ намъ серебро, развѣ намъ панскіе хоромы нужны? Не о томъ мы, братцы, помышляемъ. Лишь бы добрымъ людямъ было привольно жить на Украинѣ, а мы

проживемъ и въ бѣдности, проживемъ и въ землянкахъ, безо всякихъ затѣй: для пропитанія довольно намъ одного хлѣба съ водою: *хлѣбъ да вода, то козацкая ѣда!*

— Ей Богу, такъ оно и есть! кричали съ умиленіемъ мѣщане и мужики. Запорожцы для насъ всякую нужду терпятъ. Какъ же намъ, братцы, не любить «добрыхъ молодцовъ?» какъ не желать Ивана Мартыновича своимъ гетманомъ?

— Дѣтки мои! Господь съ вами и съ вашимъ гетманствомъ! говорилъ Бруховецкій. У насъ гетманъ ли, отаманъ, или такъ себѣ человѣкъ, все равный товарищъ, все равная христіанская душа! это только ваша городовая старшина завела такъ, что коли не панъ, то и не человѣкъ. Не о гетманствѣ нашъ братъ Запорожецъ думаетъ, а о томъ, какъ бы васъ облегчить въ вашей тяжкой долѣ. Сердце у насъ болитъ, глядя на вашу нищету и убожество. При батькѣ Богданѣ текли по Украинѣ медовыя рѣки, народъ одѣвался пышно да красно, какъ макъ въ огородѣ; а теперь достались вы, бѣдняги, въ руки такимъ панамъ да гетманамъ, что̀ ободрали васъ до сорочки! Надъ вами, мои дѣтки, воистину сбылись святыя словеса: «Не богатые ли притѣсняютъ васъ, и не они ли влекутъ васъ на судилища? не они ли безславятъ ваше доброе имя? называютъ васъ хамами и рабами неключимыми!»

— Ей Богу, такъ! ей Богу, такъ! кричали со всѣхъ сторонъ голоса.—Проклятые карма́зины скоро выдерутъ у насъ и душу изъ тѣла. Кто бъ и пожалѣлъ о насъ въ несчастной нашей долѣ, если бъ не Иванъ Мартыновичъ!

— Вы знаете, мои товарищи, мои родные братья, обратился Бруховецкій къ Запорожцамъ, въ какихъ сае́тахъ [1], съ какими достатками пришелъ я къ вамъ въ Сѣчь. И гдѣ же все то подѣлось? Все спустилъ съ рукъ, чтобъ только какъ-нибудь прикрыть вашу бѣдность. Не мало пошло моего добра и по Украинѣ. Какъ курица, что̀ найдетъ одно зернышко, да и то отдастъ своимъ цыплятамъ, такъ и я все, до послѣдняго жупана, роздалъ своимъ дѣткамъ; а

---

[1] Въ платьѣ изъ тонкаго сукна.

теперь и самъ такъ оголѣлъ, что вотъ пальцы видны изъ сапоговъ, скоро придется босикомъ ходить! Що жъ? походимъ и босикомъ, лишь бы моимъ дѣткамъ хорошо было!

— Батько нашъ родной! закричали окружавшіе его почти сквозь слезы. Такъ лучше жъ мы продадимъ все до послѣдней сорочки и купимъ тебѣ такіе сaньянцы (1), что̀ и у Царя нѣтъ лучшихъ!

— Господь съ вами, мои дѣтки, говорилъ, смиренно пожимая плечами, Бруховецкій. Вы думаете, я такъ, какъ ваши полковники да сотники, стану съ васъ драть послѣднюю шкуру, лишь бы у меня на ногахъ скрипѣли сапьянцы? Не доведи меня, Господи, до этого! Везли когда-то за мною въ Сѣчь жупаны и сапьянцы возами, везли золото и серебро мѣшками; я все сбылъ съ рукъ, все роздалъ, лишь бы моимъ дѣткамъ хорошо было!

— Вотъ гетманъ, вотъ батько! вотъ когда дождались мы отъ Господа благодати! кричали восхищенные слушатели.

Толпа провалила мимо Петра. Бруховецкаго такъ окружили со всѣхъ сторонъ, что никакъ не возможно было къ нему пробраться, и Петро потерялъ его изъ виду. Теперь только онъ понялъ всю опасность, какой подвергалась городовая старшина. Наружность, ухватки и хитрыя рѣчи Бруховецкаго такъ привлекали къ нему, такъ обворожали его сторонниковъ, что онъ могъ дѣлать съ ними все, что̀ ему вздумается. Съ своими странными тѣлодвиженіями, съ своими простодушными, но хорошо обдуманными словами, онъ казался колдуномъ, который, ходя промежъ народомъ, сѣетъ въ немъ одуряющія чары.

Пораженный этими горькими мыслями, Петро позабылъ цѣль своего прихода въ Романовскаго Кутъ, какъ вдругъ ударили въ бубны. По площади стали ходить окличники и кричать: *У ра́ду! въ ра́ду, въ ра́ду!* Всѣ заволновались и обратились туда, гдѣ били въ бубны. Скорѣе прочихъ поспѣшили въ раду Запорожцы.

— Зачѣмъ это бьютъ вѣщевые бубны? спросилъ одинъ Запорожецъ другаго, пробираясь впередъ межъ народомъ.

---

(1) Сафьянные сапоги.

— Развѣ ты не знаешь? отвѣчалъ тотъ. Будутъ судить Кирила Тура.

Эти слова оживили Петра. Онъ поспѣшилъ за двумя Запорожцами, и ему посчастливилось занять на вѣчѣ такое мѣсто, откуда черезъ головы стоящихъ впереди все было видно. Посреди кружка, составленнаго изъ однихъ Запорожцевъ, стоялъ Кирило Туръ, потупя глаза. Въ кружкѣ виденъ былъ Бруховецкій съ гетманскою булавою. Надъ нимъ держали распущенное бѣлое знамя съ краснымъ крестомъ и длинный бунчукъ. Возлѣ него по одну сторону стоялъ войсковой судья съ палицею, по другую писарь съ перомъ, чернилицею, заткнутою за поясъ, и бумагою, а далѣе по сторонамъ сѣдые длинноусые *дпды*, т. е., старики, не занимавшіе никакихъ должностей, но игравшіе важную роль на радахъ, потому что они перебывали во всѣхъ должностяхъ и не разъ носили санъ кошеваго отáмана. Преклонныя лѣта увольняли ихъ отъ выборовъ. Ихъ дѣло было только совѣтовать, и отъ ихъ совѣта часто зависѣли важнѣйшія дѣла на Запорожьи. Куренные атаманы замыкали собою кружокъ. За ихъ спинами стояли уже простые Запорожцы. Всѣ были безъ шапокъ, какъ въ присутственномъ мѣстѣ. Народъ толпился со всѣхъ сторонъ, желая проникнуть въ средину суднаго колеса; но Запорожцы, стоя тѣсно въ нѣсколько рядовъ плечо съ плечомъ и упершись въ землю ногами, не позволяли стѣснить пустаго пространства площади ни на одинъ шагъ.

Судъ открылся рѣчью извѣстнаго уже намъ батька Пугача. Вышедши впередъ изъ ряду дѣдовъ, онъ поклонился на всѣ четыре стороны очень низко, потомъ поклонился еще особо гетману, старикамъ, атаманамъ, и сказалъ громко и выразительно:

— Пане гетьмане, и вы, батьки, и вы, паны отáманы, и вы, братчики, хоробрые товарищи, и вы, православные христіане! На чемъ держится Украина, если не на Запорожьи? а на чемъ держится Запорожье, если не на предковскихъ обычаяхъ? Никто не скажетъ, когда началось козацкое рыцарство? Началось оно еще за оныхъ славныхъ предковъ нашихъ Варяговъ, что̀ моремъ и полемъ славы

у всего свѣта добыли. Вотъ же никто изъ козаковъ не потемнилъ той славы,—ни тотъ Байда, что̀ висѣлъ въ Цареградѣ ребромъ на желѣзномъ крюкѣ; ни тотъ Самíйло Ки́шка, что̀ мучился пятьдесятъ четыре года въ тяжкой неволѣ турецкой. Потемнилъ ее только одинъ ледящи́ца, одинъ пали́вода, а тотъ пали́вода стоитъ передъ вами.

Тутъ онъ взялъ Кирила Тура за плеча, и, оборачивая на всѣ стороны, сказалъ:

— Смотри, вражíй сынъ, въ глаза добрымъ людямъ, чтобъ для другихъ была наука!

— Что̀ жъ этотъ паску́дникъ сдѣлалъ? продолжалъ ораторъ. Сдѣлалъ онъ такое, что̀ только тьфу! не хочется и вымолвить: снюхался съ бабами и надѣлалъ стыда товарíству на вѣки! Теперь, пано́ве, подумайте и скажите, какъ бы намъ этотъ стыдъ смыть? какую бъ кару ему выдумать?

Всѣ обратились къ гетману,

— Говори, батько, твое слово законъ, сказали старики.

Бруховецкій сгорбился, пожалъ смиренно плечами и сказалъ:

— Отцы вы мои родные! что̀ я могу придумать путнаго своимъ никчемнымъ разумомъ? Въ вашихъ-то сѣдыхъ почтенныхъ головахъ вся мудрость сидитъ. Вы знаете всѣ стародавніе обычаи и порядки. Судите, какъ сами знаете; а мое дѣло — махнуть булавою, да и быть по тому. Не даромъ же я васъ вывелъ изъ Запорожья на Украину. Устроя́йте ее по стародавнему, какъ сами знаете; судите и карайте, кого сами знаете; а я своего толку противъ вашего не поставлю: всѣ мы передъ вашими сѣдыми чупринами дѣти и дурни.

— Ну, коли такъ, сказали старики, то чего жъ долго думать? до столба да кіями!

Гетманъ махнулъ булавою. Собраніе заволновалось. Рада кончилась.

Бѣднаго Кирила Тура связали веревкою и повели къ позорному столбу, вкопанному на площади. Его привязали такъ, чтобъ онъ могъ поворачиваться на всѣ стороны; даже одну руку оставили свободною, чтобъ онъ могъ взять

ковшъ и выпить меду или горилки, которые поставлены были тутъ же по объ стороны, въ большихъ чанахъ, вмѣстѣ съ коробкою калачей.

Осуждая своего собрата на смерть, Запорожцы не могли отказать ему въ нѣкоторомъ состраданіи: становили возлѣ него хмѣльные напитки, чтобъ дать ему средство заглушить въ себѣ чувствованіе боли отъ ударовъ и перейти къ отцамъ безъ лишнихъ мученій. Напитки эти предназначались также и для того, чтобъ придать товариству охоты казнить своего собрата. Каждый Запорожецъ, проходя мимо, долженъ былъ выпить ковшъ меду или горилки, закусить калачемъ и ударить разъ кіемъ осужденнаго. Смерть его въ такомъ случаѣ была неминуема. Но бывали примѣры, что ни одна рука не прикасалась къ ковшу и не поднималась на преступника. Простоявъ у столба назначенное время, онъ освобождался, и тогда уже поилъ до упаду все товариство. Чтобъ заслужить такое снисхожденіе суроваго запорожскаго братства, козаку нужно было имѣть особенную репутацію въ Сѣчи.

Кирило Туръ былъ рыцарь изъ рыцарей, былъ душею своего братства, но вина его была такъ велика въ глазахъ Запорожцевъ, что не всѣ смягчились къ его участи. Проходя мимо, иные уже брались за ковшъ, но, взглянувъ на Кирила Тура и вспомнивъ какую-нибудь совмѣстную схватку съ невѣрными или его разсказы и пѣсни, не дававшіе козакамъ скучать въ длинныхъ степныхъ переходахъ, всякій опускалъ руку, и удалялся молча.

Много способствовалъ къ пощадѣ Кирила Тура и побратимъ его Богданъ Черногоръ, который, прохаживаясь вокругъ позорнаго столба, одного останавливалъ угрозами, другаго мѣткимъ упрекомъ, иного смягчалъ покорною просьбою. Слезы катились градомъ изъ глазъ его. Это сильно дѣйствовало на сердца «добрыхъ молодцовъ,» всегда высоко цѣнившихъ дружескія связи.

Но вотъ идетъ прямо къ столбу батько Пугачъ. Этому патріарху Запорожской Сѣчи Богданъ Черногоръ не смѣлъ дѣлать угрозъ, еще менѣе смѣлъ упрекать его, а просьба замирала на устахъ при одномъ его взглядѣ. Какъ моло-

дой щенокъ убирается въ сторону, завидѣвъ идущую мимо сердитую дворнягу, такъ Богданъ Черногоръ посторонился робко и молча отъ батька Пугача.

Батько Пугачъ подошелъ, выпилъ ковшъ горилки, закусилъ калачомъ, взялъ дубину и сказалъ Кирилу Туру:

— Повернись, вражій сынъ, спиною!

Бѣдный Кирило Туръ повиновался, и безжалостный Пугачъ влѣпилъ ему такой полновѣсный ударъ, отъ котораго, казалось, и кости должны были разсыпаться въ дребезги. Кирило Туръ однакожъ только поморщился, но не испустилъ никакого стона.

— Знай, пакостникъ, какъ шановать козацкую честь! промолвилъ батько Пугачъ. Потомъ положилъ кій и пошелъ далѣе.

Петро́ тронулся положеніемъ бѣднаго Тура, и, думая, что онъ выдержитъ немного такихъ ударовъ, подошелъ къ нему, чтобъ принять отъ него какой-нибудь завѣтъ сестрѣ и матери. Но Черногорецъ, воображая, что Петро́ также хочетъ попробовать, крѣпка ли у Кирила Тура спина, сталъ между ними, и, схватясь за саблю, сказалъ:

— Море! я не попущу всякому захожему ругаться надъ моимъ побратимомъ! довольно и своихъ товарищей!

— Много жъ, видно, и у тебя въ головѣ толку! сказалъ Кирило Туръ. Оставь его, братъ. Это добрый человѣкъ: въ грязь тебя не втопчетъ, когда увязнешь, а развѣ вытащитъ. Здравствуй, братику! Видишь, какъ славно потчиваютъ у насъ гостей! Это уже не горячіе блины, пане брате! Выпьемъ же хоть по коряку меду, чтобъ не такъ было горько.

— Пей, братъ, самъ, отвѣчалъ Петро́, а я не буду. Боюсь, чтобъ ваши сѣдоусые не велѣли отплатить тебѣ за медъ кіемъ.

— Ну, будьте жъ, братцы, здоровы! сказалъ Кирило Туръ. Выпью я и самъ.

— Что̀ сказать твоей матери и сестрѣ? спросилъ Петро́.

При имени матери и сестры что-то похожее на грусть мелькнуло въ лицѣ Запорожца, и онъ отвѣчалъ стихами пѣсни:

Ой который, козаченьки, буде въ васъ у містї,
Поклонітся старій неньці, песчастній невісті:
Нехай плаче, нехай плаче, а вже не виплаче,
Бо надъ сыномъ надъ Кириломъ чорный воронъ кряче!

— Это таки и будетъ съ тобою, вражій сынъ! сказалъ приблизившись одинъ изъ стариковъ, за которымъ шло четверо сѣдыхъ сѣчевыхъ патріарховъ. Не уповай на то, что молодежь тебя обходитъ. Мы и сами тебя укладемъ. Дай лишь намъ только выпить по ковшу горилки.

Такъ говоря, онъ взялъ ковшъ, почерпнулъ, выпилъ и, похваливши горилку, взялся за кій.

— Какъ вы думаете, братцы? обратился онъ къ своимъ товарищамъ. Я думаю дать ему разъ по головѣ, да и пусть пропадаетъ ледащо!

— Нѣтъ, братъ, отвѣчалъ одинъ изъ стариковъ, никто изъ насъ не запомнитъ, чтобъ когда-нибудь били виноватаго дубиною по головѣ. Голова образъ и подобіе Божіе, грѣхъ подымать на нее дубину. Голова ничѣмъ не виновата. «Изъ сердца исходятъ помышленія злыя, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы;» а голова, братъ, ничѣмъ не виновата.

— Что жъ, братъ, возразилъ первый, когда до того проклятаго сердца дубиною не достанешь? а по плечамъ не добить намъ этого быка и обухомъ! А жаль пускать на свѣтъ такого грѣховода! и безъ того уже чортъ знаетъ на что переводится славное Запорожье.

— Послушайте, братцы, моего совѣта, сказалъ третій старикъ. Коли Кирило Туръ выдержитъ нашъ гостинецъ, то пусть живетъ; такой козакъ на что нибудь еще пригодится....

— Пригодится! прервалъ его, проходя мимо, батько Пугачъ. На какого чорта пригодится такой грѣховодникъ православному христіанству? Бейте вражьяго сына! Жаль, что мнѣ нельзя больше бить, а то я молотилъ бы его дубиною, пока выпилъ бы до дна всю горилку. Бейте, братцы, вражьяго сына!

Побужденные такимъ совѣтомъ, старики одинъ за другимъ осушали ковши и отпускали Кирилу Туру по добро-

му удару. Не смотря на преклонныя лѣта, руки этихъ патріарховъ имѣли еще довольно силы. Широкія плеча Кирила Тура трещали, однакожъ онъ выдержалъ терпѣливо всѣ пять ударовъ, и, когда старики удалились, продолжалъ еще шутить съ Петромъ.

— Добре парятъ у насъ въ сѣчевой банѣ! нечего сказать! говорилъ онъ, отирая кулакомъ слезы, выступившія у него изъ глазъ отъ боли. Послѣ такой припарки не заболятъ уже до вѣку ни плечи, ни поясница!

— Что̀ сказать твоей матери? спросилъ еще разъ Петро́.

— А что̀ жъ ей сказать? Скажи, что пропалъ козакъ ни за собаку! вотъ и все! А кладъ мой знаетъ побратимъ. Онъ отдастъ одну часть матери, другую отвезетъ въ Кіевъ на братство: тамъ меня попуталъ грѣхъ, пускай же тамъ молятся и за мою душу; а третью часть моего скарбу подастъ онъ въ Черногорію: пускай добрые юнаки купятъ себѣ свинцу да пороху, чтобъ было чѣмъ бить невѣрныхъ.

— Крѣпись, побро! сказалъ Богданъ Черногоръ. Это послѣдніе удары. Теперь уже никто не подниметъ на тебя руки до самого обѣда, а тамъ тебя отпустятъ, и будешь вольный козакъ.

Петро́ рѣшился обождать, пока наступитъ обѣденная пора, чтобъ утѣшить мать и сестру Кирила Тура доброю вѣстью. Прохаживаясь по площади, онъ замѣтилъ, что не одинъ Черногоръ защищалъ преступника отъ лишнихъ ударовъ. Много молодцовъ, встрѣчаясь съ другими, выразительно брались за саблю и какъ-бы говорили: «только ударь, коли хочешь!» Когда же зазвонили въ котлы къ обѣду, цѣлые десятки Запорожцевъ бросились къ Кирилу Туру, отвязали его и, радостно обнимая, поздравляли по банѣ.

— Ну васъ къ нечистой матери! говорилъ Кирило Туръ. Когда бъ вы сами постояли у столба, то отпала бъ у васъ охота обниматься.

— А що, вражій сынъ! сказалъ подошедши батько Пугачъ, вкусны кіи запорожскіе? Я думаю, плечи теперь болятъ, какъ у того чорта, что̀ возилъ монаха въ Іерусалимъ! На, вражій сынъ, приложи вотъ эти листья, то

завтра все какъ рукою сниметъ. Били и насъ замолоду кое за что, такъ знаемъ мы лекарство отъ такого лиха.

Запорожцы тутъ же раздѣли Кирила Тура, и морозъ пошелъ по тѣлу моего Петра, когда онъ увидѣлъ его бѣлую, вымытую руками нѣжно любящей сестры, сорочку, всю окровавленную и присохшую къ ранамъ. Кирило Туръ сжалъ зубы, чтобъ не стонать, когда грубые Эскулапы отдирали ее отъ тѣла. Батько Пугачъ самъ приложилъ ему къ спинѣ широкіе листы какого-то растенія, намазанные клейкимъ цѣлительнымъ веществомъ.

— Ну, сказалъ онъ, теперь ходи здоровъ да больше не *скачи въ гречку* (¹), а то пропадешь, какъ собака.

Тогда Запорожцы съ торжествомъ подняли чапы съ напитками, коробку съ калачами, и, окруживъ Кирила Тура, пошли къ обѣденному столу.

Столомъ и сидѣньемъ для «добрыхъ молодцовъ» служила зеленая трава подъ навѣсомъ густыхъ дубовъ. Каждый курень составлялъ особое семейство, въ которомъ куренной отаманъ занималъ мѣсто отца. Старики обѣдали въ гетманскомъ куренѣ. Но батько Пугачъ пришелъ обѣдать въ курень Кирила Тура, что было знакомъ особенной чести. Кирило Туръ уступилъ ему свое отаманское мѣсто, и тотъ возсѣлъ съ патріархальною важностью, имѣя у себя по обѣ стороны извѣстные уже намъ чапы. Два бандуриста, сидя насупротивъ его въ концѣ обѣденнаго кружка, играли и пѣли старинныя пѣсни — про Нечая, про Морозенка, про Перебійноса, которые, по ихъ выраженію, добыли на всемъ свѣтѣ *несказанной славы*; пѣли они и про Берестечскій годъ, какъ «козаки бѣдовали да бѣдуючи серце гартовали», пѣли и про то, какъ томились Запорожцы въ неволѣ у Турокъ, какъ мучились на галерахъ, и, не смотря на всѣ муки, не измѣнили православной вѣрѣ. Все это они медленно и торжественно воспѣвали, для того, чтобъ и за трапезой козацкая душа *росла вгору*.

Едва батько Пугачъ «поблагословился» обѣдать, едва братчики взялись за огромные ломти хлѣба, и каждый

---

(1) *Скакать въ гречку* значить—согрѣшить противъ седьмой заповѣди.

вынулъ изъ кармана деревянную ложку, какъ Кирило Туръ оглядѣлся вокругъ съ безпокойствомъ, и ударилъ руками по своимъ поламъ.

— Эхъ, братцы! сказалъ онъ козакамъ, мнѣ пáмороки забили кіями, а у васъ, видно, и никогда толку не было! Когда жъ это у насъ случалось, чтобъ отпустить гостя съ порожнимъ желудкомъ?

Въ это время изъ-за дуба показался Богданъ Черногоръ, ведя за собою Петра.

— Вотъ мой гость! воскликнулъ Кирило Туръ, вскочивъ съ своего мѣста. Знаете ли, братчики, кто это? Это сынъ Паволочскаго попа, тотъ самый, съ которымъ мы за Кіевомъ стукнулись такъ, що ажъ поле усмѣхнулось!

Межъ козаками поднялся смѣшанный говоръ. Имя Шрамова сына всякому было извѣстно. Нѣкоторые вставали съ своихъ мѣстъ, подходили къ нему и обнимали его дружески; другіе тѣснились, чтобъ дать ему между собою мѣсто.

— Садись подлѣ меня, сынку, сказалъ батько Пугачъ. Ты добрый козакъ, и батько твой добрый козакъ, только сдурѣлъ на старость. Боюсь, чтобъ и ему *мышь головы не откусила.* Онъ человѣкъ горячій, а на черной радѣ будетъ не безъ лиха!

— Що буде, то буде, отвѣчалъ Петрó, а буде те, що Богъ дасть.

— Що? можетъ, думаете, ваша возьметъ? Чорта съ два возьметъ! вскричалъ сурово батько Пугачъ. Не даромъ мы вчера съ Иваномъ Мартыновичемъ встрѣтили.... кого нужно встрѣтить.... и не съ пустыми руками.

— Знаешь, батько, чтó? сказалъ спокойнымъ голосомъ Петрó; хоть молодому старика и не пристало учить, но я бы сказалъ тебѣ добрую пословицу: *Не хвались, да Богу молись.*

— Молились мы, братику, добре. Уже Богъ всѣ сердца преклонилъ на нашу сторону. «Подвернемъ теперь мы подъ корыто» все ваше панство. Заведемъ на Украинѣ другой порядокъ. Не будетъ у насъ ни пановъ, ни мужиковъ, не будетъ ни богатыхъ, ни убогихъ, а все будетъ общее.

— Э, козаче! сказалъ онъ Петру, перемѣня тонъ, да у

тебя, какъ вижу, ложки нѣтъ! Тотчасъ видно, что не нашего поля ягода. У васъ въ городахъ все не по людски дѣлается: ѣдятъ изъ серебряныхъ мисокъ, а при душѣ деревянной ложки нѣтъ. Сдѣлайте ему, хлопцы, хоть изъ березовой коры, а то скажетъ батьку: «Тамъ Запорожцы голодомъ меня заморили.» И такъ уже старый адомъ дышетъ на Запорожцевъ!

Не смотря на то, что въ Романовскаго Кутѣ жарили барановъ и быковъ, запорожскій обѣдъ состоялъ почти изъ однѣхъ рыбъ. «Добрые молодцы» вообще не любили мяса и предпочитали ему рыбу, чему причиною, вѣроятно, были обычаи полумонашескаго ихъ быта. Вся посуда у нихъ была деревянная; даже и межъ чарками и ковшами для питья не видно было ни серебра, ни золота. За обѣдомъ «добрые молодцы» много пили водки, меду и пива, но никто не былъ пьянъ. Отъ безпрестаннаго упражненія въ бражничествѣ они пріобрѣли способность весьма долго не пьянѣть.

Петро замѣтилъ, что Кирило Туръ въ этотъ разъ пилъ особенно много, можетъ-быть, для того, чтобъ заглушить боль отъ претерпѣнныхъ побоевъ; но голова его была такъ крѣпка, что, казалось, не достаточно было и цѣлаго чана водки, чтобъ она опьянѣла. Онъ только сдѣлался необыкновенно веселъ, и, когда кончился обѣдъ, и начались, на диво всѣмъ поселянамъ и мѣщанамъ, танцы, бойко пустился въ присядку, катался колесомъ и выдѣлывалъ такія штуки, что и подумать было трудно, чтобъ этого удальца недавно били кіями. Запорожцевъ такая сила и терпѣливость восхищали.

Петро послѣ обѣда хотѣлъ идти домой, но Кирило Туръ удержалъ его:

— Постой, братъ, сказалъ онъ, и я поѣду домой. Послѣ этой бани, прибавилъ онъ ему на ухо, не долго покрѣпишься. У меня въ спинѣ какъ-будто сто чертей сидитъ. Передъ товари́ствомъ стыдно нѣжиться, а дома залягу до завтрашняго дня.

Спустя нѣсколько времени, онъ велѣлъ осѣдлать для себя и для Петра коней, и выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ

коша, не сказавъ никому, куда и надолго ли. По видимому, у сѣчевыхъ братчиковъ не было никакого порядка, ни законовъ, между тѣмъ какъ, подъ наружною безпорядочностью, ихъ странный орденъ скрывалъ систематическія и дальновидныя учрежденія.

Дорогою Запорожецъ отъ обѣденной попойки былъ очень говорливъ, отпускалъ забавныя шутки и наконецъ сказалъ Петру:

— Приставай, братъ, къ намъ въ Запорожцы. Какого чорта тратить тебѣ лѣта въ этомъ глупомъ городовомъ козачествѣ?

— А что̀ ты думаешь? отвѣчалъ тотъ. Мнѣ самому эта мысль не разъ приходила въ голову!

— Вотъ люблю козака! Какого дьявола доживешься ты въ гетма́нщинѣ? Гетма́нщина скоро вверхъ дномъ станетъ.

— Лучше уже и не говори мнѣ объ этомъ, Кирило. Самъ я вижу, что дѣло идетъ на страшный разладъ. Но скажи мнѣ безъ всякой скрытности, что̀ заставило тебя идти противъ Сомка́? ты жъ всегда, бывало, воевалъ за него.

— Эхъ, и ты, братъ, голова! Кто жъ противъ него идетъ? что я укралъ было у него невѣсту, это еще не бѣда: для него невѣста самая лишняя вещь. Ему готовится другая свадьба, и не одному ему.... Заиграютъ вашей городовой старшинѣ нащи братчики такъ, что затанцуете и не-хотя. Ужъ если наши что̀ задумаютъ, доброе ль, злое ль, то скорѣй воду въ Днѣпрѣ остановишь, чѣмъ ихъ. Хоть га́ти гати́, хоть мосты мости, вода таки возьметъ свое: ни совѣтомъ, ни силою не переломишь нашего товари́ства. Лучше плыви, куда вода несеть.... Посмотримъ, что-то будетъ съ вашею гетма́нщиною, когда примутся няньчить ее такія няньки!

— Я не понимаю ни тебя, ни твоихъ словъ, сказалъ Петро. Что̀ за охота тебѣ, то будто открываться передо мною, то опять закрываться туманомъ? Брось хоть на минуту запорожское юродство. Я человѣкъ прямодушный; почему бъ и тебѣ не говорить со мною прямо?

Запорожецъ на это весело разсмѣялся. —Ой козаче, козаче! сказалъ онъ. Говори ему прямо! Да развѣ на свѣтѣ

есть хоть одна дорога прямая? Думаешь идти прямо, а зайдешь, чортъ знаетъ, куда! Хотѣлось бы честно положить животъ за вѣру христіянскую, а дьяволъ подвернется и впутаетъ въ какую-нибудь пакостную исторію. Хотѣлось бы доброму человѣку «не стоять на пути грѣшниковъ, не ходить на совѣтъ нечестивыхъ, не сидѣть на сѣдалищѣ губителей»; такъ що жъ? Не всякому равняться съ Божьимъ Человѣкомъ.... У него и умъ и сердце, «въ законѣ Господнемъ; поучается онъ закону Божію день и нощь;» а у такого ледачаго, какъ я, хоть бы умъ и такъ и сякъ, такъ сердце не туды тянетъ....

— Куда жъ тебя сердце тянетъ? Неужели ты опять задумалъ о томъ, за что недавно били кіями?

— Тьфу! сказалъ съ досадою Запорожецъ. *Ты ёму образы, а вінъ тобі лубье!* Сгинь ты съ своими бабами!

— Ну, а куда жъ тебя сердце тянетъ?

— Куда меня сердце тянетъ? сказалъ Запорожецъ, и вздохнулъ такъ глубоко, что Петро принялъ это за новую выходку, и засмѣялся. Смѣхъ его однакожъ не развеселилъ Кирила Тура. Онъ смутно повѣсилъ голову и какъ бы позабывъ, что его слышатъ, началъ, къ удивленію своего спутника, читать одно мѣсто изъ книги пророка Іереміи: *Чрево мое, чрево мое болитъ мнѣ, смущается душа моя, терзается сердце мое! Не умолчу, яко гласъ трубы услышала душа моя. Сотреніе на сотреніе призывается.... Доколѣ зрѣти имамъ бѣжащихъ, слышащъ гласъ трубный? Понеже вожди людей моихъ сынове буіи суть и безумніи; мудри суть, еже творити злая, благо же творити, не познаша....* Ухъ! сказалъ онъ вздрогнувши. Братику! мнѣ Богъ знаетъ что привидѣлось. Проклятая баня, кажется, начинаетъ бросать меня въ лихорадку. Да вотъ и моя хата. Засну, такъ все пройдетъ.

Когда они подъѣхали къ хатѣ, на встрѣчу имъ выбѣжали мать и сестра Кирила Тура. Радости ихъ изобразить не возможно. Одна брала коня за поводья, другая тащила Тура за руку съ коня. Запорожецъ смѣялся отъ души, припоминая имъ ихъ страхъ и слезы; но когда онѣ хотѣли обнять его, онъ отстранялъ ихъ руками и сказалъ потихоньку Петру:

— Теперь мнѣ такъ пріятно обниматься, какъ грѣшнику лизать горячую сковороду въ пеклѣ.

— Ну, пани-матко, сказалъ онъ матери, вошедши въ хату и сѣвъ на лавкѣ, давай же теперь намъ такой горилки, чтобъ и самъ дьяволъ отъ одной чарки зашатался, да давай цѣлую боклагу. Такимъ рыцарямъ, какъ мы, мало одного штофа.

Горилка была принесена, и Запорожецъ, вмѣсто того, чтобъ потчивать гостя, взялъ боклагу и началъ пить изъ нея съ такою жадностью, съ какою развѣ жнецъ въ іюльскіе жары пьетъ воду.

Мать, боясь, чтобъ онъ не опился, хотѣла отнять у него посудину.

— Геть, мамо, геть, мамо! закричалъ онъ съ досадою. «Человѣкъ не скотина, больше ведра не выпьетъ!»

И продолжалъ тянуть до тѣхъ поръ, пока упалъ безъ чувствъ на землю.

Всѣ были этимъ поражены; но одинъ Петрó зналъ причину такого страннаго поступка. Онъ помогъ женщинамъ поднять Кирила Тура съ земли и положить въ постель, потомъ простился съ хозяйками, и направилъ путь къ хутору Гвинтовки, размышляя о всемъ видѣнномъ и слышанномъ имъ въ этотъ день.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Тимъ-то й стáлась по всéму́ світу,
Страшéнная козáцькая си́ла,
Що у васъ, панóве молóдці,
Булá вóля й ду́ма еди́на.

Народная дума.

Между тѣмъ Шрамъ, не смотря на свою старость, скакалъ, какъ простой гонецъ, въ Батуринъ. Солнце еще не вырѣзалось изъ-за Нѣжинскихъ левадъ, когда онъ проѣзжалъ мимо; изрѣдка только просвѣчивало оно сквозь вербы и осокоры. Еще мѣщане не выгоняли и коровъ своихъ на пашу. Шрамъ былъ доволенъ, что никто ему не встрѣчал-

ся: въ ту смутную годину иной буянъ готовъ былъ остановить коня и подъ священникомъ, спрашивая: «На чьей сторонѣ?»

Вдругъ слышитъ онъ въ лѣсу надъ дорогою говоръ. Одни голоса кричатъ: «На сабляхъ!» а другіе: «На пистолетахъ!»

— Пуля лукава: кладетъ она праваго и виновнаго, а съ саблею—кому Богъ поможетъ.

— Нѣтъ, сабля—сила, а пуля—судъ Божій.

— Да вотъ панъ-отецъ ѣдетъ; пускай онъ насъ разсудитъ.

Смотритъ Шрамъ — въ лѣсу цѣлая толпа народу. Она видимо раздѣлялась на двѣ партіи. Одни были въ кармазинныхъ жупанахъ и при сабляхъ, а другіе въ синихъ кафтанахъ да въ сермягахъ, безъ сабель, только нѣкоторые держали ружья и дубины на плечахъ.

— Чтò это вы, сказалъ Шрамъ, опередили солнце, чтобъ бушевать здѣсь? Развѣ еще мало суматохи по Украинѣ?

Нѣкоторые сняли передъ нимъ шапки и говорили:

— Собрались мы здѣсь, пан'отче, на Божій судъ. Пускай Господь разсудитъ людскую неправду.

— Чтò жъ за неправда и отъ кого?

— Да вотъ видишь, полюбилъ молодецъ дѣвушку; ну, и дѣвушка не прочь отъ того. Только молодецъ нашего мѣщанскаго званія, сынъ пана войта, а дѣвушка, видишь ли, роду шляхетскаго, дочка пана Домонтовича. Вотъ и послалъ молодецъ сватовъ, а въ сватахъ пошли не какіе-нибудь люди, а бургомистры да райцы магистратскіе. Но чтò жъ бы ты думалъ, пан'отче? какъ принялъ ихъ вельможный панъ Домонтовичъ? Раскричался, какъ на своихъ *грунтовыхъ* мужиковъ, назвалъ всѣхъ хамами, лычаками. «Не дождетесь, говоритъ, и родъ вашъ не дождется, чтобъ Домонтовичъ отдалъ дочку за мужика.»

— Вотъ какъ развеличалось панство! подхватили тутъ нѣкоторые изъ синекафтанниковъ. Это тѣ, чтò бокомъ, по милости батька Хмельницкаго, пролѣзли на Украину! а коли бъ не впустилъ, то пропадали бъ съ голоду въ Польшѣ!

— Молчите, молчите, горлатыя вороны! сказалъ одинъ

изъ красныхъ жупановъ; дайте и намъ что-нибудь вымолвить! Не ужели вы хотите, чтобъ отецъ принуждалъ насильно идти за мужъ одну дочь за вашего войтёнка?

— Какой врагъ проситъ его принуждать? Только позволь, она пойдетъ съ дорогою душею.

— Отъ чего жъ съ дорогою душею? А можетъ-быть, и гарбуза дастъ.

— Гарбуза! нѣтъ, не гарбуза, когда сама дала перстень.

— Ну, полно квакать! посмотримъ, чья возьметъ.

— Разводите бойцевъ! кричатъ одни.

— Какъ же намъ разводить, когда не согласились, на чемъ драться. Пускай рѣшитъ пан'отецъ. Скажи, пан'отче, обратились мѣщане къ Шраму, какимъ оружіемъ лучше узнать судъ Божій? Вотъ братъ становится за сестру, а женихъ за себя и за все мѣщанство. Кто одолѣетъ, того и право. Если падетъ женихъ, такъ и быть — пускай кармáзины радуются: а если нашъ будетъ верхъ, тогда давай намъ невѣсту, хоть тресни. Не защитятъ пана Домонтовича ни привиллегіи, ни высокіе ворота!

— О, чтобъ Господь васъ поразилъ громомъ да молніею! воскликнулъ вмѣсто рѣшенія Шрамъ.

— За что̀ жъ это ты насъ проклинаешь, пан'отче?

— О головы слѣпыя и жестокія! Когда собирается на небѣ гроза Господня, такъ и хищные звѣри забываютъ свою ярость; а вы передъ самою грозою заводите кровавыя распри!

И съ этими словами оставилъ ихъ и поскакалъ не оглядываясь.

Въ Борзнѣ заѣхалъ Шрамъ отдохнуть къ сотнику Бѣлозерцу. Сотникъ Бѣлозерецъ былъ одинъ изъ тѣхъ старинныхъ сотниковъ, что̀ первые тайно послали къ Хмельницкому вѣрныхъ козаковъ съ словеснымъ отзывомъ: «Поднимай Украину, а мы поддержимъ тебя»; и потому былъ онъ Шраму искренній пріятель.

Только лишь подъѣхалъ Шрамъ къ воротамъ, какъ изъ воротъ выѣзжаетъ въ дорогу самъ Бѣлозерецъ. Старые товарищи обнялись и долго не говорили ни слова.

— Ну, батько, сказалъ наконецъ Бѣлозерецъ, какъ разъ во время подоспѣлъ ты къ намъ на гетмáнщину въ гости.

— А чтò?

— Да чтò? Не ты бы спрашивалъ, не я бы разсказывалъ!

— Знаю, знаю все! Лучше бъ и не знать ничего и не видѣть!

— Куда жъ это?

— Да куда жъ больше, какъ не въ Батуринъ, на раду къ сумасшедшему Васютѣ.

— Эге! рада уже кончена.

— Какъ? когда же?

— Заѣзжаі̂й до господы; все разскажу.

Когда вошли въ свѣтлицу и усѣлись въ концѣ стола, Бѣлозерецъ началъ разсказывать, какъ происходила въ Батуринѣ рада.

— Глупый Васюта, говорилъ онъ, такое выдумалъ, что чуть и самъ не погибъ со своимъ замысломъ. «Присягаі̂йте, говоритъ, мнѣ на послушаніе; а не присягнете, такъ тутъ вамъ и капутъ». Подучилъ вражі̂й дѣдуганъ пѣхоту да хотѣлъ прижать старшину такъ, чтобъ и не пі́снула. Вотъ какъ теперь завелось у насъ!

— Да чего добраго и ждать, сказалъ Шрамъ, отъ того, кто превращался изъ козака въ Ляха? Уже когда ты сдѣлался разъ Золотаревскимъ, то Золотаренкомъ во вѣки вѣковъ не будешь! Ну, чтò жъ старшина?

— А старшина говоритъ: «Убоі̂йся Бога! долго ли тебѣ жить на свѣтѣ? Пусть бы младшіе гетмановали. Эй, пане полковникъ, не черни Сомкá передъ Царемъ, держись его, такъ еще и ты и мы всѣ поживемъ въ покоѣ». Куда тебѣ! расходился нашъ старчуганъ не на шутку. «Скорѣе, говоритъ, у меня на ладони волосы выростутъ, нежели переяславскі̂й торгашъ будетъ гетманомъ! Обо мнѣ стараются въ Москвѣ бояре, за меня стоитъ и Бруховецкі̂й съ Запорожцами. Я, говоритъ, недавно послалъ къ нему въ Зѣньковъ посланцовъ».—«Не вѣрь ты, говорятъ ему, Запорожцамъ: они тебя въ глаза обманываютъ, пріѣзжаютъ къ тебѣ изъ Сѣчи, чтобъ только чѣмъ-нибудь поживиться; и за твои подарки трубятъ тебѣ въ уши про гетманство. Развѣ

не знаешь, какимъ духомъ дышутъ они на всю городовую старшину? Это у нихъ обычай давній!» Куда! и слушать ничего не хочетъ. Какъ тутъ гонецъ изъ Зѣнькова. — «А что?»—«Распрощайся, говоритъ, пане полковникъ, съ гетманствомъ. Тамъ Запорожцы такое говорятъ, что и волосъ вянетъ.» — «Но что же князь?» — «А что князь! князь съ Запорожцами за панибрата, а твои подарки принялъ только ради шутки. Довольно у него и своего добра». Васюта и руки опустилъ. Тогда старшина къ нему, а пѣхота и себѣ взяла сторону старшины: дошло до того, что едва Васюта не сложилъ тамъ и головы. Вдругъ отъ Сомка письмо.

— Отъ Сомка къ Васютѣ? съ удивленіемъ спросилъ Шрамъ.—Изъ Переяслава?

— Нѣтъ, изъ Ични. Сомко уже въ Ичнѣ.

— Не думалъ я, чтобы Сомко такъ скоро переломилъ себя!

— Ага! пришла трудная минута; нужно было попрать ногами всякую гордость. «Во имя Бога, говоритъ, ты панъ полковникъ Нѣжинскій, и всѣ, находящіеся подъ его рукою! послушайте моего голоса, не губите на вѣки Украины. Или вамъ лучше, говоритъ, быть подъ рукою свинопаса Иванца, или подъ рыцарскою рукою Переяславскаго Сомка? Забудьте всѣ раздоры! Не время намъ теперь враждовать, время постоять за честь своей отчизны. Я, говоритъ, жду въ Ичнѣ. Кто вѣрный сынъ своей отчизны, тотъ явится подъ мое знамя. Собирайтесь, не допустимъ лукаваго Запорожца захватить въ руки гетманскую булаву Украинскую». Видитъ тогда Васюта, что некуда дѣваться, давай зазывать съ собою старшину въ Ичню, да и двинулись всѣ изъ Батурина. Я тоже, распорядившись дома съ своею сотнею, направилъ было путь въ Ичню.

— Такъ чего жъ медлить? сказалъ Шрамъ. Сей часъ на коней да и въ Ичню.

— Господи! тебѣ, видно, и сносу не будетъ. Неужели тебя создалъ Господь изъ желѣза, что тебя ни раны, ни лѣта не одолѣваютъ?

— *Обновится, яко орля, юность моя!* отвѣчалъ Шрамъ. На коня, на коня! нечего медлить!

— Да что̀ это ты? Хоть чарку горилки выпей, хоть подкрѣпись немного пищею!

Съ трудомъ уговорилъ Бѣлозерецъ Шрама отдохнуть немного. Шрамъ и самъ скоро почувствовалъ, что отдыхъ ему необходимъ. Однакожъ онъ не долго оставался у Бѣлозерца и лишь только усталость отъ продолжительной ѣзды прошла, тотчасъ сѣлъ съ своимъ пріятелемъ на коней и поскакалъ по Иченской дорогѣ.

Едва проѣхали они треть своего пути, какъ встрѣтилъ ихъ гонецъ изъ Ични съ полковничьимъ распоряженіемъ, чтобъ Борзенскіе козаки выступали немедленно къ Нѣжину.

— Они уже и безъ того на дорогѣ къ Нѣжину, сказалъ Бѣлозерецъ. Я напередъ это предвидѣлъ. А гдѣ же панъ гетманъ?

— Панъ гетманъ, отвѣчалъ гонецъ, отправилъ свое войско подъ Нѣжинъ впередъ, а самъ съ Нѣжинскимъ и съ другими полковниками отправится туда, а можетъ-быть уже и отправился, въ слѣдъ за войскомъ. Вся старшина козацкая присягнула ему на послушаніе въ рынковой Иченской церкви.

— Зашевелились наши! сказалъ Шрамъ, слава Тебѣ, Господи! Ну, не будемъ же и мы терять времени.

Поворотили коней на Нѣжинскую дорогу и поскакали доброю рысью. Подъ самымъ городомъ, тамъ гдѣ Иченская дорога сходилась съ Борзенскою, съѣхались они съ Сомко̀мъ и его свитою. Сомко̀ былъ опять веселъ, какъ солнце.

— Не журись, батько, сказалъ онъ Шраму, все будетъ хорошо. Ужъ когда мы взялись за руки съ паномъ Золотаренкомъ Нѣжинскимъ, такъ пусть устоитъ противъ насъ, кто хочетъ. Лубенскій, Прилуцкій и Переяславскій полки я выправилъ съ Вуяхевичемъ подъ Нѣжинъ, а Черниговскій будетъ туда сегодня ночью. Чего жъ ты хмуришься?

— Ты говоришь, пане ясневельможный, что выправилъ полки съ Вуяхевичемъ?

— Съ моимъ генеральнымъ писаремъ.

— Знаю я, знаю, только я не далъ бы ему гетманскаго бунчука въ такую минуту.

— Э, батько мой! ты уже слишкомъ недовѣрчивъ къ людямъ.

— А ты, сынку, кажется, слишкомъ много на нихъ полагаешься. Слыхалъ я кое-что о Вуяхевичѣ....

— Э, полно! Ты моего Вуяхевича не знаешь. Никто лучше его не съумѣетъ удержать козаковъ въ порядкѣ.

— Смутныя, смутныя времена! говорилъ въ раздумьи Шрамъ.

— Не такъ еще, какъ тебѣ кажется.

— Дай Богъ! А что̀ ты скажешь о черни, которая сбирается въ полки подъ Нѣжиномъ, такъ какъ въ началѣ Хмельничины?

— Ничего не скажу, кромѣ того, что мнѣ больше ихъ жаль, нежели досадно, больше досадно, нежели страшно. Пока у меня въ стану будутъ пушки и козаки, я ничего не опасаюсь. Ты думаешь, можетъ-быть, что меня привели въ уныніе Миргородцы, Полтавцы да Зѣньковцы? Нѣтъ, они меня только огорчили. Не то для меня уронъ, что три полка отъ меня отпали, а то уронъ, что честь и правда попраны!

— О, голова ты моя золотая! подумалъ Шрамъ. Если бы всѣ такъ, какъ ты, держались чести да правды! а то на кого ни взглянешь, у всякаго первая забота объ этомъ несчастномъ панствѣ, объ этомъ чванствѣ и господствѣ, которое гнететъ и губитъ Украину!

Когда Сомко̀ съ своимъ конвоемъ въѣхалъ въ городъ и миновалъ урочище Галатовку, ему преградила дорогу погребальная процессія. На вопросъ: «Кто умеръ?» отвѣчали: «Сынъ Нѣжинскаго войта».

— Тотъ, что̀ сегодня утромъ становился съ молодымъ Домонтовичемъ на Божій судъ? спросилъ Шрамъ.

— Тотъ самый, отвѣчали печально мѣщане. Не послужила бѣдному фортуна. Только стукнулись саблями, тотчасъ и положилъ его на мѣстѣ вражій карма́зинъ.

— Э, нѣтъ! вмѣшался тутъ кто-то со стороны; сперва Домонтовиченко досталъ войтенка по лѣвой рукѣ, — кровь такъ и брызнула. «Полно, говоритъ, будетъ съ тебя!» А войтенко: «Нѣтъ, или мнѣ, или тебѣ не жить на свѣтѣ!» —

—«Такъ пускай же, говоритъ, Господь успокоитъ твою душу!» и началъ наступать еще сильнѣй на войтёнка; понятналъ его всего ранами: «Эй, говоритъ, довольно! пожалѣй себя!» А тотъ машетъ да и машетъ на пропалую, пока Домонтовиченко далъ ему такъ, что и повалился бѣдняга, какъ снопъ.

— Пускай, пускай! говорили мрачно, идучи за тѣломъ мѣщане; будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

Долго ждали путешественники, пока пройдетъ похоронный ходъ; но ему какъ будто и конца не было. Весь Нѣжинъ поднялся провожать сына своего войта. Шрама поразило сперва то, что въ этой толпѣ народа не было ни одного кармазиннаго платья: этимъ выразилось окончательное раздѣленіе двухъ враждебныхъ партій; потомъ, что вмѣстѣ съ мѣщанами шло много козаковъ, но межъ ними не замѣтилъ Шрамъ ни одного старшины козацкаго. Это заставило его подозрѣвать, что и въ самомъ войскѣ кроется вражда низшихъ чиновъ противъ старшихъ. Ничего не сказалъ онъ гетману, только покачалъ головою. Молчалъ и Сомкó, глядя на процессію, а старшины только переглядывались между собою.

Васюта нѣжинскій тоже видно сдѣлалъ нерадостное заключеніе, и лишь очистилась дорога, тотчасъ распрощался съ гетманомъ, и поспѣшно поскакалъ къ своему двору. Старшины нѣжинскіе тоже разъѣхались по своимъ домамъ, а прочіе послѣдовали за Сомкомъ къ его лагерю, который былъ расположенъ за урочищемъ Биляковкою.

Безпокойство Шрама еще больше увеличилось, когда, пріѣхавши въ Сомковъ лагерь, онъ нашелъ тамъ совершенный безпорядокъ и безладье. Говоръ и крикъ козаковъ слышался издали. Вокругъ лагеря не было никакихъ пикетовъ. Никто даже не окликнулъ въѣзжающихъ въ него всадниковъ. Козаки расхаживали по лагерю толпами, и Шраму показалось, что онъ въ вечернемъ мракѣ замѣтилъ прошедшаго мимо батька Пу́гача.

Сомкó, остановясь у своей палатки, тотчасъ потребовалъ къ себѣ генеральнаго писаря своего, Михайла Вуяхевича, которому поручено было начальство надъ лагеремъ. Но его

долго не могли найти. Сомко напалъ на старшинъ, кричалъ, сердился, но безпорядокъ отъ того ничуть не уменьшался. Онъ разослалъ ихъ по всему лагерю съ приказаніемъ возстановить тишину; и самъ поѣхалъ также промежъ шатрами въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ. Шрамъ, нахмуривъ брови, молча ѣхалъ за нимъ.

Скоро встрѣтили они Вуяхевича. Разъѣзжая, подобно имъ, промежъ козаками, генеральный писарь, казалось, занятъ былъ болѣе своею рѣчью, нежели возстановленіемъ въ таборѣ порядка.

— Вражьи дѣти! печкуры! кричалъ онъ, не обращая почти вниманія на волновавшіяся вокругъ него толпы. Мы васъ научимъ шановать старшину! Не будете вы у насъ важничать, какъ тѣ Запорожцы, что̀ всякъ у нихъ равенъ. Дадимъ мы вамъ такого равенства, что и не захочете. Мало чего нѣтъ, что у Запорожцевъ всѣ равны, что съ ними гетманъ ихъ за панибрата, что межъ ними нѣтъ ни богатыхъ, ни убогихъ, а все у нихъ общее! На то они Запорожцы, козаки надъ козаками. А вы что̀ такое? мужичье́! сущее мужичье́! Да мы васъ, вражьихъ дѣтей, батогами! Погодите лишь, пусть кончится рада; мы васъ приставимъ къ земляной работѣ; мы вамъ дадимъ знать запорожскую вольность!

Козаки отъ такихъ рѣчей не только не унимались, напротивъ, вились шумными роями вокругъ поѣзда генеральнаго писаря, и тѣ, которые были напереди, молча ловили, кажется, каждое его слово, между тѣмъ, какъ за ихъ спинами вырывались изъ смѣшаннаго ропота слова: «Слышите, что̀ говоритъ панъ писарь? мы мужики! насъ батогами! къ землянымъ работамъ! а старшина будетъ нами орудовать, якъ чортъ грѣшными душами! Не дождетъ же она этого!»—«Не дождетъ, не дождетъ!» кричали еще громче тѣ, которыхъ совсѣмъ не было видно.

— Пане писарь! сказалъ Сомко́, встрѣтившись съ нимъ. Что̀ это у тебя за безпорядокъ? Развѣ на то я поручилъ тебѣ таборъ?

— Да вотъ, ясновельможный пане гетмане, отвѣчалъ

Вуяхевичъ, кланяясь низко, вотъ какая бѣда тутъ. Недалеко отсюда таборъ гетмана запорожскаго....

— Гетмана! вскричалъ Сомкó такъ громко, что покрылъ вокругъ себя говоръ толпы. Развѣ у тебя есть еще гетманъ, кромѣ меня? Такъ ступай же ты къ нему и служи ему вѣрою и правдою, если хочешь, такъ же какъ и онъ, погулять верхомъ на свиньѣ! И вырвалъ у него изъ рукъ бунчукъ гетманскій.

Голосъ Сомка возстановилъ тишину сперва вокругъ него, а потомъ и во всемъ таборѣ. «Гетманъ, гетманъ пріѣхалъ!» раздавалось между козаками, и однихъ этихъ словъ было довольно, чтобъ заставить каждаго о себѣ подумать. Сомкó былъ добръ, довѣрчивъ, великодушенъ; но иногда онъ не зналъ мѣры своему гнѣву и, подобно своему зятю Богдану Хмельницкому, разилъ булавою всякаго, кто въ горячую минуту осмѣливался противъ него пикнуть. Онъ былъ хорошій стратегикъ, и своими побѣдами обязанъ былъ болѣе своему искусству и порядку, въ какомъ держалъ свое войско, нежели превосходству силъ. Это одобряли однако жъ только старшины, свѣдущіе въ военной наукѣ; а войсковая чернь, напротивъ, вздыхала о прежней свободѣ и роптала на своего гетмана. Хитрая политика Бруховецкаго еще болѣе развратила сторонниковъ Сомкá. Стоя близь Романовскаго Кута, гдѣ господствовала совершенная вольность и гдѣ, казалось, никого не было старшаго, козаки Сомковы, въ его отсутствіе, забурлили, заглушили голосъ своей старшины, а къ тому еще Запорожцы подослали въ лагерь нѣсколько «добрыхъ молодцевъ», которые въ конецъ взволновали чернь своими разсказами.

— А что, пане гетмане! сказалъ Шрамъ послѣ сцены съ Вуяхевичемъ. Можетъ быть, и теперь еще твой генеральный писарь добрый тебѣ слуга?

Сомкó только махнулъ рукою и ушелъ въ свою палатку.

— Дай лишь мнѣ, сыну, своего бунчука. Я лучше какого нибудь недоляшка досмотрю у тебя порядку.

Сомкó отдалъ ему молча бунчукъ.

— Бѣдная козацкая голова! подумалъ Шрамъ. Такъ-то всегда обходится намъ честь и слава. Смотрятъ со стороны

люди, завидуютъ блеску и сіянію, а въ сердце никто не заглянетъ. Какъ тяжело отцу, когда, не дай Боже, удастся разбойникъ-сынъ; такъ тяжело гетману, который день и ночь о своей гетманщинѣ размышляетъ, день и ночь не даетъ себѣ покою, лишь бы какъ нибудь эту несчастную Украину устроить по людски; а тутъ у него подъ бокомъ шипятъ змѣи,—прежде всего самаго себя береги! Тяжело, тяжело управлять народомъ! не завидую я ни одному царю во всемъ свѣтѣ.

Такъ размышляя, обошелъ Шрамъ съ гетманскимъ бунчукомъ въ рукѣ весь лагерь, и вездѣ разставилъ стражу, чтобъ ни въ лагерь, ни изъ лагеря никого не пропускали. Не отдыхая ни минуты, онъ безпрестанно былъ на ногахъ, безпрестанно переходилъ отъ одной къ другой толпѣ козаковъ, варившихъ вечернюю кашу, прислушивался къ ихъ разговорамъ, вмѣшивался въ ихъ бесѣду. Здѣсь онъ разсказывалъ какое нибудь приключеніе изъ войнъ Богдана Хмельницкаго, воспоминая, какъ тогда у козаковъ была «воля и дума едина;» въ другомъ мѣстѣ кстати вводилъ въ свою рѣчь какую нибудь евангельскую притчу или событіе изъ священной исторіи. Его слово, какъ знаменитаго воина и вмѣстѣ духовной особы, имѣло благодѣтельное вліяніе на возмущенные умы козаковъ. Но онъ не зналъ, что дьяволъ ходитъ за нимъ и всѣваетъ плевелы въ посѣянную имъ пшеницу. Этотъ дьяволъ былъ Вуяхевичъ. Принявъ на себя суровый видъ, онъ тоже толкался межъ козаками и изрѣдка бросалъ, какъ бы безъ умыслу, нѣсколько ядовитыхъ словъ такъ искусно, что они снова отравляли сердцá, успокоенныя Шрамомъ. Если бъ Шрамъ слышалъ эти слова, онъ въ ту жъ минуту раздробилъ бы ему голову, и отвѣчалъ бы за это передъ генеральною радою; но въ томъ-то и дѣло, что Вуяхевичъ такъ искусно умѣлъ разсѣвать свои отрывистыя фразы, что одни только тѣ ихъ слышали, для кого онѣ назначались.

Войско Сомково шумѣло и волновалось, какъ пчелиный рой передъ полетомъ. Теперь уже никто не видѣлъ надъ собою старшихъ; всякъ сдѣлался самъ дѣйствующимъ лицемъ, всякъ взвѣшивалъ въ своемъ умѣ настоящія обстоя-

тельства и спрашивался у собственнаго произвола, что предпринять ему. Зловредныя сѣмена, посѣянныя въ козацкихъ умахъ умышленными угрозами Вуяхевича, пустили немедленно ростки и дали плодъ свой. Въ иныхъ мѣстахъ по табору козаки трактовали въ слухъ о своей старшинѣ, вспоминая всякую непріятность, испытанную ими когда либо отъ сотниковъ и полковниковъ. Старшина, слушая эти толки, приходила въ ужасъ и робко усмиряла своихъ подчиненныхъ. А между тѣмъ козаки толпами уходили изъ стану въ Романовскаго Кутъ, и каждую минуту можно было ожидать, что все войско оставитъ лагерь и уйдетъ къ Бруховецкому.

Можетъ быть, это и случилось бы, если бъ Шрамъ, созвавъ на скоро частную раду, не произнесъ къ козакамъ сильной увѣщательной рѣчи. Впрочемъ на войсковую чернь не столько подѣйствовали его политическіе доводы, сколько имя Христа, которое онъ нѣсколько разъ повторялъ энергическимъ голосомъ, поднимая вверхъ сіяющій крестъ съ распятіемъ. Когда души чѣмъ нибудь сильно встревожены, когда люди, въ запутанныхъ и угрожающихъ обстоятельствахъ, не знаютъ, куда обратиться и гдѣ искать спасенія; тогда легче всего дѣйствовать на нихъ Словомъ Божіимъ. Съ дѣтскою покорностью, съ сознаніемъ человѣческой своей немощи, они обращаются тогда къ зовущему подъ покровъ вѣры голосу, и рѣчь проповѣдника разливается по стѣсненнымъ сердцамъ, какъ живительное лекарство. Увѣщаніе Шрама оковало всѣ уста и смирило всѣ души. Старшина ободрилась, и, не довѣряя подчиненнымъ, сама заняла всѣ пикеты.

Между тѣмъ Сомко́, терзаемый досадою, сидѣлъ въ своемъ шатрѣ, не обращая ни къ кому ни взора, ни рѣчи. Онъ слышалъ въ лагерѣ шумъ, но не спрашивалъ о причинѣ его, а доносить ему о новыхъ неустройствахъ никто не осмѣливался.

Спалъ ли онъ въ эту ночь, или нѣтъ, не извѣстно; но Шрамъ не смежалъ глазъ ни на минуту. Онъ цѣлую ночь ходилъ по лагерю, осматривалъ учрежденную имъ стражу и часто устремлялъ взоръ на Романовскаго Кутъ, гдѣ бле-

стѣли, отражаясь на зелени дубовъ, яркіе огни, и до самой зари не утихалъ шумный говоръ, подобный ропоту моря передъ бурею.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Я рыда́ю, якъ згада́ю
Діла́ незабу́ти
На́шихъ пре́дківъ.... тяжкі діла́!
Якъ-бы́ ихъ забу́ти,
Я одла́въ бы весе́лого
Віку полови́ну....
Оттака́-то на́ша сла́ва,
Сла́ва Украи́ны!

Анонимъ.

Разскажемъ теперь, что̀ происходило въ домѣ Гвинтовки во время Шрамова отсутствія. Въ эту смутную годину не было и тамъ спокойствія и согласія ни между мужчинами, ни между женщинами. Женщинъ смущала несчастная княгиня, жена Гвинтовки. Ея знатное происхожденіе, ея польская природа и католическая вѣра, насильно обращенная въ греко-русскую, все это дѣлало искренность между ними невозможною, хотя съ другой стороны наши козачки, Череваниха и Леся, не могли не чувствовать состраданія къ ея жалкой долѣ, и желали бы сколько нибудь облегчить ея грусть. Она не довѣряла ихъ доброй расположенности къ себѣ, съ горечью и худо скрытою гордостью принимала знаки ихъ состраданія и постоянно искала случая отъ нихъ удаляться.

А между мужчинами тоже все какъ-то не клеилось. Черевань не могъ надивиться перемѣнѣ въ характерѣ Гвинтовки. Зналъ онъ Гвинтовку смолоду, какъ отличнаго козака. Когда Хмельницкій во время своихъ войнъ разсылалъ для наѣздовъ небольшія козацкія партіи, или, какъ говорили тогда, *пускалъ загоны*, никто не пробирался глубже Гвинтовки въ Польшу, и козаки, бывало, говорятъ въ лагерѣ: «О, далеко наша Гвинтовка стрѣляетъ!» А въ козацкомъ обществѣ на пиру Гвинтовка былъ любезнѣйшимъ

собесѣдникомъ. Потому-то и сблизился съ нимъ Черевань и женился на его родной сестрѣ. По видимому онъ и теперь такъ же удалъ, такъ же любезенъ и искрененъ, но все у него стало какъ-то шатко, и разговоры его навсегда потеряли ту прелесть искренности, которая свойственна только прямодушному человѣку. Черевань, при всей простотѣ своей, не могъ этого не замѣтить, и тяготился его сообществомъ.

— Какъ это, Михайло, у васъ случилось, спросилъ его однажды Гвинтовка, что ты обручилъ свою Лесю съ переяславскимъ гетманомъ?

— А почему жъ, брате, намъ не породниться хоть бы и съ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра? отвѣчалъ Черевань. Развѣ мы отъ роду съ гетманами хлѣба-соли не ѣли?

— Кто жъ противъ этого? Дочка моей сестры съумѣетъ повести себя какъ слѣдуетъ на всякомъ мѣстѣ. Только вы какъ-то поспѣшили, да когда бъ людей не насмѣшили.

— На что̀ это ты намекаешь?

— На то, что теперь, въ этой суматохѣ того и смотри, что какой-нибудь запорожскій гуляка подставитъ ногу; споткнешься—и прощай гетманство!

— Пускай спотыкаются, брате, наши вороги, а не Сомко̀! сказалъ Черевань.

— Ге-ге! спотыкались, братъ, люди и получше твоего Сомка̀. Выговскій, казалось, крѣпко сидѣлъ на гетманскомъ столѣ, но *Гадячскіе пункты* и того опрокинули. А говорятъ, панъ Сомко̀ тоже хочетъ трактовать съ Москвою о Гадячскихъ пунктахъ. Хочетъ много выиграть, да когда бъ не проигралъ и послѣдняго! Иванъ Мартыновичъ, по моему, лучше дѣлаетъ, что безъ торгу пробирается къ гетманскому столу.

— Тому, брате, нечего торговаться, кто продалъ дьяволу душу. Иванцу теперь все равно, Ляхъ, Турокъ и православный. Увидишь, если онъ отъ Царя не перейдетъ къ Турку (1)!

---

(1) Это и случилось бы, если бъ «вихреватая голова» Дорошенко не явился мстителемъ за поруганныя права народа.

Не ожидалъ Гвинтовка отъ своего зятя такого рѣзкаго отвѣта; не сказалъ однако жъ ничего и, будто ни въ чемъ не бывалъ, повелъ своего гостя осматривать хозяйство. Съ гордостью показывалъ онъ Черевапю свои наполненныя хлѣбомъ гу́мна, свои овчарни, свои мельницы, и табуны лошадей, гулявшихъ по лугу за хуторомъ.

Черевань дивился богатству Гвинтовки, однакожъ подумалъ: «У меня нѣтъ ни такихъ лѣсовъ, ни такихъ широкихъ луговъ, да за то ни одинъ кіевскій мѣщанинъ не поглядитъ косо на Хмарище».

Воротясь къ обѣду, застали на дворѣ нѣжинскаго сотника, Гордія Костомару.

— Что̀ ты тутъ, панъ осаулъ, дома дѣлаешь? такъ началъ бесѣду нѣжинскій сотникъ. Тамъ въ городѣ бѣда творится!

— Что̀ жъ тамъ за бѣда у васъ творится? сказалъ хладнокровно Гвинтовка.

— Мѣщане пируютъ съ козаками....

— Ну, брать, вмѣшался Черевань, дай Богъ и по вѣкъ такої бѣды!

— Да постой, добро́дѣю! отъ чего и какъ пируютъ? Дрался на поединкѣ сынъ пана Домонтовича съ сыномъ нашего войта и убилъ войте́нка наповалъ.

— Ну, и аминь ему! сказалъ Гвинтовка.

— Аминь! нѣтъ, не скоро еще скажутъ аминь этому дѣлу.... Вотъ послушай-ка. Мѣщане выкатили на улицу бочки съ пивомъ, съ медомъ, съ водкою, дѣлаютъ поминки по войте́нку на весь крещеный міръ, а козаки столпились какъ пчелы вокругъ патоки, и зашумѣли такъ, что страшно и слушать: пьютъ да бранятъ на чемъ свѣтъ стоитъ панство и всю городовую старшину.

— Ну, пусть себѣ бранятъ.

— Пусть бранятъ! А это какъ тебѣ покажется, что всѣ знатные люди, что̀ съѣхались на раду, боятся выткнуть носъ за ворота? Козаки толпами бродятъ по городу да буянятъ какъ бугаи въ стадѣ; иные порываются грабить панскіе дворы.

— Что̀ жъ вашъ полковой судья дѣлаетъ?

— Судья самъ трусить. Страхъ хоть кого возьметь. Подъ эту суматоху, которая творится по случаю рады, всего можно ожидать.

— Чему быть, тому не миновать, сказалъ угрюмо Гвинтовка.

— Такъ значитъ тебѣ до этого нѣтъ надобности?

— А что̀ жъ я долженъ бы по твоему дѣлать?

— Что̀ дѣлать? ѣхать да усмирять козаковъ, пока еще не поздно.

— Вотъ тебѣ на! усмиряй ему козаковъ, когда полковничій перначь ў судьи!

— Да что̀ ему въ томъ перначѣ? Козаки и ухомъ не ведутъ. А тебя и безъ пернача послушаются. Поѣдемъ, ради Бога поѣдемъ!

— Послушаются, да не теперь! сказалъ Гвинтовка, подмигнувши какъ-то странно глазомъ. Будетъ время, когда они меня послушаются; а теперь, коли перначъ не у меня, такъ я и не полковой старшина. Вотъ что̀! Нускай тамъ себѣ хоть вверхъ ногами городъ поставятъ. *Моя хата съ краю, я нічо́го не знаю.*

— Эге-ге-ге! сказалъ сквозь зубы сотникъ Гордій. Такъ видно правда тому, что добрые люди проговаривали.... Пане осаулъ полковый! побоійся Бога! мнѣ кажется, что ты что̀-то недоброе противъ нашего пана полковника умышляешь!

— Пане сотникъ! отвѣчалъ смѣясь Гвинтовка, побоійся Бога! мнѣ кажется, что ты что̀-то недоброе противъ насъ съ зятемъ умышляешь! Вотъ обѣдъ на столѣ, а ты Богъ знаетъ какой разговоръ развелъ! Сядемъ-ка да подкрѣпимся, такъ, можетъ быть, повеселѣемъ.

Сѣлъ сотникъ Костомара за столъ, но и пища ему въ ротъ не йдетъ. Его мучатъ страшныя мысли. Онъ нѣсколько разъ пробовалъ окольными разговорами заставить Гвинтовку какъ нибудь проговориться; но тотъ понималъ его намѣреніе, и всѣмъ его вопросамъ придавалъ шуточный смыслъ. Встревоженный и огорченный, сотникъ уѣхалъ ни съ чѣмъ изъ хутора.

— Послушай, мой любый братику! отозвалась тогда Че-

реваниха:—когда говорилъ ты съ Костомарою, меня точно морозомъ обдало....

— *Ось лйхо!* сказалъ Гвинтовка, обращая въ шутку ея слова.— Ужъ не сглазилъ ли тебя Костомара! У него, говорятъ, недобрые глаза: какъ посмотритъ съ завистью на коня, то и коню не сдобровать.

— Отъ *пристріту*, братику, я помогла бы себѣ, а отъ твоихъ рѣчей у меня голова пошла кругомъ.

— Потому что неженское дѣло въ нихъ вслушиваться! сказалъ сурово Гвинтовка.

— Въ такомъ, братику, великомъ случаѣ, какъ эта рада, *що громáда, те й бáба.* Не вмѣшивалась я въ ваши козацкія рѣчи за обѣдомъ; но, оставшись на единѣ, не во гнѣвъ тебѣ скажу, что мнѣ чего-то сдѣлалось страшно. Братъ, милый братъ! вспомни, что насъ отецъ и мать учили закону Божьему.... Душа у человѣка одна, какъ у козака, такъ и у женщины; погубивъ ее, другой не добудешь....

— Вотъ чтò значитъ жить подъ Кіевомъ! прервалъ свою сестру Гвинтовка:—тотчасъ и видно монашескую науку! А у насъ въ Нѣжинѣ разумные люди такъ женщинъ учатъ: *Жінóча річъ коло пріпечка!*

И съ этимъ ушелъ изъ свѣтлицы.

Наступилъ вечеръ. Возвратился въ хуторъ Петрó и началъ разсказывать все, чтò видѣлъ и слышалъ въ Романовскаго Кутѣ. Череваниха, Леся и Черевань поражены были его вѣстями и печально призадумались; но Гвинтовка, слушая его разсказъ, только улыбался. Черевань не могъ постигнуть, отъ чего онъ такъ спокоенъ, когда со всѣхъ сторонъ приходятъ такія страшныя вѣсти! отъ чего онъ слушаетъ толки объ ужасныхъ замыслахъ Запорожцевъ съ такимъ видомъ, какъ будто ему разсказываютъ забавную сказку.

На нашихъ влюбленныхъ грозный поворотъ происшествій произвелъ особенное дѣйствіе. Послѣ разсказовъ объ опасности, какая угрожаетъ Сомку, Петро и Леся боялись не только заговорить, но даже взглянуть другъ на друга. И у него, и у нея возникла въ глубинѣ души дума, которую бъ они желали подавить, какъ недостойную, но которую въ

тоже время противъ воли лелѣяли въ сердцѣ. Они хорошо разумѣли другъ друга, и, подобно людямъ, искушаемымъ демономъ на грѣхъ, не смѣли встрѣтиться глазами.

Во всемъ обществѣ Гвинтовки произошла теперь перемѣна. Даже и Череваниха сдѣлалась молчаливою, а Черевань, глядя на нее, такъ упалъ духомъ, что не развеселился даже и за ужиномъ. Только княгиня осталась неизмѣнною. Подобно плакучей березѣ, которая и въ дождь, и въ ведро грустно опускаетъ къ землѣ вѣтви, она была всегда молчалива и печальна, смѣялся ли кто, или плакалъ.

На другой день, лишь только Черевань и Петро́ встали и умылись, какъ явился къ нимъ козакъ отъ Гвинтовки и сказалъ:

— Просилъ васъ панъ надѣвать новыя платья, потому что сегодня будетъ рада; а пани прислала вамъ по новой лентѣ къ сорочкамъ.

— Сегодня рада? спросилъ удивленный Петро́. Какъ же она можетъ состояться безъ гетмана Сомка́ и Васюты нѣжинскаго?

— Оба они уже здѣсь, добродѣю. Прибылъ панъ Сомко́ еще вчера къ ночи съ войскомъ, какъ услыхалъ, что бояре уже въ Нѣжинѣ.

Петро̀ тотчасъ велѣлъ сѣдлать лошадей; а Черевань между тѣмъ разсматривалъ присланную ему отъ княгини ленту:

— Голубая! отъ чего жъ не красная? Козакъ привыкъ носить въ сорочкѣ красную ленту, а это, видно, польская мода. Ну, ничего, вдѣнемъ и польскую: равно теперь уже у насъ все повелось по-польски.

Кони были скоро готовы. Гвинтовка вскочилъ проворно въ сѣдло и поскакалъ впередъ. Черевань и Петро едва успѣвали за нимъ слѣдовать. Ихъ провожали придворные козаки Гвинтовки и Василь Невольникъ.

Все поле между хуторомъ и городомъ было покрыто козаками и мужиками. Ихъ можно было различить еще издали потому, что мужики, не смотря на свою попытку соединиться въ полки, валили къ вѣчевому мѣсту нестройными толпами, а козаки подвигались густыми фалангами.

Движущіяся купы народу на переднемъ планѣ и поднятая ими пыль мѣшали разсмотрѣть ясно козацкія сотни; только видно было, что справа движется одна, а слѣва другая густая масса войска. Виднѣющіяся слабо сквозь пыльный вихорь знамена показывали, гдѣ Запорожцы, и гдѣ Сомково ополченіе. На знаменахъ Сомка изображены были орлы и образа́; въ ополченіи Бруховецкаго также виднѣлись знамена съ орлами, подаренныя Царемъ или принадлежащія его городовымъ сторонникамъ, но межъ ними рѣзко отличались бѣлыя запорожскія хоругви, на которыхъ не было другаго знака, кромѣ широкаго краснаго креста. Все поле оглашалось шумнымъ говоромъ, который совершенно согласовался съ нестройнымъ волненіемъ народа. Подъ городомъ, на мѣстѣ рады, разбитъ былъ привезенный изъ Москвы великолѣпный шатеръ. У шатра построена московская рать для наблюденія за порядкомъ.

Чѣмъ ближе къ шатру, тѣмъ болѣе было шуму и толкотни въ народѣ. Картина этого буйнаго сборища была чрезвычайно разнообразна. Одинъ ѣхалъ верхомъ, другой шелъ пѣшкомъ, одинъ въ дорогомъ красномъ жупанѣ и въ сопровожденіи слугъ, другой въ бѣдной сермягѣ въ кругу своихъ забіякъ-товарищей, жадно посматривавшихъ на всякаго пана. Мѣщане отличались по большей части синимъ цвѣтомъ, но это не были нѣжинскіе: тѣ шли на раду со стороны города, а эти, съѣхавшись подъ Нѣжинъ изъ другихъ городовъ, стояли въ полѣ вокругъ Романовскаго Кута куренями съ сельскою чернью, и теперь вмѣстѣ съ нею толпились возлѣ вѣча.

Гвинтовка велѣлъ ѣхать впереди себя козакамъ, а то бы не продраться ему сквозь толпы народа къ шатру.

— Дорогу, дорогу пану осаулу нѣжинскому! кричали съ поднятыми вверхъ нагайками козаки.

— Э! это нашъ князь! сказалъ одинъ мѣщанинъ. Постой-ка, не долго будешь княжить!

Но другой остановилъ его:

— Не слишкомъ, братъ, храбрись противъ этого пана: Я кое-что слышалъ про него отъ Запорожцевъ.

— Что́ жъ ты слышалъ?

— Слышалъ такое, что не слишкомъ храбрись противъ него,—вотъ что!

Между тѣмъ по другую сторону Гвинтовки, пока козаки раздвинули передъ нимъ толпу, Петро́ слышалъ такой разговоръ.

— Какъ ты думаешь? чей будетъ верхъ?

— А чей же, если не Ивана Мартыновича?

— Э, погоди еще! у Сомка́, говорятъ, въ таборѣ довольно пушекъ и чернаго пшена: есть чѣмъ заглянуть въ глаза Бруховцамъ... А онъ-то не таковъ, чтобъ отдалъ добровольно бунчукъ и булаву.

— Будутъ наши и пушки, когда Богъ поможетъ. Козакамъ уже давно надоѣло стоять у старшины у порога. Кто не въ кармазинахъ, тотъ и за столъ съ ними не садись...

Пробравшись немного впередъ, Гвинтовка и его спутники опять были остановлены.

— Правда ли, спрашивалъ одинъ голышъ другаго, что вчера хоронили войтенка?

—Это еще не диво, отвѣчалъ тотъ, а диво то, что чуть ли не всѣ нѣжинскіе козаки шли съ мѣщанами за гробомъ. Похороны протянулись чрезъ весь городъ, такъ что голова была на Бѣляковкѣ, а хвостъ на Козыревкѣ...

Еще разъ остановился нашъ поѣздъ. Повстрѣчался Гвинтовка съ какимъ-то знатнымъ старшиною, который началъ разсказывать, какъ Сомко́ встрѣтился съ Бруховецкимъ у царскаго полномочнаго посла, князя Гагина. Князь еще утромъ пригласилъ къ себѣ козацкихъ старшинъ на совѣтъ.—И тамъ-то было послушать, какъ Иванецъ привѣтствовалъ Сомка!

— О, Иванецъ собака! сказалъ, понизивъ голосъ, Гвинтовка: — ужъ только въ кого вцѣпится, то не отстанетъ. Какъ же рѣшили быть радѣ? по нашему?

— Конечно. Рѣшили, чтобъ старшина собралась избрать гетмана въ шатеръ, а чернь чтобъ сама по себѣ избирала, кого пожелаетъ.

— И Сомко́ согласился?

— Согласился по неволѣ; только видить: нашъ Брухо-

вецкій ведетъ своихъ пѣшкомъ и безъ оружія, по уговору, а Сомковцы величаются на коняхъ и въ полномъ вооруженіи. Сомкó, я слышалъ, хочетъ стрѣлять изъ пушекъ, если рада кончится не по его вкусу.

На это Гвинтовка засмѣялся и сказалъ:

— Пускай себѣ стрѣляетъ на здоровье!

Такъ потолковавши, пріятели пожали одинъ другому руку и разстались, значительно кивнувши головою.

Смотритъ Петрó — тутъ и кузнецъ толкается промежъ народа, съ молотомъ на плечѣ.

— Ты чья сторона, Остапъ? Запорожская? спрашиваетъ его пастухъ съ длиннымъ деревяннымъ крючкомъ въ рукѣ.

— Чтобъ они пропали тебѣ всѣ до одного, эти проклятые Запорожцы!

— Какъ! за чтò это?

— За чтò? Есть за чтó!.. Гмъ!... Сказано: *не вірь жінці, якъ чужому собáці.*

—О? Неужели Запорожецъ станетъ подбиваться къ женщинѣ?

— Ого! ты еще не знаешь этихъ пройдисвѣтовъ! Это, если хочешь знать, самые канальи.

— Ой?

— И не ой! Вчера зазвали меня въ кошъ, какъ-будто и добрые: «Тамъ у насъ то да се нужно перековать, а у насъ такого искуснаго кузнеца, какъ ты, не было и не будетъ». Зазвали, да и давай угощать. Я жъ тамъ пью, веселюсь, а они у меня дома бѣду творятъ... Возвращаюсь утромъ, проспавшись, домой, а дома уже кто-то похозяйничалъ....

— Да это, братъ, тебѣ такъ на похмѣльѣ показалось!

— Показалось! вскрикнулъ кузнецъ съ досадою. А это тебѣ какъ покажется? Спрашиваю Ивася: «Съ кѣмъ вы, сынку, безъ меня вечеряли»? А она, плутовка, уже и перехватываетъ: «Съ Богомъ, скажи, Ивасю, съ Богомъ»! А ребенокъ, извѣстно, глупый, никакихъ хитростей не понимаетъ,—посмотрѣлъ на нее да и спрашиваетъ: «Развѣ жъ, мамо, то Богъ, что въ красномъ жупанѣ»?

Миновали наши паны и этихъ собесѣдниковъ, и чѣмъ

ближе подъѣзжали къ царскому шатру, тѣмъ труднѣе становилось имъ пробираться впередъ. Слышны уже были сквозь общій говоръ бубны. Межъ народомъ кричали въ разныхъ мѣстахъ окличники: *У раду! въ раду! въ раду!* но это только для соблюденія обычая: народъ и безъ того тѣснился къ *вѣчевому мѣсту*, особенно мужики.

— Ну ужъ, братъ, говорилъ иной; теперь съ пустыми карманами къ жинкамъ не воротимся!

А другой отвѣчалъ, смѣясь отъ радости: — Заработаемъ больше, чѣмъ на косовицѣ! Видишь, въ какихъ паны кармазинахъ! все это наше будетъ.

— Да и возлѣ мѣщанскихъ лавокъ руки погрѣемъ! говорили Запорожцы, что̀ все поровну между народомъ подѣлятъ.

Смотритъ Петро—межъ мужиками тѣснится тутъ и Тарасъ Сурмачъ.

— И ты противъ гетмана Сомка и моего отца?

А тотъ:—Спасибо вельможному пану Сомку, спасибо и твоему пан'отцу! Вы привыкли выбирать гетмана только козацкими голосами, а теперь и нашъ мѣщанскій выборный сто̀итъ чего нибудь на радѣ... Э, козаче! воскликнулъ онъ, указавъ на голубую ленту Петра; такъ это ты только ума выбѣдываешь!

Не успѣлъ Петро́ собраться съ отвѣтомъ, какъ ихъ опять разлучили. Вотъ приближаются наши паны къ самому вѣчевому кругу. Слуги Гвинтовки взяли отъ нихъ коней. Такъ какъ здѣсь уже были почти одни козаки, то всѣ тотчасъ дали Гвинтовкѣ дорогу, а за нимъ пробрались впередъ Петро́, Черевань и неотступный Василь Невольникъ. Нѣкоторые изъ встрѣчныхъ пожимали выразительно Гвинтовкѣ руку; онъ усмѣхался и раскланивался.

Петро́, къ удивленію и ужасу своему, не видѣлъ здѣсь почти ни на комъ красной ленты. Черевань тоже замѣтилъ это таинственное преобразованіе, и оборотясь къ Василю Невольнику, сказалъ:

—Вотъ, братъ, Василь, какая тутъ чудная мода на ленты завелась!

А Василь Невольникъ покачалъ головою и сказалъ только:

— Охъ, Боже правый, Боже правый!

Пробрался наконецъ Гвинтовка въ самый первый рядъ, гдѣ стояли полковники, сотники, осаулы, хорунжіе, судьи полковые и писаря съ чернильницами и бумагою въ рукахъ. Они образовали пространный кругъ, посреди котораго стоялъ столъ, покрытый ковромъ. На столѣ лежала булава Бруховецкаго съ бунчукомъ и знаменемъ. Самъ Бруховецкій стоялъ въ голубомъ жупанѣ впереди своихъ Запорожцевъ. Здѣсь онъ уже явился совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, что̀ въ Романовскаго Кутѣ. Подбоченившись съ гетманскою важностью, онъ самодовольно посматривалъ на все собраніе и весело усмѣхался, когда ему дѣлали замѣчанія о старшинахъ съ красною лентою.

Спустя минуту, вошелъ въ собраніе сквозь царскій шатеръ и Сомко́ съ своими старшинами. Они были всѣ въ панцыряхъ и въ сисюркахъ, съ саблями при боку и келепами (1) въ рукахъ. Сомко́ держалъ золотую булаву, надъ нимъ развѣвались войсковое знамя и бунчукъ. Два литаврщика стали передъ нимъ съ сребряными литаврами.

— Гордый, пышный и разумомъ высокій гетманъ! подумалъ Петро́; но если бъ ты зналъ, на кого ты опираешься! Діаволъ давно уже похитилъ у тебя вѣрныя души, а ты и не подозрѣваешь! Жаль мнѣ тебя, золотая голова, хоть ты и преградилъ собою мнѣ дорогу...

Прибытіе Сомка не прекратило шумнаго говора въ вѣчевомъ кругѣ; онъ еще усилился. Хмѣльные Запорожцы кричали изъ-за спины Бруховецкаго:

— Положи булаву, положи бунчукъ и хоругвь, переяславскій торгашъ!

Сомко велѣлъ своимъ литаврщикамъ ударить въ литавры, и, когда шумъ нѣсколько стихнулъ, онъ громкимъ и важнымъ голосомъ сказалъ:

—Не положу! пускай скажутъ мнѣ это мои подручники! и посмотрѣлъ гордо на обѣ стороны.. А васъ, голышей, я

---

(1) Ке́ленъ—чеканъ. Съ этимъ оружіемъ козаки не разлучались даже и въ домашней прогулкѣ. Обычай носить на палкѣ топорикъ дошелъ до нашего времени. Я самъ видѣлъ стариковъ съ келепами.

не знаю, не знаю, откуда вы втерлись въ козацкое рыцарство, да и знать не хочу.

Эти слова сильно задѣли Запорожцевъ. Поднялись ругательства. Нѣкоторые уже пробирались впередъ, чтобъ начать бой. Эти забіяки, хоть и пришли въ раду по уговору безъ оружія, но припасли по хорошей дубинкѣ подъ полою, и, можетъ быть, безъ драки не обошлось бы, если бъ не удержали ихъ сѣчевые патріархи. Стоя въ переднемъ ряду, они остановили буяновъ руками и словами:

— Стойте, стойте, дѣти! обождите ладу, а то все дѣло испортите.

Между тѣмъ на противоположной сторонѣ вѣчеваго круга Шрамъ, обращаясь на обѣ стороны къ своимъ сторонникамъ, говорилъ:

—Видите, дѣти, съ кѣмъ намъ пришлось спорить о гетманствѣ! Стóятъ ли эти «буіи вепри Днѣпровскіе», чтобъ съ ними трактовать по людски? Саблею мы съ ними расправимся, саблями да пушками протрезвимъ этихъ негодныхъ пьяницъ!

Петрó хотѣлъ пробраться къ своему отцу и къ немногимъ вѣрнымъ старшинамъ, которые стояли вокругъ него съ красными лентами; онъ хотѣлъ раздѣлить съ ними опасность, которую все предвѣщало: но теперь уже не льзя было пройти между столпившимися козаками никакимъ образомъ. И такъ по неволѣ оставался онъ въ кругу заговорщиковъ, означившихъ себя голубою лентою. Теперь уже не только старшины, но и простые козаки смѣло обнаруживали свои замыслы.

— Ну, братъ, говорилъ одинъ, дождались мы наконецъ своего праздника, будемъ панами на Украинѣ! Пускай всякъ теперь козака знаетъ!

— Надъ кѣмъ же мы будемъ пановать, спрашивалъ другой, когда всѣ станутъ одинъ другому равны?

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Какъ же иначе? Видишь, межъ нашею старшиною виднѣются, какъ грибы въ травѣ, толстогубые бургомистры отъ мѣщанъ! а вонъ—стоитъ, разинувъ ротъ, и мужицкій выборный!

—Ге-ге! не знаешь же ты Ивана Мартыновича! Я не то слышалъ вчера въ шинкѣ отъ сѣчеваго братчика. «*Одинъ*, говоритъ, *тому часъ, що невiстка въ плáхтi:* пускай, говоритъ, повеличаются, *якъ порося на орчику*, а послѣ довольно съ нихъ чести — и плотины чинить. Есть, говоритъ, кому пановать и безъ салогубовъ и безъ мужиковъ. Ивану Мартыновичу лишь бы козачество къ себѣ приласкать, а больше ему ни до кого нѣтъ дѣла.

Вдругъ раздался громъ бубновъ и трубъ. Изъ шатра вышелъ царской бояринъ, князь Гагинъ, съ думными дьяками. Въ обѣихъ рукахъ несъ онъ съ торжествомъ царскую грамоту, а его спутники — царскую хоругвь для козацкаго войска, бархатъ, камку, парчу и соболи въ подарокъ гетману и старшинамъ. Всѣ они были съ окладистыми бородами, въ богатыхъ турскихъ шубахъ, въ сапогахъ, шитыхъ золотомъ и усѣянныхъ жемчугомъ. Подошедши къ столу, они поклонились сперва на право, гдѣ стоялъ Сомкó, потомъ на лѣво, гдѣ стоялъ Бруховецкiй, потомъ поклонились въ третью и четвертую стороны. Всѣ мало по малу умолкли.

Князь Гагинъ перекрестился большимъ русскимъ крестомъ отъ самой лысины до низко повязаннаго пояса, тряхнулъ въ обѣ стороны сѣдыми кудрями, поднялъ высоко передъ собою грамоту,—два дьяка поддерживали ему руки,—и началъ читать длинный царскiй титулъ.

Сельская чернь, стоявшая за Запорожцами, не слыша чтенiя, боялась опоздать съ провозглашенiемъ, и начала кричать: «Ивана Мартыновича волимъ! Бруховецкаго волимъ»! А заднiе ряды ополченiя Сомкова, услышавъ этотъ крикъ, начали себѣ кричать: «Сомка, Сомка волимъ гетманомъ»! и по всему полю понесся крикъ, подобный бурѣ, бушующей въ бору. Тогда и ближнiе ряды, видя, что чтенiе совсѣмъ заглушено, начали провозглашать гетмановъ, и въ одну минуту крикъ обхватилъ всѣхъ козаковъ отъ самыхъ дальнихъ рядовъ до передняго круга, составленнаго изъ старшинъ.

— Бруховецкаго! кричали одни.

— Сомка! кричали другiе.

— Не удастся свинопасу гетмановать надъ нами!

— Не удастся торгашу пановать надъ козаками!

— Такъ вотъ же тебѣ!

— Возьми жъ и ты отъ меня!

И началась драка.

— Стойте! стойте стѣною! вскричалъ Сомко́ своимъ. Дадимъ имъ отвѣтъ саблями!

Но на этотъ крикъ только немногіе обнажили сабли и столпились вокругъ своего гетмана, а прочіе, какъ бы со страху, потѣснились назадъ, крича:

— Не наша сила! не наша сила! въ таборъ! уходите въ таборъ!

Между тѣмъ Запорожцы схватили Бруховецкаго на руки и бросились толпою къ столу такъ неистово, что чуть не сбили съ ногъ и самаго князя съ дьяками. Князь Гагинъ, тѣснимый и толкаемый со всѣхъ сторонъ, едва могъ выбраться изъ бурной ихъ толпы и уйти въ царскій шатеръ.

— Гетманъ, гетманъ Иванъ Мартыновичъ! орали во все горло Запорожцы.

— Дѣти! вскрикнулъ къ своимъ Шрамъ, неужели мы потерпимъ такое поруганіе? Долой Иванца! Сомко гетманъ! Больше никто!

И густая толпа, окруживъ Сомка, начала пролагать себѣ дорогу къ столу саблями. Уже потѣснили противниковъ, уже посадили Сомка на столъ. Но Запорожцы напали на гетманскихъ приверженцевъ, какъ злыя осы; одни падали подъ ударами сабель, а другіе наступали по трупамъ павшихъ и бросались съ ножами и дубинами на Сомковыхъ сторонниковъ; сломали его бунчукъ, вырвали изъ рукъ у него золотую булаву. Посмотрѣлъ Сомко съ высоты стола — вокругъ него только горсть старшины и козаковъ; далѣе все Запорожцы.

— Эй, братцы, закричалъ онъ, полно! нѣтъ здѣсь нашихъ! Мы посреди враговъ!

Смотрятъ старшины — въ самомъ дѣлѣ, они со всѣхъ сторонъ окружены Запорожцами, которые бушуютъ вокругъ нихъ, какъ море вокругъ пловцевъ. Бруховецкій, сбитый со стола, размахивая булавою, кричитъ:

— Бейте, дѣти, торгаша! шапку червонцевъ за добрый ударъ!

Сторонники Сомковы поняли тогда опасность своего положенія, и, сдвинувшись тѣсно плечемъ къ плечу, начали отступать къ царскому шатру. Тутъ московская рать, приведенная княземъ Гагинымъ для порядка на раду, заслонила ихъ отъ Запорожцевъ и дала возможность уйти къ лошадямъ, которыя стояли подъ защитою вѣрныхъ козаковъ за шатромъ. Многіе однакожъ положили головы на радѣ.

Черевань между тѣмъ, не смотря на суматоху и безпрестанные толчки тѣснящихся вокругъ него козаковъ, продолжалъ не умолкая кричать:—Сомко, Сомко гетманомъ!

— Чтó это ты горланишь, стоя межь нашими? вскрикнулъ ему одинъ Запорожецъ-отáманъ, за которымъ слѣдовала, сверкая глазами, его разъяренная ватага.

— А що жъ, братцы? отвѣчалъ добродушный толстякъ. Я своего зятя на всякомъ мѣстѣ готовъ провозгласить гетманомъ.

— А, такъ это торгашовъ тесть! Бейте его, братцы, бейте эту кабанью тушу! вскричали Запорожцы, и, можетъ быть, Черевань распрощался бъ тутъ со свѣтомъ, если бъ не защитилъ его Василь Невольникъ.

— Пугу, пугу! закричалъ онъ, заслонивъ Череваня. Головешка! Гаврило! развѣ не узналъ Василя Невольника? Не трогайте этого пана: онъ на моихъ рукахъ.

— Эге! вотъ гдѣ встрѣтились! сказалъ отáманъ, узнавши стараго товарища. Полно, полно, дѣти! довольно намъ и безъ него работы.

И свирѣпая толпа двинулась мимо, поражая всякаго, кто былъ не въ голубой лентѣ.

Во время схватки Запорожцевъ съ городовыми козаками у гетманскаго стола, Гвинтовка разыгрывалъ другую часть траги-комедіи. Сѣвъ на коня, котораго провели къ нему весьма ловко козаки, онъ поднялъ вверхъ серебряный перначъ, съ повязанною на немъ голубою лентою, и, отъѣхавъ нѣсколько отъ побоища, началъ разъѣзжать то въ ту, то въ другую сторону и кричать:

— Эй, козаки, непустыя головы! Кто не отвыкъ отъ винтовки, ко мнѣ! за мною!

Козаки, по видимому, ждали этого сигнала: толпами окружали они Гвинтовку, предоставя Запорожцамъ управляться самимъ съ Сомкомъ и его вѣрными подручниками, и Гвинтовка направилъ путь свой къ табору, держа высоко надъ головою перначъ съ голубою лентою. За нимъ густыми роями слѣдовали козаки.

Между тѣмъ Сомко̀ и его свита, вырвавшись изъ запорожской кутерьмы, сѣли на коней и также поспѣшали въ лагерь. Къ нимъ присоединились изъ разныхъ полковъ и сотенъ тѣ козаки и старшины, которые или остались вѣрными чести, или не были введены въ тайны заговора. Мѣщане и мужики, не понимая, что̀ передъ ними дѣлается, толкались безсмысленно между козаками. Все еще не понимая козней, которыя противъ него устроены, Сомко̀ въѣхалъ въ лагерь со стороны полка Переяславскаго, а Гвинтовка въ то самое время ввалился со своею ватагою со стороны полка Нѣжинскаго.

Первою заботою Сомка было — построить козаковъ въ боевой порядокъ.

— До строю! кричалъ онъ своимъ старшинамъ. Пушкари, готовьте пушки! Пѣхота съ ружьемъ станетъ между пушками, а конница по крыльямъ.

Генеральные старшины, полковники и ихъ подчиненные разъѣхались по полкамъ и сотнямъ строить войско. Не легко было это сдѣлать, потому что нѣкоторые козаки остались на радѣ, другіе замѣшались не въ свои сотни. Сомко̀, весь въ жару, разъѣзжалъ промежъ волнующимися сотнями, блестя своимъ сребристымъ панцыремъ. Его занимала одна дума—ударить на Бруховецкаго, разметать его сборище и захватить силою бунчукъ и булаву въ свои руки, когда не стало ни ума, ни справедливости въ Украинѣ.

Но еще старшины не привели въ порядокъ полковъ, еще не вскрикнулъ Сомко: *рушáй!* а уже полкъ Нѣжинскій и двинулся изъ лагеря.

— Э, Васюта не привыкъ слушать старшихъ! сказалъ Сомко! Ну, ничего, пускай онъ ударитъ первый, а мы поддержимъ его.

Какъ въ это время прискакалъ на конѣ самъ Васюта:— Бѣда, пане гетмане! вотъ когда наконецъ мы сѣли!

— Что? какъ?

— Теперь-то у насъ *кобыла горохъ съѣла!* Не я уже полковникъ Нѣжинскій, а Гвинтовка. Посмотри, вонъ онъ надъ козаками перначемъ посвѣчиваетъ!

За Васютою прибѣжало еще нѣсколько старшинъ нѣжинскихъ.

— Пропало дѣло! кричитъ сотникъ Гордій Костомара. Безъ Нѣжинскаго полка все равно, что безъ правой руки!

Еще Сомко не рѣшился, что предпринять ему въ такую трудную минуту, какъ сотни Нѣжинскаго полка подъѣхали къ толпѣ Бруховецкаго,—а Бруховецкій стоялъ посреди своихъ на столѣ подъ войсковымъ знаменемъ и бунчукомъ, — наклоняли одна за другою сотенныя хоругви и, возвратясь назадъ, начали грабить возы полковниковъ и старшинъ, оставшихся вѣрными Сомку.

Между тѣмъ на другой сторонѣ лагеря произошло также волненіе.

— Какого чорта будемъ ждать? кричали козаки. Развѣ того, чтобъ саблею взяли насъ съ безбулавнымъ нашимъ гетманомъ?

И каждая сотня, схвативъ свое знамя, выступала на поклонъ Бруховецкому.

Тогда Сомко, видя, что все разстроилось, поскакалъ съ небольшимъ числомъ старшины къ царскому шатру, къ князю Гагину. Входитъ въ шатеръ, — Бруховецкій уже тамъ. Князь поздравляетъ его съ гетманствомъ и вручаетъ ему царскіе подарки. Бруховецкаго окружаютъ Вуяхевичъ и множество бывшихъ сторонниковъ Сомка съ толпою Запорожцевъ.

— Га-га! вскрикнулъ счастливый соперникъ, замѣтивши Сомка, вотъ какая рыба поймалась! Что ты теперь, вельможный безбулавный гетманъ, намъ скажешь?

Но Сомко, ничего не слушая, обратился къ князю:

— Князь! сказалъ онъ громкимъ и смѣлымъ голосомъ, какъ будто велъ за собою десять полковъ, развѣ на то тебя Царь послалъ въ Украину, чтобъ ты потворствовалъ запорожскимъ бунтовщикамъ!

Князь былъ пораженъ внезапнымъ появленіемъ Сомка и

его старшинъ. Онъ еще не опомнился отъ своего испуга и думалъ, что опять начнется между противными сторонами кровавая схватка. Онъ привелъ съ собою сильный отрядъ пѣхоты; но ни онъ самъ, ни его подчиненные, не знали, какъ употребить ее въ дѣло при такомъ страшномъ замѣшательствѣ. Московская рать стояла подъ ружьемъ, какъ оцѣпенѣлая, не понимая, что̀ вокругъ нея дѣлается и ожидая съ каждой минутою нападенія отъ козаковъ.

— Зачѣмъ же ты привелъ изъ Москвы на нашъ хлѣбъ войско, продолжалъ Сомко, когда оно стоитъ безъ всякаго движенія? Дай мнѣ воеводскую свою палицу, я поведу его на защиту отъ черни лагеря!

Князь совершенно потерялся и только переступалъ съ ноги на ногу. Но тутъ поддержалъ его Бруховецкій.

— Властью моею гетманскою, сказалъ онъ, запрещаю тебѣ, князь, вмѣшиваться въ войсковыя наши дѣла! Козаки сами себѣ судьи: два съ третьимъ дѣлаютъ, что̀ имъ угодно. А возьмите, паны-братцы, этого бунтовщика да бросьте въ темницу.

— Такъ нѣтъ ни въ комъ правды, сказалъ Сомко́, ни въ своихъ, ни въ чужихъ?

А Бруховецкій ему:

— Есть въ свѣтѣ правда, пане Сомко́, и она покарала тебя за твою гордость. Возьмите его, братчики, да закуйте въ цѣпи.

— Пане гетмане! сказали тогда Сомку, окруживъ его, старшины, лучше намъ положить здѣсь всѣмъ головы, нежели отдать тебя врагу на поруганіе!

Заплакалъ Сомко́ въ отвѣтъ на это предложеніе и сказалъ:

— Братцы мои! сто́итъ ли думать теперь о моемъ поруганіи, когда злой врагъ мой наругался надъ честью и славою отчизны! Пропадай сабля! пропадай и голова! прощай, несчастная Украина!

И, вынувъ изъ золотыхъ ноженъ саблю, бросилъ ее на землю. Всѣ друзья его сдѣлали тоже. Горько заплакали нѣкоторые изъ нихъ и сказали:

— Боже правосудный! пусть наши слезы падутъ на голову нашему губителю!

Возвеселился тогда Бруховецкій; тотчасъ велѣлъ взять подъ стражу Сомка, Васюту, полковниковъ черниговскаго Силича, лубенскаго Засядку и всѣхъ бывшихъ при нихъ старшинъ, а Вуяхевичу приказалъ писать въ Москву донесеніе, что будто бы Сомко съ своими приверженцами бунтовалъ противъ Царя народъ, хотѣлъ возстановить Гадячскіе пункты и вызывалъ Орду въ Украину.

Князь Гагинъ тоже хлопоталъ, какъ бы не дошло до Царя, что онъ содѣйствовалъ Бруховецкому въ его козняхъ противъ Сомка. Для этого онъ описалъ Царю Сомка и его приверженцевъ самыми черными красками, а о Бруховецкомъ донесъ, что онъ «хоть не ученъ, да уменъ и ужесть какъ воровать и исправенъ. Посадивши его на границахъ, можно спать въ Москвѣ безъ торопливости».

Пока войсковая канцелярія и московскіе дьяки занимались составленіемъ бумагъ, князь повелъ Бруховецкаго и его старшину въ соборную нѣжинскую церковь къ присягѣ; а послѣ присяги новый гетманъ пригласилъ князя и его свиту къ себѣ на обѣдъ, въ домъ къ бургомистру Колодѣю. Тамъ мѣщане приготовили богатый пиръ Бруховецкому и его старшинамъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ой идýть наши Запорóжці,
Ажъ рипля́ть сапъя́нці....
Да лежя́ть, лежя́ть паны́ въ кармáзинахъ
По двá й по три́ въ я́мці.
Ой якъ кри́кнуть полкóвники
На сóтниківъ грізно:
«Ой не трáтьте, врáжі сыны́,
Козáцького війська!»
—«Ой рáди бъ ми не трáтити—
Не мóжна спини́ти:
Навáжились врáжи сыны́
Й ноги́ не пусти́ти.

Народная пѣсня.

Отвязавшись отъ Запорожцевъ, Черевань на силу перевелъ духъ, отъ усталости и волненія.

— Братъ Василь! сказалъ онъ, давай мнѣ скорѣе коня. Чортъ возьми эту раду! Вотъ не въ добрый часъ надоумило меня ѣхать съ этимъ бѣшенымъ Шрамомъ!

Василь Невольникъ отправился за конями, но кругомъ происходила такая суматоха, что онъ совсѣмъ потерялся и, подобно щепкѣ на волнахъ, былъ увлекаемъ то въ одну, то въ другую сторону. Долго ждалъ его Черевань, а тутъ буря становится все сильнѣе и сильнѣе; со всѣхъ сторонъ его тѣснятъ, толкаютъ; потъ катится съ него градомъ.

— Гдѣ это нечистый подѣлъ моего Василя! говорилъ онъ въ досадѣ. Бгатику Петрусь, не оставляй хоть ты меня. Ой, когда бъ мнѣ добраться по живу, по здорову въ свое Хмарище! созывай тогда себѣ раду, кто хочетъ!

Когда жъ провозгласили Запорожцы Бруховецкаго гетманомъ, толпа тотчасъ сдѣлалась тише. Сперва Гвинтовка отвелъ своихъ единомышленниковъ къ лагерю, потомъ отошли туда и другіе полки Сомковы. Только Запорожцы шумѣли и волновались вокругъ гетманскаго стола, какъ злыя осы вокругъ гнѣзда своего, да поселяне гудѣли по всему полю, какъ трутни. Съ полчаса никто изъ этой сволочи не зналъ, что̀ дѣлается передъ ихъ глазами въ козацкомъ войскѣ. Поклонъ сотень Сомковыхъ Бруховецкому показался имъ началомъ сраженія, и многіе постарались заблаговременно обезопасить себя бѣгствомъ. Только когда двинулся Бруховецкій съ княземъ и со всѣми московскими и козацкими силами въ Нѣжинъ, по всему полю раздались восклицанія черни:

— Хвала Богу! хвала Богу! нѣтъ теперь ни пана, ни мужика, нѣтъ ни убогихъ, ни богатыхъ! всѣ заживемъ въ довольствѣ!

— Что̀ жъ, братцы? говорили иные, пойдемте панскимъ добромъ дѣлиться. Теперь пановъ полонъ городъ.

— Э, будетъ еще время погулять по городу! Вонъ козаки въ Сомковомъ таборѣ хозяйничаютъ. У Сомковой старшины, говорятъ, полны возы однихъ кармазиновъ.

— Ну, кто куда хочетъ. Вездѣ будетъ обо что̀ погрѣть руки.

И одна часть алчнаго на добычу сброду толпами бросилась къ городу, а другая къ Сомкову табору. Поле однакожъ не опустѣло. Многіе, въ упоеніи радости, позабыли о добычѣ, которою приманилъ ихъ сюда Бруховецкій, и,

панявъ музыкантовъ, водились съ танцами по всему полю. Веселость ихъ въ такую смутную годину, звонъ музыки, топотъ танцевъ и радостные припѣвы заставляли Петра и Череваня еще сильнѣе чувствовать горесть. Они одни были здѣсь свободны отъ чаръ, которыми уповлъ Бруховецкій козаковъ, мѣщанъ и мужиковъ; они съ нетерпѣніемъ желали выпутаться изъ этого омута, и только ждали, пока Василь Невольникъ возвратится съ лошадьми.

Не прошло поль-часа, какъ валятъ опять толпы народу со стороны города, а на встрѣчу имъ другія, со стороны лагеря.

— Куда вы? спрашиваютъ.

— А вы куда?

— Мы въ таборъ.

— А мы въ городъ.

— Э, чорта съ два!

— Какъ?

— Такъ, не пускаютъ! Московская сторожа не пускаетъ нашего брата въ городъ.

— Напрасно жъ и въ таборъ будете соваться. Козаки сами тамъ хозяйничаютъ, а нашему брату даютъ оглоблею по шеѣ.

— Что жъ это? Неужели это насъ козаки *убрали въ шоры* (1)?

— Видно, не хуже, какъ и *Выговскій Москву!*

Тутъ подбѣжали новыя толпы:

— Бѣда, кричатъ, пропало дѣло! Слышали вы, что говорятъ Запорожцы?

— А что жъ они говорятъ?

— А вотъ что. Сунулись иные изъ нашихъ черезъ огороды да давай хозяйничать въ панскихъ дворахъ; такъ братчики ихъ кіями по спинѣ: «Убирайтесь, говорятъ, къ нечистой матери, мужичье неумытое!» да и прогнали за городъ. Начали было наши упрямиться, начали говорить: «Мы жъ теперь всѣ равны!» — «Вотъ мы васъ, говорятъ, поравняемъ нагайками! Убирайтесь, вражьи дѣти, за добра

---

(1) Обманули.

ума, по своимъ селамъ, пока не узнали, *по чемъ ковшъ лиха!*»

— Эге, такъ вотъ какая намъ благодарность! закричали предводители (у каждой толпы былъ свой предводитель). Стойте же, братцы! Когда мы помогли кому-нибудь взобраться на гетманскій столъ, такъ съумѣемъ и со стола спихнуть. Собирайтесь въ полки, кричите опять *въ раду!* освободимъ Сомка и Васюту изъ неволи! съ ними все еще можно поправить!

Взволновался народъ, поднялся новый говоръ, раздались новые крики; но ничего изъ всего этого не вышло. Толпа потеряла уже прежній энтузіазмъ. Нѣкоторые подумавши сказали:

— Нѣтъ, видно, напрасно перемѣшивать тѣсто, посадивши въ печь хлѣбы. Какіе посадили, такіе и спекутся. Будетъ съ насъ и того, что потанцовали дня два съ Запорожцами.

Другіе по неволѣ должны были согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

— Напрасно, напрасно! кричали они. Ничего изъ этого не будетъ. Козаки теперь будутъ стоять одинъ за другаго дружно; погрѣютъ только намъ бока, да съ тѣмъ и домой воротимся. Лучше убраться по добру по здорову.

Между тѣмъ иные вели между собою такую бесѣду:

— Я таки схватилъ себѣ съ одного воза въ таборѣ сало; будетъ жинкѣ да дѣтямъ до Филиповки.

— А я мѣшокъ пшена. Когда бъ только пособилъ кто нибудь дотащить до хутора.

— Ге! что̀ ваше сало да пшено! Мнѣ вонъ посчастливилось было добыть жупанъ такой, что̀ пары воловъ стоилъ; да вражій козакъ далъ келепомъ по рукѣ такъ, что не хотѣлъ бы и шестерни. Теперь подъ косовицу какъ разъ это кстати. Люди будутъ зарабатывать, а я носись съ рукою. Вотъ тебѣ и рада!

— Уберемся, уберемся отсюда, пока еще и ногъ намъ не перебили, какъ свиньямъ въ огородѣ. Правду сказать, не на доброе мы дѣло пустились. Лучше сдѣлали наши сосѣди, что не послушали Запорожцевъ. Теперь стыдно и въ село показаться. Будутъ дразнить черною радою до вѣку.

И началъ расходиться изъ-подъ Нѣжина народъ. Замолкла музыка, прекратились танцы и радостныя восклицанія по полю. Скоро всѣ до послѣдняго смекнули, что веселиться не отъ чего.

Еще не все поле очистилось отъ поселянъ, какъ сцена на немъ опять перемѣнилась. Начали разъѣзжаться изъ Нѣжина паны, съѣхавшіеся сюда по случаю рады. Иной привезъ съ собою жену и дочерей, разсчитывая весьма благоразумно, что при такомъ стеченіи въ Нѣжинъ козачества, скорѣе Богъ пошлетъ суженаго, нежели въ хуторскомъ захолустьи. Но тутъ не свадьба имъ готовилась. Войсковая чернь, особливо запорожская, напала на ихъ квартиры и дворы по непріятельски, и начала грабить всѣхъ, у кого не было въ сорочкѣ голубой ленты. Тогда паны рады были какъ-нибудь убраться изъ города; только это не всѣмъ удавалось. Иные, защищая свое семейство и имущество, сложили тутъ же голову, а дочерей ихъ насильно козаки расхватали себѣ въ жены. Но и тѣ, кому посчастливилось выбраться за заставу, не были въ безопасности. За ними долго еще гнались по полю Запорожцы.

Мѣсто, гдѣ происходила рада, сдѣлалось теперь позорищемъ безчеловѣчнаго убійства и грабительства. Ѣдетъ, на примѣръ, панъ въ *кованной* брикѣ и держитъ обнаженную саблю или ружье на готовѣ; слуги его верхомъ окружаютъ брику; а за ними, то приближаясь, то отдаляясь, то заѣзжая съ боку, гонятся на мѣщанскихъ лошадяхъ безъ сѣделъ Запорожцы; ни выстрѣлы, ни сабельные удары не останавливаютъ ихъ; одинъ падаетъ, а другой лѣзетъ еще съ бóльшимъ остервененіемъ; слуги сперва держатся вокругъ своего пана крѣпко, но когда падетъ и съ ихъ стороны два-три человѣка, бодрость ихъ оставляетъ, и они разсыпаются врозь; тогда Запорожцы останавливаютъ лошадей, рубятъ колеса, опрокидываютъ повозки, сдираютъ съ пановъ дорогіе кармазины. По полю валялся не одинъ *кованный возъ* съ раненными конями, не одна жена оплакивала убитаго мужа, не одинъ панъ горько оканчивалъ жизнь, истекая кровью. Разломанные сундуки, разбросанныя одежды, кровавыя и изорванныя, летящіи по вѣтру пухъ изъ

распоротыхъ подушекъ (въ которыхъ Запорожцы искали денегъ) довершали ужасную картину. Черевань, глядя на все это, вздрагивалъ отъ ужаса: если бъ Гвинтовка не обёзопасилъ его голубою лентою, не миновать бы и ему такой участи.

Но не всѣ паны подвергались такимъ бѣдствіямъ. Нѣкоторые давали добрый отпоръ запорожскимъ разбойникамъ; другіе бросали имъ изъ сундуковъ одежды, и такимъ образомъ отъ нихъ отдѣлывались, но не совсѣмъ однакожъ: схвативъ добычу, Запорожецъ подкладывалъ ее подъ себя вмѣсто сѣдла, и продолжалъ гнаться за повозкою.

— Эй, люди добрые! кричали паны поселянамъ, которые, подобно оторопѣвшимъ овцамъ, бродили по полю, — защитите насъ, а то и вамъ тоже будетъ!

И озлобленные Запорожцами поселяне, гнушаясь ихъ кровавою потѣхою, брали подъ свою защиту преслѣдуемыхъ пановъ и окружали ихъ повозки. Если жъ иной негодяй и тутъ не отставалъ еще, они пускали въ дѣло свое дубье и косы, такъ что не одинъ поплатился жизнью за свою дерзость.

Нѣкоторые прибѣгали еще къ одному средству спасенія: переодѣвшись изъ кармазиновъ въ сермяги, вмѣшивались въ толпы простолюдиновъ, и пробирались домой пѣшкомъ, а лошадей и все, что̀ при себѣ имѣли, бросали въ городѣ на поживу Запорожцамъ и войсковой черни.

Тогда-то поселяне поняли, въ какія сѣти запуталъ ихъ Бруховецкій, и начали собираться вокругъ пановъ, провожая ихъ домой и охраняя потомъ ихъ хутора и сельскіе дворы; а паны начали придумывать средства, какъ бы освободить Украину отъ Бруховецкаго и его клевретовъ.

Смотритъ Черевань — ѣдетъ изъ Нѣжина и Тарасъ Сурмачъ. Запорожцы не трогаютъ его, потому что у него въ сорочкѣ голубая лента. Въ повозкѣ съ нимъ сидитъ еще съ полъ-десятка мѣщанъ.

— Ге-ге! сказалъ онъ съ горькимъ смѣхомъ Черевану, вотъ какъ наши поживились!

— А что̀ тамъ, братъ?

— Да что! Запорожскіе братчики такъ насъ оголожили, что мы только ушами захлопали.

— А что жъ они вамъ, братъ?

— Да что! Довольно съ тебя того, что у бургомистра Колодѣя расхватали кубки, серебряныя коновки, ковши, что мѣщане снесли со всего города на гетманскій бенкетъ. Сталъ бургомистръ ихъ бранить, называть ворами, разбойниками, такъ едва и самъ не *наложилъ головою*. «Не называй, говорятъ, козака воромъ! Теперь уже, говорятъ, миновалось *это мое, а то твое;* все теперь общее; свое добро, а не чужое разобрали добрые молодцы со стола.» Вотъ тебѣ и вольность, которою поманилъ насъ Бруховецкій! вотъ и защита отъ городовой старшины! Эго жъ еще не все. Тутъ одни у бургомистра пируютъ, а тамъ голота разбрелась по городу да давай въ *крамныхъ коморахъ* (¹) хозяйничать. Все изъ коморъ растаскали. Мѣщане къ гетману съ жалобою, а тотъ смѣется: «Развѣ жъ вы, вражьи дѣти, говоритъ, не знаете, что теперь мы всѣ, какъ родные братья? все у насъ теперь общее.» Такъ-то *убрали* насъ въ *шоры* Запорожскіе братчики. Я съ своими бургомистрами вижу, что бѣда, собрался да скорѣй домой, чтобъ и у насъ въ Кіевѣ не сдѣлалось все общимъ.

— Братцы! сказалъ Черевань, выслушавъ разсказъ своего земляка, въ проклятую годину выѣхали мы изъ дому! Когда бъ у меня тутъ не жинка да не дочка, то и я сѣлъ бы съ вами да и убрался бъ изъ этого аду! Нужно ихъ захватить да вывезти отсюда!

— Да и хорошо сдѣлаешь, добродѣю, когда захватишь поскорѣе. Я слышалъ, что гетманъ просваталъ твою панну у Гвинтовки за своего писаря. Есть слухъ, что хочетъ переженить и всѣхъ своихъ бурлакъ на панянкахъ.

— Чорта съ два просватаетъ! заревѣлъ тутъ кто-то какъ изъ бочки, густымъ басомъ.

Черевань оглянулся--передъ нимъ Кирило Туръ на своемъ ворономъ конѣ, въ сопровожденіи десяти товарищей.

— Чорта съ два просватаетъ! повторилъ онъ. Уже кому

---

(1) Лавкахъ съ товарами.

что̀, а Череваповна будетъ моя. Пускай же не даромъ били меня за нее кіями!

— Кирило! вскрикнулъ Петро. Кирило Туръ! слышишь ли?

— Нѣтъ, не слышу, отвѣчалъ юродивый Запорожецъ, проѣзжая мимо. Какой я Туръ? Развѣ ты не видишь, какъ теперь все перевернулось? Кого звали недавно еще пріятелемъ, того зовутъ теперь врагомъ; богатый сталъ убогимъ, а убогій богатымъ; жупаны превратились въ сермяги, а сермяги въ карма́зины: какъ же ты хочешь, чтобъ только Туръ остался Туромъ? Зови меня или быкомъ, или козломъ, только не Туро̀мъ.

— Да полно, ради Бога! до шутокъ ли теперь? Скажи, на милость Божію, неужели ты опять возвратился къ своей старой затѣѣ?

— Это ты о Череваповнѣ намекаешь? А почему жъ не возвратиться? Сомко̀ твой уже у чорта въ зубахъ; не бойсь, не вырвется изъ лапъ у Иванца! такъ кому жъ больше, если не Кирилу Туру, достанется Черевановна? Ты, можетъ, думаешь, *тебѣ* оставлю? Нашелъ дурака!

И помчался съ своей ватагою къ хутору Гвинтовки, оставивъ Петра въ величайшемъ горѣ.

Черевань тоже стоялъ, какъ окаменѣлый. Въ этотъ день произошло столько дивнаго, ужаснаго и потрясающаго душу, что добрый человѣкъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Все, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ, очень похоже было на неестественныя событія, вяжущіяся одно съ другимъ въ тяжеломъ снѣ. Умъ его былъ всѣмъ этимъ наконецъ до того подавленъ, что онъ не могъ ни о чемъ думать, и стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, устремивъ безъ смыслу глаза на удаляющагося отъ него Тараса Сурмача съ его бургомистрами.

Въ эту минуту очень кстати явился Василь Невольникъ съ лошадьми. Петро вскочилъ тотчасъ на сѣдло, и, неожидая Череваня, поскакалъ за Кириломъ Туромъ; но тутъ перерѣзалъ ему дорогу старый Шрамъ.

— Куда это ты мчишься, сынку?

— Тато! Запорожцы опять хотятъ украсть Черевановну!

— Оставь теперь и Черевановенъ, и всѣхъ! Пусть себѣ

крадутъ и грабятъ, что̀ хочутъ! Ступай за мною: намъ тутъ нечего больше дѣлать: заклевалъ воронъ нашего сокола.

Что̀ на это отвѣчать старому, поверженному въ горесть отцу? Петро, сдѣлавъ надъ собою необыкновенное усиліе, послѣдовалъ за нимъ молча; но сердце его какъ-будто разорвалось на двое.

— Бгатику! послышался въ это время сзади голосъ Черевания, постой, дай хоть посмотрѣть на тебя.

Шрамъ долженъ былъ остановиться.

— Гдѣ это ты, бгатъ, былъ въ эту бурю?

— Что̀ о томъ спрашивать? Прощай, намъ некогда.

— Да постой же! куда жъ это вы? Ну, бгатъ, вотъ я съ тобою и на радѣ былъ, — чтобъ ее никогда больше не видѣть! а что̀ изъ того вышло? Только бока натолкали да одинъ разбойникъ едва не послалъ на тотъ свѣтъ! Что̀ жъ ты еще мнѣ прикажешь дѣлать?

— Ничего больше. Поѣзжай себѣ съ Богомъ въ Хмарище.

— А не будешь больше называть меня Барабашемъ?

— Теперь Барабашей полна гетманщина!

— Ей Богу, бгатъ, я кричалъ: *Сомка̀!* такъ, что чуть не треснулъ. Эхъ, въ несчастную минуту выѣхали мы изъ Хмарища! Какъ-то моя Леся услышитъ про эту раду!... Постой! Куда жъ это вы, бгатцы?

— Куда мы ѣдемъ, тамъ не бывать тебѣ.

— Да правду сказать, бгатъ, слава Богу, что̀ и не бывать! Хорошо погуляли и подъ Нѣжиномъ! вотъ до котораго часу толкаюсь не обѣдавши!

— Ну, поѣзжай же себѣ обѣдать, не задерживай насъ напрасно. Прощай, не поминай насъ лихомъ.

— Прощайте и вы, бгатцы! да заѣзжайте при случаѣ въ Хмарище; можетъ быть, еще разъ ударимъ лихомъ объ землю.

— Нѣтъ уже! теперь насъ больше не увидите, развѣ услышите про насъ! Прощай навѣки!

Пріятели обнялись и поцѣловались. Петро крѣпко сжалъ Черевания прощаясь, а тотъ, какъ бы понявъ его чувство, сказалъ:

— Ой, братику! не лучше ли было бы, коли бъ мы не гонялись за гетманами!

Съ тѣмъ и разъѣхались. Шрамъ поворотилъ на Козелецкую дорогу, а Черевань, въ сопровожденіи Василя Невольника, возвратился въ хуторъ своего родственника. Василь Невольникъ до самаго хутора отиралъ рукавомъ слезы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Настáне судъ, заговóрять
И Днiпрó, и гóры,
И потечé сторiками
Кровъ у сúне мóре
Дiтéй вáшихъ, и не буде
Комý помогáти:
Одцурáєтця братъ брáта
И дитúны мáти;
И дымъ хмáрою застýпить
Сóнце передъ вáми,
И на вiки проклянетéсь
Своiми сынáми!

Анонимъ.

Между тѣмъ новый гетманъ пировалъ въ Нѣжинѣ. Возлѣ него сидѣли московскіе послы. Ихъ сановитая наружность рѣзко противорѣчила плутоватой минѣ Бруховецкаго и дикости ухватокъ и рѣчей запорожскихъ его старшинъ. Казалось бы, этимъ людямъ никогда не сойтись на общій пиръ; но такова сила корыстолюбія, что сановитые вельможи не устыдились подружиться съ безчестными разбойниками, а людей, которые сдѣлали бы имъ честь своею дружбою, предали поруганію и тиранству. За золото Бруховецкаго они безстыдно обманывали своего Царя, который во всемъ на нихъ полагался, и сдѣлались причиною послѣдовавшихъ скоро за тѣмъ между Россіею и Украиною войнъ, которыя погубили множество народу съ той и съ другой стороны и на долго поселили племенную непріязнь и отчужденіе.

Тутъ же за столами сидѣли и городовые старшины, тайно продавшіе Бруховецкому Сомка и его пріятелей. Теперь,

слушая неистовыя рѣчи Запорожцевъ, они невольно вспоминали пиры Сомковы, на которыхъ слышались толки о доблестяхъ козацкихъ, о лучшемъ устройствѣ Украины, и не одинъ изъ нихъ, подобно Іудѣ, почувствовалъ, что̀ онъ сдѣлалъ; но уже поправить дѣло было не возможно; по неволѣ должны были брататься съ разбойниками. А тѣ сидятъ въ чужихъ жупанахъ, то слишкомъ узкихъ, то слишкомъ широкихъ, пьютъ горилку, какъ воду, и въ шумномъ крикѣ хвалятся самыми варварскими дѣлами.

Князь Гагинъ съ удивленіемъ посматривалъ на пирующихъ. Послѣ чинныхъ московскихъ обѣдовъ, этотъ пиръ казался ему настоящимъ Содомомъ.

— Неужто у васъ въ Сѣчи всегда такъ шумно пируютъ? спросилъ онъ у Бруховецкаго.

Но прежде нежели гетманъ собрался съ отвѣтомъ, одинъ изъ братчиковъ грубо вмѣшался въ бесѣду и отвѣчалъ за гетмана извѣстными стихами:

Въ васъ у Січі то и ро́зумъ, хто *Отче на́шъ* зна́е;
Якъ у ра́нці вста́вши, вмы́етця, то ча́рки шука́е;
Чи чарка то, чи ківшъ бу́де, не гляди́ть переміны,
Гла́дко пъють, якъ зъ лу́ка бъють до почно́і тіни.

Когда же Запорожцы начали расхватывать со стола мѣщанское серебро, князь испугался не на шутку и тотчасъ простился съ Бруховецкимъ. А Бруховецкій того только и ждалъ. Ему хотѣлось остаться безъ чужихъ съ своими козаками: не все еще онъ кончилъ.

Распрощавшись съ княземъ и его свитою за воротами, онъ хотѣлъ воротиться на дворъ, какъ увидѣлъ приближающихся къ себѣ двухъ запорожскихъ стариковъ съ молодымъ братчикомъ по срединѣ. Взявши съ двухъ сторонъ за воротъ, они вели его черезъ городскую площадь, сурово поводя изъ-подъ сѣдыхъ бровей глазами, подобно волкамъ, которые, схвативъ гдѣ-нибудь подъ селомъ неосторожную хавронью, ведутъ за уши въ лѣсъ на расправу.

— Гдѣ это вы, батьки, бродили до сихъ поръ? спросилъ ихъ Бруховецкій.

— Да вотъ, видишь ли, за этимъ негодяемъ и обѣдъ потеряли.

— Что̀ жъ онъ?

— Эге, что̀! тутъ такого стыда надѣлалъ товари́ству, что срамъ и говорить! Повадился вражій сынъ ходить къ ковалихѣ. У Гвинтовки подъ хуторомъ коваль живетъ, такъ онъ туда и повадился.

— Такъ это вы поймали его на *горячемъ учинкѣ?*

— Сцапали, пане гетмане, такъ, какъ кота надъ саломъ. Намъ уже давно донесено, что Сенчило скачетъ въ гречку. Э, постой же, вражій сынъ! дай намъ тебя подсмотрѣть! да уже и не спускали съ него глазъ. Что̀ жъ? тутъ добрые люди на радѣ гетмана избираютъ, а онъ негодный шмыгъ да къ ковалихѣ. А мы за нимъ на́глядкомъ. — «Отвори!» Не отворяетъ. — «Отвори!» Не отворяетъ. Мы разломали дверь, а онъ поганый тамъ, какъ боровъ въ берлогѣ....

— Что̀ жъ вы это думаете дѣлать съ нимъ?

— А что̀ жъ больше, если не кіями? Только уже этого не такъ, какъ Кирила Тура. Этому нужно такъ нагрѣть бока, чтобъ не топталъ больше травы.

Запорожцы столпились вокругъ разговаривающихъ и вытянули шеи, слушая, что̀ скажетъ гетманъ. А Бруховецкій прежде, нежели изрѣчь рѣшеніе, окинулъ глазами окружавшую его толпу, и, видно, взглядъ его былъ понятъ нѣкоторыми, потому что ему отвѣчали значительною усмѣшкою.

— Ударить на раду! сказалъ онъ.

И не прошло минуты, какъ окличники начали кричать обычный зовъ, ходя по базару, а посреди площади войсковой до̀вбышъ началъ бить въ литавры.

Запорожцы сходились со всѣхъ сторонъ на вѣчевой призывъ съ необыкновенною поспѣшностью, такъ что, пока городовые козаки собрались на площади, они успѣли составить изъ одихъ себя въ нѣсколько рядовъ вѣчевой кругъ и пропустили въ средину его только гетмана, старшинъ да стариковъ съ обвиненнымъ.

Когда гетманъ сталъ на своемъ мѣстѣ, подъ бунчукомъ и знаменемъ, всѣ умолкнули, прислушиваясь, что̀ будутъ говорить старѣйшины. Вотъ и выступилъ на средину одинъ

изъ обвинителей козака Сенчила; но лишь хотѣлъ раскланяться на всѣ стороны, какъ Иванъ Мартыновичъ велѣлъ ударить въ серебряные гетманскіе бубны и открылъ раду собственною рѣчью.

— Паны полковники, осаулы, сотники, и вся старшина, и вы, братчики запорожскіе, и вы, козаки городовые, а особливо вы, мои низовые дѣтки! къ вамъ теперь обращаю я слово. Когда заохочивалъ я васъ идти со мною въ Украину на волю и на роскошь, неужели я тогда противъ васъ злоумышлялъ? неужели я думалъ тогда кормить васъ тутъ кіями, а поить на привязи къ столбу? Охъ, Боже мой, Боже! я сердца своего оторвалъ бы кусокъ да далъ моимъ дѣткамъ; а тутъ сѣдыя сѣчевыя головы все кіи да кіи вымышляютъ! И за что̀ жъ долженъ погибнуть хоть бы и этотъ несчастный Сенчило? (Сенчило стоялъ посреди круга). За то, что случилось, можетъ быть, разъ на вѣку вскочить въ гречку! Какой же его бѣсъ удержится, когда мы здѣсь безпрестанно ходимъ посреди пашни? Хорошо было карать такъ въ Сѣчи, а тутъ придется намъ за женщинъ перегубить всѣхъ братчиковъ. Какъ вамъ кажется, паны молодцы, правду я говорю, или нѣтъ?

И Запорожцы со всѣхъ сторонъ заревѣли:

— Святую правду, пане гетмане! святую правду!

— А вамъ какъ кажется, батьки? спросилъ гетманъ у стариковъ.

Но старики, пораженные его рѣчью, стояли потупя головы, и ничего не отвѣчали. Долго размышляли, стоя посреди безмолвствующей рады, сѣдые патріархи, долго посматривали одинъ на другаго, качая головою и какъ бы не вѣря ушамъ своимъ; наконецъ одинъ изъ нихъ, именно батько Пугачъ, выступилъ нѣсколько впередъ и сказалъ:

— Видимъ, видимъ, вражій сынъ, — нужды нѣтъ, что ты гетманъ, — до чего мы у тебя дожили! *Убралъ* ты насъ *въ шоры*, какъ самъ захотѣлъ! Вывезли мы тебя на своихъ старыхъ плечахъ въ гетманы, а теперь ты уже безъ насъ думаешь править Украиною! Но не долго будешь править! я тебѣ говорю! Когда началъ брехать, какъ собака, то и

пропадешь, какъ собака! я тебѣ говорю, что пропадешь, какъ собака!

— Потише, батько! вскричалъ Бруховецкій. Что это ты распустилъ морду, какъ холяву? да это не Сѣчь: тутъ тебѣ гетманъ не свой братъ!

— Вотъ какая намъ честь за наши труды! говорили огорченные старики. Умно, значитъ, совѣтовали намъ въ Сѣчи: «Эй, не слушайте, батьки, этого пройдохи! *подвезетъ* онъ вамъ *Москаля!*» А мы все еще не вѣрили, все думали, авось либо съ помощью Божіею заведемъ и въ Украинѣ такой порядокъ, какъ въ Запорожьи!

— О, головы вы заплѣсневѣлыя! сказалъ Бруховецкій. Какого жъ бы тутъ ожидать порядка, когда бъ Запорожская Сѣчь была посреди женатаго народа? Вы думаете, для всякаго это такіе жъ пустяки, какъ для вашихъ старыхъ костей; а мы-то иначе себя чувствуемъ... Не Москаля я вамъ везу, а дѣлаю дѣло по правдѣ, такъ что ни одинъ братчикъ на меня не пожалуется. Въ Запорожьи, посреди степи, нужно бурлачить, а въ мірѣ нужно жениться да хозяйничать.

— Но развѣ ты намъ не говорилъ, окаянный, когда подговаривалъ насъ идти съ собою въ гетманщину: «Пойдемъ, батьки, со мною, мы заведемъ Запорожье по всей Украинѣ»? Развѣ ты не говорилъ, что Сѣчь будетъ Сѣчью, а Запорожцы будутъ судить и рядить по своимъ обычаямъ всю гетманщину?

— Говорилъ, и какъ обѣщалъ, такъ и исполнилъ. Сами видите, что Запорожцы теперь первые паны въ гетманщинѣ; подѣлалъ я ихъ сотниками и полковниками; будутъ они судить по запорожскимъ обычаямъ всю Украину. Уже и теперь нѣтъ ни у мѣщанина, ни у мужика —*это мое, а это твое;* все стало общее; козакъ вездѣ хозяйничаетъ, какъ въ собственномъ карманѣ. Чего жъ вамъ еще хочется? чтобъ я за пустяки колотилъ кіями братчиковъ? Нѣтъ, этого не будетъ: я не врагъ своимъ дѣткамъ.

— За пустяки! такъ это у тебя теперь пустяки! На чемъ держится Сѣчь и славное Запорожье, то обратилъ ты теперь въ шутку!

— Пускай себѣ держится, когда хочетъ; а мы межъ людьми будемъ жить по людски; а кому у насъ не нравится, тотъ иди себѣ въ Сѣчь ѣсть сухую рыбу съ квасомъ.

— Мы таки и пойдемъ, вражій сынъ! ты насъ колѣномъ не толкай. Только хорошо помни, что брехнею свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься! Плюйте, братцы, на его гетманство! пойдемте къ своимъ низовымъ куренямъ. Гей, дѣти, кто за нами?

Сѣчевые батьки думали, что на этотъ окликъ такъ и посыплются изъ рядовъ братчики; но «добрые молодцы» молчали, какъ нѣмые, и прятались одинъ за другаго.

— Кто за нами? вскрикнулъ еще разъ батько Пу́гачъ. Кому любо съ нечестивцемъ погибать въ грѣхахъ, тотъ оставайся тутъ; а кто не хочетъ потерять золотой своей славы, тотъ гайда съ нами за Пороги!

Но и на вторичный вызовъ никто ни съ мѣста.

— Такъ вы, значитъ, всѣ однимъ муромъ мазаны? сказалъ батько Пу́гачъ. Пропадайте жъ, поганые! Увидите, до чего вы доживетесь на Украйнѣ съ такою правдою. Не долго попануете! Поднимутся и противъ васъ такъ, какъ противъ Сомка да Васюты! И не просите тогда у насъ помощи, ледащи́цы! Хоть пускай мимо самой Сѣчи плывутъ по Днѣпру ваши тѣла, не двинемся вамъ на помощь! хоть огнемъ тутъ горите, не придемъ гасить пожаръ! Пропадете собаками, когда вздумали жить по собачьи, и дѣти ваши не помянутъ васъ добрымъ словомъ! Погибайте жъ тутъ, коли такъ захотѣли! Чтобъ васъ такъ счастье и доля покинули, какъ мы васъ покидаемъ! Тьфу! плюю и на тотъ слѣдъ, который топталъ я для неголяевъ! Плюйте и вы, братцы! обратился батько Пу́гачъ къ своимъ товарищамъ. А на прощанье скажемъ этому Ироду, чего мы ему желаемъ: оно жъ его и не минуетъ!

И начали старики одинъ за другимъ выходить изъ вѣчеваго круга. И первый, выходя, оборотился, плюнулъ на свой слѣдъ и сказалъ:

— Чтобъ тебя побилъ неслыханный срамъ, что ты посрамилъ нашу старость!

И другой плюнулъ и сказалъ:

— Чтобъ на тебя образа́ падали!

И третій, оборотясь, плюнулъ и сказалъ:

— Чтобъ тебя пекло́ да морило! чтобъ ты не зналъ покою ни днемъ, ни ночью!

И четвертый:

— Чтобъ тебя окаяннаго земля не приняла!

И пятый:

— Чтобъ ты на страшный судъ не всталъ ([1])!

И вышедши изъ собранія, тотчасъ велѣли сѣдлать лошадей и уѣхали со своими чурами изъ Нѣжина.

А Бруховецкому того только и хотѣлось. Посмѣявшись вдоволь съ своими хмѣльными клевретами, онъ сказалъ:

— Ну, теперь, братчики, намъ своя воля. Отдѣлались мы отъ глупыхъ мужиковъ, отдѣлались отъ мѣщанъ, спровадили и старыхъ хрычей къ нечистой матери. Теперь пейте, гуляйте и веселитесь! А меня что-то ко сну клонитъ. Пойду, не много отдохну. Петро Сердюкъ, проведи, братъ, меня домой.

И пошелъ Бруховецкій къ своему гетманскому двору, опираясь на крѣпкаго приземистаго козака и едва передвигая ноги. Запорожцы, глядя ему въ слѣдъ, слегка подсмѣивались.

— Подтоптался, говорили они, нашъ Иванъ Мартыновичъ, совсѣмъ подтоптался.

— Еще бъ не подтоптаться, надѣлавши въ одинъ день столько дѣла!

— Да видно и въ голову лишній разъ съ радости стукнулъ.

Но Бруховецкій не изнемогъ отъ трудовъ и не опьянѣлъ на пиру. Въ то время, когда другіе считали его ослабѣвшимъ и полусоннымъ, его неутомимый умъ затѣвалъ новыя

---

(1) Все это побранки народныя. Малороссіянинъ тогда только бранится отцомъ и матерью, когда разсерженъ умѣренно; но когда его огорчатъ до глубины души, онъ оставляетъ отца и мать своего врага въ покоѣ. Вдохновясь гнѣвомъ, онъ постигаетъ нелѣпость подобныхъ ругательствъ и беретъ для своихъ проклятій моральную сторону человѣка. Этимъ онъ допекаетъ своему ближнему хуже всего,—тѣмъ болѣе, что проклятію приписывается въ народѣ особенная сила, и тотъ, кто не боится уже ни кулака, ни стыда, боится еще проклятій, особенно такихъ, какъ приведенныя выше.

козни. Не спокойна была его душа отъ мысли, что Сомко живетъ еще на свѣтѣ. Боязливый, при всей дерзости, онъ представлялъ себѣ возможность новаго переворота, и мстительный образъ Сомка поражалъ ужасомъ его воображеніе. Склонясь на козака, путаясь ногами, какъ дѣлаютъ пьяные, и зажмуривъ глаза, какъ котъ, онъ иногда бормоталъ къ своему спутнику по два, по три слова съ такимъ безсмысленнымъ видомъ, что и подумать было трудно, что они исходятъ изъ трезваго и сильно работающаго разсудка.

— Слыхалъ ли ты, братъ Сердюкъ, говорилъ онъ, такое чудо, чтобъ мышь откусила голову человѣку?

Петро Сердюкъ на это простодушно засмѣялся.

— Да это, пане гетмане, только такую поговорку проложено!

— Гмъ! проложено!... однакожъ съ чего-то взята эта поговорка.... Охъ, совсѣмъ ноги не несутъ.... Вража старость беретъ уже и меня въ свои лапы.... Выпилъ человѣкъ чарку, или не выпилъ, уже и голова и ноги, хоть возьми да и отруби, какъ полѣнья.

— Это вы, пане гетмане, на радахъ такъ уходились.

— Охъ, на радахъ, на радахъ!... Послужилъ я козакамъ отъ всей души.... посмотримъ, какъ-то мнѣ козаки послужатъ.

— И, пане ясновельможный! что̀ вы объ этомъ безпокоитесь! Мы за васъ головы всѣ до одного положимъ!

— Головы!... Довольно бъ съ меня было и одной головы.... когда бы кто умѣлъ положить ее, такъ чтобъ никогда не встала.

Козакъ опять усмѣхнулся и думалъ:

— Видно, порядкомъ батько потянулъ съ радости: не знать что̀ городитъ.

А онъ шелъ, тяжело дыша, какъ будто въ самомъ дѣлѣ опьянѣлый, и только отъ времени до времени бросалъ своему провожатому по нѣскольку словъ, намекая на голову Сомка и выжидая, не догадается ли онъ, въ чемъ дѣло. Но козакъ на этотъ разъ, какъ-будто съ умысломъ, былъ

не догадливъ. Наконецъ, когда вступили въ замокъ, Бруховецкій сказалъ ему:

— Видишь ли возлѣ конюшни, при самой землѣ окошко?... Тамъ сидитъ вельможный Сомко, что̀ брезгалъ когда-то всѣми, и не было ему равнаго въ цѣломъ свѣтѣ.... Какъ тебѣ это чудо кажется?

— Чудо великое, отвѣчалъ Петро Сердюкъ, нечего сказать! Служитъ вамъ фортуна, пане гетмане, лучше всякаго чуры.

— Но я разскажу тебѣ что̀-то еще дивнѣе. Послушай-ко, братъ, какой мнѣ сонъ сегодня передъ свѣтомъ снился. Кажется, шелъ я съ тобою домой, и пришелъ, и легъ спать, и проспался, только, проснувшись поутру, слышу, что ночью совершилось неслыханное чудо: Сомку мышь голову откусила! Какъ тебѣ кажется, Петро? что̀ этотъ сонъ означаетъ? Коли бъ ты разгадалъ мнѣ его, я нашелъ бы, какъ наградить тебя.

Задумался козакъ, но, помолчавъ не много, отвѣчалъ:

— Что̀ жъ, пане гетмане? не къ тому ли это клонится, чтобъ Запорожецъ превратился въ мышь?

Гетманъ обнялъ и поцѣловалъ его за этотъ отвѣтъ, а когда вошли въ свѣтлицу, онъ снялъ съ руки золотое кольцо и сказалъ:

— Этотъ перстень всякаго превратитъ въ такую крысу, что̀ проберется, куда ей нужно, хоть чрезъ двѣнадцать дверей. Возьми, надѣнь на палецъ, и нигдѣ тебя не остановятъ.

Но козакъ не принималъ перстня и пятился назадъ.

— Что̀ жъ ты отступаешь? спросилъ гетманъ съ удивленіемъ.

— Потому отступаю, пане гетмане, что хоть Запорожецъ на всякое *характѐрство* способенъ, но за такое дѣло еще ни одинъ не брался. Прощай, пане гетмане. Можетъ быть, съ хмѣлемъ и твой сонъ выдетъ изъ головы.

И съ этимъ словомъ вышелъ изъ свѣтлицы, оставя гетмана въ совершенномъ остолбенѣніи отъ стыда и удивленія.

Долго стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, наконецъ началъ

ходить неровными шагами по свѣтлицѣ и разсуждать почти въ слухъ:

— Э! сказалъ онъ сквозь зубы, остановясь, стало быть правда тому, что̀ говорятъ: никогда козакъ не былъ и не будетъ ка̀томъ!

И началъ опять ходить.

— Чортъ знаетъ, какія глупости! продолжалъ онъ. Какъ будто не все одинъ дьяволъ—задушить какую нибудь погань на радѣ, или дать ножемъ подъ бокъ въ подземельи!

И задумался, остановясь среди свѣтлицы. Потомъ отвѣчалъ самъ себѣ полу-словесно, полу-мысленно:

— Видно, не все одно!... Почему жъ бы мнѣ самому съ нимъ не расправиться?... Пока Сомко былъ Сомкомъ, я становился противъ него смѣло, а теперь меня какъ будто страхъ пробираетъ....

И опять молча началъ прохаживаться по свѣтлицѣ.

— Врагъ его знаетъ, думалъ онъ, какъ человѣкомъ доля играетъ.... Видно, самъ лукавый помогаетъ мнѣ въ моихъ затѣяхъ.... А правду сказать, лучше, если бъ ничего этого не было.... Охъ, батько мой Богданъ! не у̀зналъ бы ты теперь своего Иванца.... Врагъ!... И откуда нечистый подсунулъ мнѣ врага!... А уже теперь поздо останавливаться.... Или я, или онъ.... Два кота въ одномъ мѣшкѣ не поладятъ.... Отъ чего жъ это не хватаетъ у меня силы повернить?... Была сила свѣтъ переставить на свой ладъ, а теперь боюсь пырнуть ножемъ подъ бокъ.... Дивное дѣло: не боялся человѣка въ полномъ вооруженіи, а боюсь въ цѣпяхъ....

Этотъ несвязный разговоръ съ самимъ собою то вырывался у него какъ бы противъ воли сквозь зубы, то договаривался мысленно. Иногда онъ останавливался, но не простоявъ и полъ-минуты, опять принимался ходить. Длинныя паузы не рѣдко отдѣляли отвѣтъ отъ вопроса. Онъ былъ злодѣй, слишкомъ скоро прошедшій свою школу и слишкомъ быстро низпустившійся въ мрачную бездну зла: порожденія озлобленной души явились ему тамъ безъ покрова и заставили его содрагаться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

А въ неділю ра́но
Ся сла́вонька ста́ла:
Взяли́, взяли́ коза́ченька,
Заби́ли въ кайда́ны,—
Ой на но́ги лыбы,
На ру́ки скрини́ці....
Вы́зволь, Бо́же, коза́ченька
Съ те́мноі темни́ці!

Народная пѣсня.

Черезъ нѣсколько времени доложили гетману, что какой-то человѣкъ хочетъ донести ему на единѣ о какомъ-то важномъ дѣлѣ. У Бруховецкаго для подобныхъ гостей всегда былъ доступъ. Тотчасъ велѣлъ впустить.

Ввалилось въ дверь что̀-то толстое и горбатое, въ надвинутомъ на голову кобенякѣ. Не видать было его лица, только глаза блестѣли изъ-подъ капюшона. Бруховецкій самъ не зналъ, чего испугался: такъ его душа была встревожена.

— Кто ты? спросилъ онъ.

— Я тотъ, отвѣчалъ страннымъ какимъ-то голосомъ незнакомецъ, кого тебѣ нужно.

— Духъ Святой съ нами! вскрикнулъ гетманъ. (Ему Богъ знаетъ, что̀ показалось).

— Кого жъ мнѣ нужно? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Тебѣ нужно такого человѣка, который бы наворожилъ покой на гетманщину. Вездѣ народъ толпится вокругъ пановъ и придумываетъ, какъ бы освободить Сомка; да и нѣжинскіе мѣщане начали толковать теперь о Сомкѣ, какъ жиды о Мессіи.

— Гмъ!... Что̀ жъ ты за человѣкъ?

— Я человѣкъ себѣ мизе́рный, швецъ изъ Запорожья, но если сошью кому-нибудь сапоги, то носить будетъ долго.

— Какъ же ты заворожишь гетманщину?

— Простымъ способомъ. Она тотчасъ успокоится, какъ

только пойду да разскажу Сомку сонъ, что сегодня передъ разсвѣтомъ тебѣ снился....

— Дьяволъ! откуда ты мой сонъ узналъ?

— Отъ крысы.

— Такъ, такъ! сказалъ Бруховецкій, закусивъ злобно губу.

— Успокойся на этотъ разъ; подумай лучше, какъ тебѣ освободиться отъ своего врага, чтобъ вмѣстѣ съ тобою всѣмъ намъ не было такъ, что сегодня панъ, а завтра пропалъ.

Долго молчалъ Бруховецкій.

— Открой голову, сказалъ онъ наконецъ; я посмотрю, не въ самомъ ли ужъ дѣлѣ лукавый ко мнѣ присосѣдился?

Запорожскій швецъ отбросилъ назадъ кобенякъ, и Бруховецкій отъ удивленія отступилъ назадъ.

— Кирило Туръ!

— Тсъ! молчи, пане гетмане. Довольно и того, что *ты* знаешь теперь, какъ меня зовутъ.

И Кирило Туръ опять накрылъ голову.

— Неужели ты возмешься за такое дѣло?

— А почему жъ? развѣ у меня руки не людскія?

— Но ты, говорятъ, немножко свой съ Сомкомъ!

— Какъ чортъ съ попомъ. Я давно уже ищу, какъ бы ему удружить, и въ Кіевѣ, самъ здоровъ, знаешь, чуть-чуть не доказалъ ему дружбы, да проклятый поповичъ помѣшалъ.

— За что жъ ты на него озлился?

— Это мнѣ знать. У всякаго своя тайна. Я тебя не спрашиваю, не спрашивай и ты. Не задерживай меня, и коли хочешь, чтобъ я поблагодарилъ тебя за сотничество, такъ говори, какъ мнѣ къ нему пробраться.

— Вотъ какъ, отвѣчалъ Бруховецкій. Возьми ты этотъ перстень; съ нимъ пройдешь вездѣ, никто тебя не станетъ останавливать и распрашивать. Я даю его своимъ козакамъ только въ самыхъ важныхъ случаяхъ.

— Славный перстень! сказалъ Кирило Туръ. Еще и лукъ со стрѣлой вырѣзанъ на печати.

— Это, если хочешь знать, тотъ самый, что покойный Хмельницкій снялъ съ руки у соннаго Барабаша. Я самъ

ѣздилъ съ этимъ знакомъ и въ Черкасы къ Барабашихѣ за королевскими грамотами. Покойный гетманъ подарилъ мнѣ его на память.

— Эге! съ доброй руки подарокъ, на добро и служитъ!

Съ этими словами Кирило Туръ вышелъ изъ свѣтлицы. Бруховецкій проводилъ его до другой двери.

— Ложись спать, пане гетмане, сказалъ Кирило Туръ на прощанье, не безпокойся. Передъ разсвѣтомъ снился тебѣ твой сонъ, передъ разсвѣтомъ я его и оправдаю.

И пошелъ онъ сгорбившись черезъ дворъ въ своемъ странномъ нарядѣ. Темнота скрывала его отъ любопытныхъ. Впрочемъ и при свѣтѣ дня никто бы не узналъ въ немъ теперь ни молодецкой походки, ни стройнаго росту: онъ казался дряхлымъ, сгорбленнымъ старикомъ.

Когда подошелъ онъ ко входу въ подземелье, стоявшій на стражѣ козакъ уставилъ противъ него копье и остановилъ его; но лишь увидѣлъ у него на рукѣ гетманскій перстень, тотчасъ отворилъ ему дверь.

За тою дверью, нѣсколько далѣе и глубже, еще была дверь, которую охранялъ также козакъ, вооруженный съ головы до ногъ. Въ углубленіи стѣны слабо горѣлъ каганецъ. И этотъ пропустилъ Кирила Тура молча, лишь только онъ показалъ ему перстень.

Далѣе еще увидѣлъ Кирило Туръ одну дверь, охраняемую также вооруженнымъ козакомъ. Онъ взялъ у козака каганецъ и ключъ отъ тюрьмы Сомковой и сказалъ:

— Ступай къ своему товарищу. Я буду исповѣдывать невольника, такъ, можетъ быть, услышишь что̀ нибудь такое, чего никому не надо слышать.

— Да я и самъ радъ, отвѣчалъ козакъ, убраться подальше. Знаю, на какую исповѣдь пришелъ ты.

— Ну, когда знаешь, такъ и хорошо. Смотри жъ, не входи къ нему до самаго утра. Послѣ исповѣди онъ уснетъ, будить его не надо!

— Уснетъ послѣ твоей исповѣди всякъ! ворчалъ козакъ, затворяя за собою дверь.

А Кирило Туръ между тѣмъ отворилъ дверь въ темницу, и тотчасъ заперъ ее за собою. Поднявши къ верху каганецъ,

онъ увидѣлъ Сомка, прикованнаго толстою цѣпью къ стѣнѣ. Узникъ сидѣлъ на соломѣ, въ старой сермягѣ, безъ пояса и безъ сапоговъ. Все у него ограбили, когда взяли подъ стражу. Изъ прежней одежды осталась на немъ только шитая серебромъ, золотомъ и голубымъ шелкомъ сорочка. Шила эту сорочку бѣдняжка Леся, украсила вдоль по воротнику, по разрѣзу пазухи и по краямъ широкихъ рукавовъ цвѣтами и разводами, а ея мать подарила эту сорочку нареченному зятю на память гостеванья его въ Хмарищѣ. И странно, и грустно было бы каждому глядѣть, какъ она блистала своею бѣлизною и шитьемъ изъ-подъ грязной невольничьей одежды несчастнаго гетмана.

Кирило Туръ поставилъ на окнѣ каганецъ и тихо подошелъ къ унылому узнику. Сомко смотрѣлъ на него молча, безъ любопытства и страха. Запорожецъ вынулъ изъ-за голенища ножъ и показалъ Сомку съ выразительнымъ движеніемъ.

Сомко поднялъ глаза къ небу, перекрестился и сказалъ спокойно:

— Что̀ жъ? дѣлай, для чего тебя послано.

Но причудливый Запорожецъ спросилъ его сиплымъ и гнусивымъ голосомъ:

— Неужто тебѣ совсѣмъ не страшно умирать?

— Можетъ быть, мнѣ и было бы страшно, когда бы не было написано: *Не убойтеся отъ убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ лише что̀ сотворити....*

— Да это ты разсуждаешь такъ, пока не почуялъ въ тѣлѣ желѣза; а дай-ко я рѣзну тебя для пробы по грудинѣ.

— Адское изчадіе! вскрикнулъ тогда Сомко, неужели тебѣ мало одной крови? ты хочешь еще натѣшиться моими муками! По твоему голосу вижу, что ты живешь только въ подземельяхъ и привыкъ питаться человѣческою кровью! Такъ впивайся жъ въ мое тѣло, гадъ отвратительный! Буду молчать; пока и замучишь меня, не услышишь ты, презрѣнный, какъ стонетъ гетманъ Сомко!

— Добре! ей Богу, добре! сказалъ тогда Кирило Туръ своимъ естественнымъ голосомъ, пряча ножъ за голенище. Ей Богу, мнѣ кажется, что я смычекъ, а всѣ люди скрып-

ки: какъ я поведу, такъ они и играютъ! Не жизнь я на свѣтѣ коротаю, а свадьбу играю.

— Чтò это? говоритъ Сомко. Неужели я отъ тоски начинаю бредить? Въ самомъ ли дѣлѣ ты Кирило Туръ, спрашиваю именемъ Божіимъ, или это мнѣ мара́ представляется?

Запорожецъ весело разсмѣялся.

— Еще и спрашиваетъ! сказалъ онъ, отбрасывая на спину кобенякъ. А какая жъ бестія, кромѣ Кирила Тура, пробралась бы къ тебѣ чрезъ три сторóжи? На всей гетманщинѣ только я одинъ умѣю очаровать всякаго такъ, что и самъ не знаетъ, чтò дѣлаетъ.

— Чтò жъ ты мнѣ скажешь?

— А вотъ чтò я тебѣ скажу. Давай-ко мѣняться на платье да вылѣзай изъ этой гадкой конуры. Тутъ только гадамъ жить, а не человѣку. Тамъ за городомъ подъ Бугаевымъ дубомъ ждетъ тебя такой же дурень, какъ и я,— паволочскій попъ съ сыномъ. Хотѣлъ было ѣхать уже обратно въ Паволочь; думалъ, что ты попался на вѣки чорту въ зубы; ѣхалъ спасать Паволочанъ. Тетера, видишь ли, пронюхалъ, чтò тутъ Шрамъ противъ него затѣваетъ, да и прижалъ Паволочанъ — тѣсно и жарко стало бѣднягамъ. Вотъ почему Шрамъ бросился было, какъ опаренный, на ту сторону; но я послалъ козака на перерѣзъ дороги. «Постой, говорю, пóпе! еще, можетъ-быть, мы воротимъ сокола изъ клѣтки». А тутъ и въ народѣ распустили мои братчики молву, что Сомко уже на волѣ, такъ сбирайтесь въ купы да ждите знака. Ты, можетъ быть, и не знаешь, что Иванца уже всѣ раскусили. Теперь только гукни по Украинѣ, такъ тысяча тысячу будетъ толкать да бѣжать къ твоей хоругви. Поднимутся и тѣ, чтò не были на черной радѣ. На раду вѣдь сползлась только вся дрянь изъ гетманщины, а добрые люди Иванцевымъ сорванцамъ не повѣрили. Потому-то Иванецъ и сдѣлалъ на радѣ все, чтò хотѣлъ. А съ Запорожья тожъ только одни разбойники вышли въ Украину, а чтò осталось въ Сѣчи добраго, все за тебя теперь станетъ. Только явись да вскрикни: «Кто за Сомка?..» Чтò жъ ты слушаешь молча, какъ будто я тебѣ сказку сказываю?

— Потому слушаю молча, что изъ всего этого мало будетъ добра! Много разлилъ христіанской крови Выговскій за это жалкое гетманованье; много и Юрусь погубилъ народу, добиваясь власти надъ обѣими сторонами Днѣпра; неужели же въ Украинѣ не уймется хоть на одинъ годъ литься христіанская кровь? Мало еще ея лилось! еще я начну земляковъ одного противъ другаго ставить! Иванецъ теперь съ козаками будетъ держаться крѣпко; чтобъ его сбить, надобно потерять десятки тысячъ народу; а для чего? для того только, чтобъ не Бруховецкій, а Сомко гетманствовалъ!

— Нѣтъ же, когда хочешь знать! воскликнулъ съ несвойственнымъ ему увлеченіемъ Кирило Туръ, — не для того только, чтобъ ты гетманствовалъ, а чтобъ правда взяла верхъ надъ неправдою!

— Возьметъ она верхъ и безъ насъ, братъ Кирило. Можетъ быть, Господь только для науки народу допустилъ торжествовать злодѣямъ. Видно, не льзя иначе довести людей до ума, какъ горемъ да бѣдою!

— Такъ, значитъ, ты совсѣмъ отрекаешься отъ своего гетманскаго права?

— А что жъ бы ты дѣлалъ на моемъ мѣстѣ? Были у меня и друзья, и пріятели, были полки и пушки, да Богъ не благословилъ мнѣ гетманствовать; *друзи мои и искренніи мои отдалече мене сташа и чуждахуся имене моего:* такъ чего жъ мнѣ идти противъ воли Божіей? Рука Его видимо на мнѣ отяготѣла....

— Шрамъ не такъ объ этомъ думаетъ.

— Не такъ думалъ и я, пока смерть не заглянула мнѣ въ глаза; а теперь иначе смотрю я на Божій міръ.

— Смотри себѣ ты на него, какъ хочешь; только все же, я думаю, у тебя въ головѣ осталось столько мозгу, чтобъ не сидѣть въ этой бойнѣ, когда тебѣ отворяютъ настежъ двери?

— Но какъ уйти, когда вокругъ сторо́жа?

— Эхъ, и ты разумная голова! Только надѣнь эту зашептанную видло́гу, то пройдешь сквозь огнь и воду, не то сквозь стражу!

— А цѣпи?

— Эге! а ты думаешь, я и позабылъ о нихъ! Худо жъ ты знаешь Кирила Тура. Я принесъ такой *разрывъ-травы*, что только приложу къ замкамъ, такъ и распадутся къ чорту. Дай-ко сюда ноги.

— Постой, братъ, я догадываюсь, что̀ ты замыслилъ. Скажи мнѣ, какъ ты выдешь отсюда безъ своего наряда?

— Что̀ тебѣ до меня? Ступай-ка сперва ты, а я себѣ найду дорогу и не изъ такой темницы...

— Нѣтъ, братъ, этого не будетъ! Пускай погибаетъ тотъ, кому Господь опредѣлилъ пострадать за правду; а чужою смертью я не куплю свободы.

— Смертью? Чортъ знаетъ, что̀ городитъ! Видно тутъ у тебя отъ сырости въ головѣ завернулось. Неужто ты думаешь, что я тутъ буду долго занимать твое мѣсто? нашелъ дурака! Я буду на волѣ завтра же утромъ...

— Какъ же ты вырвешься на волю сквозь всѣ эти запоры и сторо̀жи?

— Какъ? такъ, какъ повелитъ Господь... Ну, да ужъ объ этомъ не твоя забота. Развѣ ты не слыхалъ о нашихъ характѐрникахъ, что̀ намалюетъ на стѣнѣ лодку, сядетъ да и пошелъ какъ-будто по Днѣпру? А Кирило Туръ неужели глупѣе всѣхъ, чтобъ и себѣ не смастерить чего-нибудь подобнаго?

— Дивно мнѣ, какъ у тебя достаетъ охоты шутить, рѣшаясь на самую мучительную смерть? Что̀ ты мнѣ ни толкуй о своемъ характѐрствѣ, а я хорошо знаю, что только ножи Иванцовыхъ палачей выпустятъ тебя на волю.

— Эхъ, пане мой, пане! сказалъ Запорожецъ совсѣмъ другимъ противъ прежняго тономъ. Развѣ жъ вся наша жизнь не шутка? Помажетъ медомъ по губамъ, ты думаешь: вотъ-то гдѣ счастье! смотришь—все одна мана̀! Потому-то и бросаешь ее, куда ни попало. Но что̀ объ этомъ толковать? Нутко, давай помѣняемся нарядами.

— Нѣтъ, мой голубь! этого не будетъ.

— Какъ?.. Такъ это значитъ, я передъ Шрамомъ останусь брехуномъ? Я только и радовался, что вотъ таки докажу старому ворчуну, что и нашъ братъ Запорожецъ не

совсѣмъ ледащо; а ты у меня и послѣднюю радость отнимаешь?

— И будто все это ты затѣялъ только для оправданія себя передъ Шрамомъ?

— А для чего жъ бы еще? Ты, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ подумаешь, что у меня въ умѣ была, какъ говорятъ, отчизна: что вотъ, сказать, освобожу Сомка, а самъ положу голову за Украину: Сомко больше меня ей нуженъ. Ка'знає що! Такъ дѣлаютъ только тѣ, кто не понимаетъ даже и того, что своя сорочка къ тѣлу ближе. То, если бы пришлось мнѣ положить голову за жинку, за дѣтей; такъ это было бъ святое дѣло; сказано: какой отецъ своихъ дѣтей не любитъ! А то подставь подъ топоръ шею... а за что̀? Ха-ха-ха! Нашелъ же и ты дурака, пане гетмане! Въ Украинѣ такихъ простаковъ не слишкомъ много, а я не послѣдній между людьми!

— Охъ, голова ты моя милая! сказалъ Сомко. Ты и въ темницу вносишь ко мнѣ отрадный свѣтъ! Теперь мнѣ легче будетъ пострадать за правду: вижу теперь, что правда не у одного меня живетъ въ сердцѣ и не погибнетъ со мною въ Украинѣ! Простимся жъ, пока увидимся на томъ свѣтѣ!

Запорожецъ, весело усмѣхавшійся, нахмурился и на мгновеніе призадумался.

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, хочешь остаться въ этой бойнѣ?

— Я уже сказалъ, что чужою смертью не куплю себѣ свободы. А что̀ сказалъ я разъ, то и на вѣки останется неизмѣннымъ.

— Пускай же будетъ проклята та минута, что̀ вложила тебѣ въ душу такую безтолковую химеру! Вижу теперь, что тебя не переспоришь. Прощай! не замѣшкаюсь и я на этомъ свѣтѣ.

Обнялись и оба заплакали.

Вышедъ изъ темницы, Кирило Туръ снялъ съ себя охобень и бросилъ подъ ноги сторожамъ:

— Возьмите говоритъ, себѣ, Иродовы дѣти, за входъ

и выходъ. Знайте, что не палачъ проклятаго Иванца, а Кирило Туръ приходилъ навѣстить неповинную душу.

Потомъ, проходя мимо стоявшаго извнѣ сторожа, бросилъ ему подушку, которая служила ему горбомъ, и сказалъ:

— Возьми, собака, себѣ, чтобъ не спать на соломѣ, сторожа̀ праведную душу!

И вышелъ изъ за̀мка. Гетманскій перстень давалъ ему вездѣ свободный пропускъ.

Недалеко отъ за̀мка, подъ старой колокольнею, ожидалъ его съ лошадьми Богданъ Черногоръ. Онъ не зналъ, съ какимъ замысломъ Кирило Туръ оставлялъ его здѣсь, отправляясь въ за̀мокъ. Ему было сказано только, что онъ долженъ дать Турова коня тому, кто придетъ и скажетъ: *Ищи вѣтра въ полѣ!* А я, прибавилъ Туръ, ужъ рано или поздо соединюсь съ тобою.

Грустно было теперь Кирилу Туру садиться на коня, приготовленнаго для Сомка, а еще грустнѣе ѣхать къ Шраму съ извѣстіемъ, что Сомко не возвратится уже къ своимъ друзьямъ.

Шрамъ и его сынъ ожидали Сомка въ условленномъ мѣстѣ подъ старымъ дубомъ, въ урочищѣ Бабичо́вкѣ. Завидѣвъ издали скачущихъ отъ Нѣжина по полю козаковъ, воинственный попъ отъ нетерпѣнія и радости вскочилъ на коня и поскакалъ къ нимъ на встрѣчу. Но когда увидѣлъ, что Сомка нѣтъ, душа его наполнилась великою грустью. Нѣсколько разъ онъ удерживалъ готовый сорваться съ языка вопросъ, наконецъ выговорилъ почти шопотомъ:

— А гдѣ жъ Сомко?

— А ты въ самомъ дѣлѣ думалъ, отвѣчалъ Кирило Туръ что я освобожу его изъ дьявольскихъ когтей? Это я лишь бы тебя поморочить. Сказано: морочить людей—запорожская потѣха!

— Кирило! сказалъ Шрамъ, по твоему голосу я вижу, что ты самъ на себя клеплешь. Когда не удалось спасти его, то хоть разскажи, отъ чего не удалось! Охъ, Боже, Боже!

— А вотъ отъ чего. Сомко, коли хочешь знать, такой же дурень, какъ и мы съ тобою. Чужою, говоритъ, смертію,

не хочу покупать себѣ воли. Уже я ему и отчизну, уже я ему и правду совалъ подъ носъ, а онъ таки свое несетъ. Сказано: *дурню хоть колъ на головѣ теши.* Съ тѣмъ я и оставилъ его,—лучше бъ оставилъ тамъ свою голову!... Прощай!

— Что жъ теперь ты думаешь съ собою дѣлать?

— А что жъ? ужъ конечно не то, что ты. *Живый живé гадáе.* Думаю ѣхать сейчасъ къ Гвинтовкѣ да украсть еще разъ Черевановну. Видно, ужъ ей *на роду написано* не миновать моихъ рукъ, а мнѣ написано не миновать Черногоріи. Заживемъ тамъ съ нею припѣвая, не по вашему! Прощайте!

И поклонясь низко Шраму и его сыну, поворотилъ коня и поскакалъ съ своимъ побратимомъ къ хутору Гвинтовки. Но нагоняетъ его Петро.

— Чего еще отъ меня хочетъ этотъ бабій хвостъ? сказалъ Кирило Туръ, осаживая коня.

— Кирило! говоритъ Петро, у тебя душа добрая; обѣщай передать отъ меня два слова Черевановнѣ. Хоть она будетъ и твоею женою, къ мертвому не ревнуютъ. Мы съ отцемъ ѣдемъ не для жизни, а на вѣрную смерть.

— Добре! отвѣчалъ Кирило Туръ, передамъ. Что жъ ей сказать?

И тутъ же шепнулъ своему побратиму:

— Знаю напередъ: какую-нибудь любовную глупость.

— Скажи ей, говорилъ Петро, что я и на томъ свѣтѣ ея нé забуду!

— Видишь? шепнулъ Кирило Туръ Черногорцу, и отвѣчалъ Петру:

— Добре, скажу.

— Ну, прощайте жъ, братцы, на вѣки!

— Прощай, братъ, да не забудь и меня на томъ свѣтѣ.

И разъѣхались въ разныя стороны. Тогда Кирило Туръ засмѣялся и говоритъ:

— Какъ мы заблаговременно распоряжаемся тѣмъ свѣтомъ! А тамъ, можетъ быть, черти такъ прижарятъ, что вся любовная дрянь изъ головы вылетитъ!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Полягла́ коза́цька молоде́цька голова́,
Якъ одъ вітру на степу́ трава́;
Сла́ва не вмре, не полу́же —
Рыца́рство коза́цьке вся́кому роска́же:

Народная дума.

Теперь слѣдовало бы мнѣ изобразить дальнѣйшія похожденія Паволочскаго попа-полковника; но они, не развивая идеи Черной Рады, составляютъ отдѣльную повѣсть. Довольно припомнить о нихъ то, что̀ записано въ лѣтописяхъ. Шрамъ до конца остался героемъ, какихъ бываетъ мало. Заставши Паволочь въ осадѣ, онъ добровольно отдался въ руки Тетерѣ, и принялъ на себя всю вину сопротивленія своихъ полчанъ. Его судили и приговорили къ смерти. И Шрамъ мужественно положилъ голову на плаху, радуясь, что смертію своею спасаетъ родной городъ отъ раззоренія. Тетера, удовлетворя своей мести, отступилъ и оставилъ Паволочь въ покоѣ.

Почти въ тоже время казнили въ Борзнѣ Сомка и Васюту. Ихъ приверженцы сосланы въ ссылку. Бруховецкій былъ всемогущъ; Украина пріуныла; все трепетало новой старшины козацкой; Запорожцы вездѣ распоряжались чужою собственностью, какъ своею. Такова-то была та хваленая, поэтическая и геройская старина, о которой иные такъ простодушно вздыхаютъ!

Я могъ бы здѣсь и кончить печальную повѣсть свою о Черной Радѣ, но считаю себя обязаннымъ сказать нѣсколько словъ о судьбѣ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Отправя скорбную тризну по своемъ отцѣ, Петро не долго оставался въ Паволочи. Какъ ни глубока была его сыновняя горесть, но она поглотила не всѣ его чувства; безпокойство объ участи Леси сильно томило его душу. Ему какъ-то не вѣрилось, чтобъ онъ никогда больше не увидѣлъ ея. Даже, разбирая теперь спокойнѣе характеръ причудливаго Кирила Тура и всѣ его поступки, онъ находилъ въ нихъ противорѣчіе съ послѣднимъ поворотомъ его

сердца. Коротко сказать — онъ выѣхалъ изъ Паволочи и направился прямо къ Хмари́цу, почти въ полной увѣренности, что его Леся тамъ. Увѣренность эта однакожъ сильно поколебалась, когда подъѣзжалъ онъ къ Череваневу хутору.

Ворота во дворъ были отперты. Ихъ не охранялъ уже Василь Невольникъ.

— Видно никто сюда не возвратился! подумалъ Петро, и съ стѣсненнымъ сердцемъ спѣшилъ къ хатѣ.

Цвѣты вокругъ криницы заросли бурьяномъ и засохли. Это привело моего козака въ совершенное отчаяніе.

Вдругъ чей-то голосъ заставилъ его вздрогнуть и остановиться. Это былъ голосъ Леси. Она все еще напѣвала пѣсню, но уже не ту, что̀ прежде; теперь ни нѣга, ни любовная грусть не отзывались въ ея голосѣ; пѣсня ея была уныла, какъ свистъ осенняго вѣтра между деревьями.

Задыхаясь отъ волненія, Петро спѣшитъ къ хатѣ.

Отворилъ дверь—и видитъ свою Лесю, и съ нею ея мать почти въ томъ же положеніи и за тѣми жъ занятіями, какъ и въ оный памятный для него вечеръ.

— Боже мой! воскликнула Череваниха, всплеснувъ руками. А Леся, увидя неожиданно передъ собой своего возлюбленнаго, не могла произнести ни слова.

Череваниха обняла теперь Петра, какъ сына, и долго цѣловала. Потомъ онъ подступилъ и къ Лесѣ, но уже безъ всякой робости и смущенія. А она, въ радости, забывъ все на свѣтѣ, обняла его и залилась слезами на его груди. И долго всѣ не могли успокоиться, — плакали, смѣялись, разспрашивали, и никто не понималъ отрывистыхъ отвѣтовъ.

Суматоха еще больше увеличилась, когда ввалился въ хату Черевань. Заслышавши изъ свѣтлицы знакомый голосъ, онъ бѣгомъ пустился въ пекарню, съ трудомъ перевалился черезъ порогъ и отъ восторга ничего не могъ выговорить; только: *бгатику! бгатику!* и бросился съ распростертыми руками къ гостю. Обнималъ, цѣловалъ его и хотѣлъ что̀-то сказать, и все только: *бгатику!* и ничего больше.

Когда же всѣ немного успокоились, Череваниха посадила Петра на лавкѣ, и сама сѣла возлѣ него, а Леся сѣла по другую сторону, и обѣ держали его за руки.

— Ну, разскажи жъ намъ теперь, Петрусь, сказала Череваниха, какъ это тебя спасъ Господь отъ смерти. А намъ сказали, будто и ты съ пан'отцемъ отдалъ Богу душу.

Между тѣмъ Черевань все мѣрялся, какъ бы ему такъ помѣститься, чтобъ поближе было слушать; садился онъ и возлѣ жены, и возлѣ дочери, но все таки казалось ему далеко до разскащика! наконецъ придумалъ позицію, которою остался доволенъ: сѣлъ на полу противъ Петра, поджавши по турецки ноги.

И Петро началъ разсказывать имъ со всѣми подробностями похожденія свои съ самаго того времени, какъ разстались они съ Череванемъ подъ Нѣжиномъ. Часто онъ былъ прерываемъ то вопросами, то горестными восклицаніями; когда жъ дошелъ до прощанья своего съ отцемъ, Черевань такъ и захлипалъ, и одной рукой закрылъ глаза, а другой удерживалъ Петра, чтобъ остановился и далъ ему переплакать. Женщины также плакали, и всѣ они общею горестью слились въ одно сердце и въ одну душу. И тяжело было имъ, и вмѣстѣ радостно.

— Разскажите жъ, сказалъ Петро, теперь вы мнѣ, какъ вырвались вы изъ запорожскихъ лапъ и добрались до Хмари́ща?

— Вырвались? отвѣчала Череваниха. Скажи лучше: какъ Запорожцы насъ вырвали изъ добрыхъ рукъ, въ которыя мы было попались? Почтенный мой братецъ, возвратившись съ рады, взялъ насъ совсѣмъ подъ свою опеку и чуть было уже не просваталъ Лесю за какого-то разбойника; какъ въ тотъ же вечеръ, поздно, ѣдетъ на дворъ Кирило Туръ, а за нимъ съ десятокъ Запорожцевъ. Показалъ моему брату какой-то перстень: «Отдавай, говоритъ, мнѣ Череваня со всѣмъ гнѣздомъ его».—«Для чего? куда?» —«Велѣлъ гетманъ забрать и везти сію минуту въ Гадячъ. Видно, говоритъ, Черевановнѣ на роду написано быть за гетманомъ». Мы такъ и обомлѣли

—Такъ, такъ, братъ! подтвердилъ Черевань. Я уже думалъ, что въ самомъ дѣлѣ придется мнѣ породниться съ собакою.

— Стали просить мы Кирила Тура, продолжала Череваниха, такъ и не смотритъ, и не слушаетъ. Впрягли въ рыдванъ лошадей, Василя Невольника посадили возницею и помчали насъ со двора. Мы плачемъ, горюемъ, а Кирило Туръ тогда: «Не плачьте, глупыя головы! вамъ надобно радоваться, а не плакать; не въ Гадячъ я васъ везу, а въ Хмарище»! Мы давай благодарить; а онъ: «Что̀ мнѣ такая благодарность? тогда меня поблагодарите, когда стану съ вашею кралею на рушникѣ!» Мы опять такъ и помертвѣли! Думали, что у него въ самомъ дѣлѣ такая думка въ сердцѣ. Да уже, когда привезли насъ въ Хмарище, тогда вражій Запорожецъ засмѣялся да и говоритъ: «А вы въ правду думали, что и я такъ глупъ, какъ какой-нибудь Петрусь! Нехай вамъ цуръ, вражимъ бабамъ! отъ васъ все лихо на землѣ происходитъ. Варите лишь вечерять; намъ далека еще дорога!»

— Куда жъ это была дорога? спросилъ Петро.

— Въ Черногорію, братику! отвѣчалъ Черевань. Исполнилъ таки свое слово Кирило Туръ, что все бывало хвалился Черногоріею. За вечерею онъ все мнѣ разсказалъ. Напились такъ вражьи Запорожцы, что и повалились покотомъ на травѣ въ саду. Я думалъ, завтра еще будутъ у меня похмѣляться; встаю утромъ, а ихъ и слѣдъ простылъ. Такой народъ! Такъ говорилъ мнѣ вотъ что̀ Кирило Туръ за вечерею: «Я, говоритъ, всѣми силами старался направить еще въ Сѣчи своихъ братчиковъ на добрую дорогу; но что̀ жъ, когда Иванцу самъ чортъ помогаетъ? Уже я чего не дѣлалъ, на какія хитрости не подымался! ничто не помогло. Тогда, говоритъ, вижу, что все идетъ къ чорту, и о ста головахъ не выдумаешь Сомку помощи, махнулъ рукою да и бросилъ на вѣки Запорожье, чтобъ ничего не видѣть и не слышать. Хотѣлъ, говоритъ, было, помолившись въ Кіевѣ Богу, бросить совсѣмъ Украину, такъ тутъ нечистый подсунулъ вашу кралю.... Теперь уже, говоритъ, пойте Сомку вѣчную память: не сегодня, такъ завтра ему отъ Иванца аминь». И, повѣришь ли, братику? когда раз-

сказывалъ онъ про Сомка, то будто и усмѣхается, а слеза въ ложку только капъ!

— Какъ же онъ оставилъ сестру и мать?

— Мы и про нихъ у него разспрашивали, сказала Черепаниха, и журили его, какъ таки оставить ихъ сиротами на вѣки? такъ говоритъ: «Что̀ козаку мать да сестра? война съ невѣрными—наша мать, а булатная сабля—наша сестра! Оставилъ я, говорить, имъ на прожитье денегъ, будетъ съ нихъ, пока живы; а Запорожца создалъ Господь не для бабъ!» Такой причудникъ!

Въ такихъ разговорахъ бѣжали незамѣтно часы и минуты. Само собою разумѣется, что Петро не позабылъ освѣдомиться и о Василѣ Невольникѣ. Ему отвѣчали, что онъ уѣхалъ въ городъ на рынокъ и будетъ къ обѣду.

Дѣйствительно, передъ обѣдомъ Василь Невольникъ показался въ саду на дорожкѣ, ведя за собою Божьяго Человѣка. Радости его выразить не возможно: со всѣхъ сторонъ онъ заходилъ къ Петру, разставивъ врозь руки, пожималъ плечами, и, казалось, глазамъ своимъ не вѣрилъ. А Божій Человѣкъ только усмѣхался, ощупывая Петра.

Говоръ зашумѣлъ тогда еще веселѣе. Леся звенѣла своимъ голоскомъ, обращаясь безпрестанно къ гостю свободно, какъ къ родному брату.

Послѣ обѣда Божій Человѣкъ услаждалъ все общество своими пѣснями; когда жъ началъ сбираться въ безконечную свою дорогу, Петро положилъ ему мѣшокъ золота за пазуху, на выкупъ невольниковъ, за упокой души своего пан'отца.

— Грустно мнѣ, сказалъ Петро Божьему Человѣку, что въ свѣтѣ злодѣй пануетъ, а добрымъ людямъ за труды и за горести нѣтъ никакой награды!

— Не говори такъ, сынку, отвѣчалъ Божій Человѣкъ. Всякому на свѣтѣ своя кара и своя награда.

— Отъ чего жъ Иванецъ торжествуетъ, а Сомко и мой пан'отецъ выпили горькую?

— Иванца Богъ грѣхомъ уже покаралъ (¹). А праведному человѣку какой награды желать въ этомъ мірѣ? Тет-

(1) Никогда я не забуду, какъ поразилъ меня такимъ отвѣтомъ банду-

манства, богатства, или торжества надъ врагомъ? Только дѣти гоняются за такими цацками; кто жъ хоть немного вышелъ изъ ребячества, тотъ ищетъ своей душѣ инаго блага.... Нѣтъ, говоришь, награды! За что̀ награды? За то, что у меня душа лучше, нежели у тысячи моихъ ближнихъ? А въ этомъ развѣ мало милости Божіей? мало милости, что моя душа смѣетъ и возможетъ то, чего другому не придетъ и въ голову? Иной еще скажетъ, что такой человѣкъ, какъ твой покойный отецъ, гоняется за славою! Суета суетъ! Слава нужна міру, а не тому, кто славенъ. Міръ пускай учится добру, слушая, какъ жертвовали жизнью за общее благо; а славному слава у Бога!

Сказавши это, Божій Человѣкъ замолчалъ и склонилъ задумчиво голову. И всѣ слушатели призадумались отъ его слова. Потомъ повѣсилъ черезъ плечо бандуру, поклонился на три стороны и ушелъ изъ хаты. Василь Невольникъ проводилъ его до самой Паволочской дороги.

А Петро остался у Череваня, какъ въ собственной семьѣ своей. Черевань замѣнилъ ему отца, а Череваниха стала для него родною матерью. О Лесѣ хоть и не говорить уже. Лишнимъ также было бы разсказывать и о томъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стали въ Хмарищѣ думать о свадьбѣ, и не успѣла наступить весна, не успѣли по-прежнему расцвѣсти вишни и цвѣты въ саду, а уже Петро и Леся были обвѣнчаны.

Такимъ образомъ вся буря смутной тогдашней годины прошла для нихъ, какъ во снѣ. Такъ иногда разразится надъ цвѣтущею природою сокрушительная гроза; грохочетъ громъ, бушуетъ вѣтеръ; буря ломаетъ деревья, исторгаетъ съ корнями дубы и березы: но чему суждено рости и цвѣсти, то все уцѣлѣетъ и будетъ красоваться весело и пышно, какъ будто никогда и грозы не видало.

ристъ, воспѣвшій въ думѣ безнаказанное злодѣйство. *Ихъ Богъ гріхо́мъ ужé покарáвъ!* Какой глубокій смыслъ народной философіи! Кстати замѣчу, что многое въ этомъ сочиненіи написано цѣликомъ со словъ народа (разумѣется, въ подлинникѣ, а не въ переводѣ).

ОБЪ ОТНОШЕНІИ

МАЛОРОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ КЪ ОБЩЕ-РУССКОЙ.

ЭПИЛОГЪ КЪ «ЧЕРНОЙ РАДѢ.»

«Черная Рада» написана мною сперва на южно-русскомъ или малороссійскомъ языкѣ. Здѣсь напечатанъ вольный переводъ этого сочиненія. Въ переводѣ есть мѣста, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, а въ подлинникѣ осталось многое, не вошедшее въ переводъ. Это произошло, какъ отъ различія духа обѣихъ словесностей, такъ и отъ того, что, сочиняя подлинникъ, я стоялъ на иной точкѣ воззрѣнія, а въ переводѣ я смотрѣлъ на предметъ, какъ человѣкъ извѣстной литературной среды. Тамъ я по возможности подчинялся тону и вкусу нашихъ народныхъ рапсодовъ и разскащиковъ; здѣсь я оставался писателемъ установившагося литературнаго вкуса. Думаю, что отъ этого подлинникъ и переводъ, изображая одно и то же, представляютъ, по тону и духу, два различныя произведенія. Какъ бы то ни было, только считаю не лишнимъ объяснить, почему русскій писатель нашего времени, для изображенія малороссійскихъ преданій, нравовъ и обычаевъ, обратился къ языку, неизвѣстному въ Сѣверной Россіи и мало распространенному въ читающей южной-русской публикѣ.

Книга моя, появясь въ свѣтъ не на общепринятомъ литературномъ языкѣ, можетъ ввести многихъ въ заблужденіе на счетъ понятій и цѣли автора. Вообразятъ, пожалуй, что

я пишу подъ вліяніемъ узкаго мѣстнаго патріотизма, и что мною управляетъ желаніе образовать отдѣльную словесность, въ ущербъ словесности обще-русской. Для меня были бы крайне обидны подобныя заключенія, и потому я рѣшился предупредить ихъ объясненіемъ причинъ, заставившихъ меня избрать языкъ южно-русскій для художественнаго возсозданія лѣтописныхъ нашихъ преданій.

Когда Южная Русь, или, какъ обыкновенно ее называютъ, Малороссія, присоединилась къ Сѣверной или Великой Россіи, умственная жизнь на Сѣверѣ тотъ часъ оживилась притокомъ новыхъ силъ съ юга, и потомъ Южная Русь постоянно уже принимала самое дѣятельное участіе въ развитіи сѣверно-русской литературы. Извѣстно каждому, сколько малороссійскихъ именъ записано въ старыхъ лѣтописяхъ русской словесности. Люди, носившіе эти имена, явились на сѣверъ съ собственнымъ языкомъ, каковъ бы онъ ни былъ—чистый южно-русскій, или, какъ утверждаютъ нѣкоторые, полу-польскій, живой народный, или черствый академическій,—и ввели этотъ языкъ въ тогдашнюю русскую словесность, какъ рѣчь образованную, освоенную съ обще-европейскою наукою и способную выражать ученыя и отвлеченныя понятія. Природные Москвичи оставили языкъ своихъ разрядныхъ книгъ и грамотъ для этой рѣчи, и въ Россійскомъ государствѣ, мимо народнаго сѣверно и народнаго южно-русскаго языковъ, образовался языкъ, составляющій между ними средину и равно понятный обоимъ русскимъ племенамъ. Дойдя до извѣстной степени ясности и полноты, онъ началъ очищаться отъ старыхъ, выкованныхъ въ школахъ и чуждыхъ народному вкусу, словъ и оборотовъ, замѣняя ихъ словами и оборотами языка живаго, которымъ говоритъ народъ, — и тутъ притокъ сѣверно-русскаго элемента въ литературный языкъ сдѣлался почти исключительнымъ. Въ свою очередь Малороссіяне отреклись отъ природнаго языка своего, и, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, разливавшимся по имперіи изъ двухъ великихъ жерлъ, Москвы и Петербурга, усвоили себѣ формы и духъ языка сѣверно-русскаго.

Казалось бы, этимъ поворотомъ взаимныхъ племенныхъ

вліяній должно было завершиться развитіе литературнаго языка въ Россіи; но на дѣлѣ вышло, что силы творящаго русскаго духа еще далеко не всѣ пришли въ соприкосновеніе. Въ то время, когда Пушкинъ довелъ русскій стихъ до высочайшей степени совершенства, до nec plus ultra пластики и гармоніи, — изъ глубины степей Полтавскихъ является на сѣверѣ писатель, съ поверхностнымъ школьнымъ образованіемъ, съ неправильною рѣчью, съ уклоненіями отъ общепринятыхъ законовъ литературнаго языка, явно происходящими отъ недостаточнаго знакомства съ нимъ, является, и поклонники изящнаго, отчетливаго, гармоническаго Пушкина заслушались степныхъ рѣчей его.... Что̀ это значить? Это значитъ, что Пушкинъ владѣлъ еще не всѣми сокровищами русскаго языка, что у Гоголя послышалось русскому уху что-то родное и какъ бы позабытое отъ временъ дѣтства; что вновь открылся на землѣ русской источникъ слова, изъ котораго наши сѣверные писатели давно уже перестали черпать....

Судя по сходству древнихъ обычаевъ у Великороссовъ и Малороссіянъ, надобно думать, что въ глубокую старину вся Русь говорила однимъ и тѣмъ же языкомъ, или очень сходными между собою нарѣчіями; и, вѣроятно, русское слово было развито до лучшихъ своихъ формъ преимущественно въ той странѣ, которая была тогда средоточіемъ силы народной, — въ землѣ Кіевской. Чѣмъ дальше отъ этой страны, тѣмъ рѣзче должны были быть областныя отличія и уклоненія отъ собственно южно-русскаго слова, что̀ и отразилось частію въ сѣверно-русскихъ лѣтописяхъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, языкъ земли Кіевской долженъ былъ служить образцомъ для всего первобытнаго русскаго міра. Но, въ слѣдствіе политическихъ переворотовъ, гражданственность мало по малу ослабѣла въ предѣлахъ древняго Кіевскаго княжества, и Русскій народъ развилъ свои государственныя силы преимущественно на сѣверѣ — сперва во Владимірѣ на Клязьмѣ, а потомъ въ Москвѣ. Здѣсь древній русскій языкъ, каковъ бы онъ ни былъ во времена Владиміра и Ярослава, пошелъ къ развитію особеннымъ путемъ, такъ какъ онъ началъ вбирать въ себя пищу изъ

особенной народной почвы, при особенныхъ государственныхъ и общественныхъ обстоятельствахъ. Московская земля является сильнымъ, все къ себѣ притягивающимъ царствомъ, и, создавая новыя формы жизни, создаетъ языкъ, выражающій эти формы. Такъ онъ достигаетъ той степени развитія, на которой застали его, присоединясь къ сѣверно-русскому народу, разрозненные съ нимъ Татарами южные Русичи.

Что же дѣлали *они* съ языкомъ своимъ во все время разлуки съ Русью Сѣверною? Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, не обинуясь, утверждали, что они позабыли *настоящую русскую рѣчь*, поддавшись вліянію польскаго языка, который-де, смѣшавшись съ языкомъ южныхъ Русичей, произвелъ смѣсь, называющуюся нынѣ языкомъ малороссійскимъ. Выходитъ такъ, какъ-будто малороссійскій языкъ произошелъ отъ польскаго. Но памятники южно-русской народной словесности, безпрестанно открываемые этнографами, приводятъ къ важному въ этомъ случаѣ вопросу — который изъ двухъ языковъ могъ быть отцомъ другаго: тотъ ли, который имѣетъ богатыя красотами пѣсни народныя, захватившія въ себя этнографическіе и религіозные факты изъ глубочайшей языческой древности, или тотъ, который такихъ пѣсень не имѣетъ? Польскій языкъ не только бѣднѣе народными произведеніями, но и моложе южно-русскаго; и, если мы находимъ въ нынѣшнемъ малороссійскомъ языкѣ слова польскія, то это значитъ, что они были заимствованы самими Поляками у южныхъ Руссовъ и сдѣлались общими обоимъ племенамъ ([1]). Не позабылъ южно-русскій народъ того языка, на которомъ говорили князья и дружины ихъ: ибо онъ продолжалъ жить собственною жизнью мимо ханскихъ баскаковъ и Литвиновъ, которымъ не было никакого дѣла до его нравовъ и языка. Заимствованное однимъ народомъ отъ другаго носитъ признаки своего первообраза и непремѣнно уступаетъ ему въ силѣ и

(1) Разумѣю слова, составляющія красоту а не безобразіе языка, — слова, которыми любятъ выражаться наши народныя пѣсни и поэты, а не тѣ, которыя случается слышать отъ людей, носящихъ на себѣ иногда очень грустные отпечатки чуждой національности.

красотѣ; а здѣсь случилось напротивъ. Польская народная словесность, даже во мнѣніи самыхъ горячихъ ея приверженцевъ, далеко отстаетъ отъ малороссійской въ силѣ, разнообразіи, блескѣ и пластической красотѣ созданій. Какъ же у насъ на Руси можетъ существовать мнѣніе, что эта бѣдная словесность родила богатую? Много есть этому причинъ; но я укажу только на одну: что ученые наши— и именно историки и филологи—по большей части удалены своею жизнью отъ непосредственнаго изученія народа, и особенно южно-русскаго, что они по необходимости повторяютъ одинъ другаго, и что—ко вреду науки—есть между ними такіе, которые думаютъ играть роль русскихъ патріотовъ, унижая одно русское племя передъ другимъ. Какія же послѣдствія такой недостаточности живыхъ наблюденій, и къ чему ведетъ эта племенная исключительность воззрѣнія на Русь? Съ одной стороны, это поселяетъ въ довѣрчивомъ къ авторитетамъ юношествѣ пренебреженіе къ предмету, достойному самаго прилежнаго, спеціальнаго изученія, съ другой—питаетъ чувство племеннаго отчужденія, выражающееся у Малороссіянъ или равнодушіемъ ко всему, что не-малороссійское, или безобразными каррикатурами дѣйствительности (1). Можетъ быть, кто нибудь и выигрываетъ отъ такого положенія дѣлъ, только не общество. Для общества нужна любовь, а гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и успѣховъ жизни. Поэтому тѣ изъ нашихъ *ученыхъ*, которые, изъ простодушнаго или притворнаго патріотизма, ограничиваютъ кругъ спеціальнаго изученія народа и его рѣчи такъ называемымъ *настоящимъ русскимъ человѣкомъ*, отчуждая, въ слѣпотѣ своей, отъ участія въ дѣлѣ самопознанія и самовыраженія многіе милліоны южнаго русскаго племени,—дѣйствуютъ противъ успѣховъ нравственнаго развитія Россіи.

---

(1) Укажу на нѣкоторыя мѣста въ разсказѣ Основьяненка: *Солдатскій Портретъ*, на тѣ сочиненія Гребенки, въ которыхъ являются дѣйствующими лицами Великороссіяне, и наконецъ на самыя «Мертвыя Души» Гоголя, въ которыхъ русскіе мужики изображены, по моему, *каррикатурно-вѣрно*, но далеко неудовлетворительно со стороны глубокой внутренней связи, какая должна существовать между писателемъ и народомъ.

Къ счастью природа русскаго человѣка сильнѣе заблужденій ученыхъ и неученыхъ фанатиковъ, и какъ бы ни подавляли ее мертвящія вліянія людей безъ сердца и безъ истиннаго разума, при благопріятныхъ обстоятельствахъ она снова получаетъ свою жизненность. Съ нѣкотораго времени въ южно-русскомъ образованномъ обществѣ начала пробуждаться любовь къ родной поэзіи и родному языку, — но отнюдь не въ слѣдствіе общаго движенія Славянскихъ племенъ къ своенародности, какъ полагаютъ нѣкоторые, движенія, сравнительно очень недавняго. Эта любовь выразилась произведеніями, которыя не имѣютъ большой цѣны на нынѣшній нашъ взглядъ, но которыхъ вліяніе на обще-русскую литературу оказалось благотворнымъ. Гоголь отъ своего отца, автора и актера нѣсколькихъ драматическихъ пьесъ на малороссійскомъ языкѣ, получилъ первое побужденіе къ изображенію малороссійской жизни въ повѣстяхъ. Кругъ людей, въ который онъ попалъ по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и вліяніе окружавшихъ его личностей указали ему формы рѣчи, въ которыхъ его созданія могли быть доступны обществу: онъ началъ писать по-великорусски. Многіе изъ Малороссіянъ сожалѣютъ, что онъ не писалъ на родномъ языкѣ; но я нахожу это обстоятельство одною изъ счастливѣйшихъ случайностей. По своему воспитанію и по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, онъ не могъ владѣть малороссійскимъ языкомъ въ такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждомъ шагу въ своемъ творчествѣ, за недостаткомъ формъ и красокъ. Каковъ бы ни былъ его талантъ, но, при этомъ условіи, онъ имѣлъ бы слабое вліяніе на своихъ соплеменниковъ, а на великорусское общество никакого. Но, заговоривъ о Малороссіи на обще-доступномъ для обоихъ племенъ языкѣ, онъ, съ одной стороны, показалъ своему родному племени, что̀ у него есть и было прекраснаго, а съ другой—открылъ для Великороссіянъ своехарактерный и поэтическій народъ, извѣстный имъ дотолѣ въ литературѣ только по каррикатурамъ. Судя строго, малороссійскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ въ себѣ этнографической и исторической истины,

но въ нихъ чувствуется общій поэтическій тонъ Малороссіи. Онѣ подходятъ ближе къ нашимъ народнымъ пѣснямъ, нежели къ самой натурѣ, которую отражаютъ въ себѣ эти пѣсни. Не льзя сказать, чтобы произведенія Гоголя объяснили Малороссію, но они дали новое, сильное побужденіе къ ея объясненію. Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать родное племя въ его прошедшемъ и настоящемъ. Онъ брался за исторію Малороссіи, за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ, и кончилъ все это «Тарасомъ Бульбою», въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній о малороссійской старинѣ и необыкновенный даръ *пророчества въ прошедшемъ.* Перечитывая теперь «Тараса Бульбу», мы очень часто находимъ автора въ потемкахъ; но гдѣ только пѣсня, лѣтопись, или преданіе бросаютъ ему искру свѣта,—съ непостижимой зоркостью пользуется онъ слабымъ ея мерцаніемъ, чтобъ распознать сосѣдніе предметы. И при всемъ томъ «Тарасъ Бульба» только поражаетъ знатока случайной вѣрностью красокъ и блескомъ зиждущей фантазіи, но далеко не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истины. Здѣсь опять многіе изъ Малороссіянъ сожалѣютъ, что Гоголь не продолжалъ изучать Малороссіи и не посвятилъ себя художественному воспроизведенію ея прошедшаго и настоящаго; и опять я въ его стремленіи къ великорусскимъ элементамъ жизни вижу счастливѣйшій инстинктъ генія. Въ его время не было возможности знать Малороссію больше, нежели *онъ* зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ *мы*, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь. Но если предположить, что Гоголь вдался бы въ разработку малороссійскихъ архивовъ и лѣтописей, въ собраніе пѣсенъ и преданій, въ разъѣзды по Малороссіи, съ цѣлью видѣть собственными глазами жизнь настоящую, по которой можно заключать о прошедшей,—наконецъ, въ изученіе политическихъ и частныхъ международныхъ связей Польши, Россіи и Малороссіи; то приготовленія къ художественному труду поглотили бы всю его дѣятельность, и, можетъ быть, мы ничего бы отъ него не дождались. Напротивъ, обра-

тясь къ современной великорусской жизни, онъ дохнулъ свободнѣе; матеріалы у него были всегда подъ рукою, и только сознаніе недостаточности собственнаго саморазвитія останавливало его творчество. Всё таки онъ оставилъ намъ памятникъ своего таланта въ нѣсколькихъ повѣстяхъ, комедіяхъ и, наконецъ, въ «Мертвыхъ Душахъ», этой великой попыткѣ произвесть нѣчто колоссальное. Приверженцы развитія малороссійскихъ началъ въ литературѣ ничего въ немъ не потеряли, а всѣ Русскіе вообще выиграли. Да развѣ мало малороссійскаго вошло въ «Мертвыя Души»? «Сами Москвичи признаютъ, что, не будь Гоголь Малороссіяниь, онъ не произвелъ бы ничего подобнаго (1). Но созданіе «Мертвыхъ Душъ», или, лучше сказать, стремленіе къ созданію (выраженное Гоголемъ въ «Авторской Исповѣди» и во множествѣ писемъ), имѣетъ другое, высшее значеніе. Гоголь, уроженецъ Полтавской губерніи, той губерніи, которая была поприщемъ послѣдняго усилія извѣстной партіи Малороссіянъ (приверженцевъ Мазепы) разорвать государственную связь съ народомъ Великорусскимъ, поэтъ, воспитанный украинскими народными пѣснями, пламенный до заблужденій *бардъ* козацкой старины, возвышается надъ исключительною привязанностью къ родинѣ и загарается такой пламенной любовью къ нераздѣльному Русскому народу, какой только можетъ желать отъ Малоросса уроженецъ сѣверной Россіи. Можетъ быть, это самое великое дѣло Гоголя, по своимъ послѣдствіямъ, и, можетъ быть, въ этомъ-то душевномъ подвигѣ болѣе, нежели въ чемъ-либо, оправдается зародившееся въ немъ еще съ дѣтства предчувствіе, что онъ сдѣлаетъ что-то для общаго добра (2). Со временъ Гоголя взглядъ Великороссовъ на натуру Малороссіянина перемѣнился: почуяли въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильною жизнію, и, можетъ быть,

(1) См. «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: «Мертвыя Души», К. Аксакова. Москва, 1842 года, стр. 17—18.

(2) См. «Авторскую Исповѣдь», въ «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» т. III, стр. 500.

предназначается судьбою къ восполненію духовной натуры сѣверно-русскаго человѣка. Поселивъ это убѣжденіе въ русскомъ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ, болѣе патріотическій, нежели тѣ люди, которые славятъ въ своихъ книгахъ одну сѣверную Русь и чуждаются южной. Съ другой стороны Малороссіяне, призванные имъ къ сознанію своей національности, имъ же самимъ устремлены къ любовной связи ея съ національностью сѣверно-русскою, которой величіе онъ почувствовалъ всей глубиной души своей и заставилъ насъ также почувствовать. Назначеніе Гоголя было внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ племенъ, связанныхъ матеріально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоразумѣніями и недостаткомъ взаимной оцѣнки (1).

Я сказалъ, что малороссійскія произведенія Гоголя дали побужденіе къ объясненію Малороссіи, и сказалъ это не безъ основанія. Все, что было до него писано о Малороссіи на обоихъ языкахъ, сѣверно и южно-русскомъ, безъ него, не могло бы произвести того движенія въ умахъ, какое произвелъ онъ своими повѣстями изъ малороссійскихъ нравовъ и исторіи. « Тарасъ Бульба », построенный на сказаніяхъ Конискаго и Боплана, сообщилъ этимъ писателямъ новый интересъ. Въ нихъ начали искать того, что осталось незахваченнымъ козацкою поэмой Гоголя, и сохраненныя ими преданія старины получили для ума и воображенія прелесть волшебной сказки. Это очарованіе разлилось и на другія лѣтописи, которыхъ до тѣхъ поръ не замѣчали за Конискимъ. Приведеніе ихъ въ извѣстность повело къ сличенію; открытыя противорѣчія родили потребность узнать истину. Наступилъ моментъ исторической разработки, до котораго далеко еще было автору « Тараса Бульбы », какъ

---

(1) Имена Шекспира, Байрона, Вальтера Скотта связываютъ въ одинъ народъ Англичанъ и Шотландцевъ, разсѣянныхъ по всему свѣту. Имя Гоголя равно драгоцѣнно для Великороссіянина и Малоросса. Русская литература, со временъ Гоголя, сдѣлалась родственнѣе для Малороссіянъ: они въ ней увидѣли себя, въ настоящемъ и прошедшемъ. Съ другой стороны Великороссіяне, посредствомъ сочиненій Гоголя, какъ бы вновь узнали полюбили и пріобрѣли душою Малороссію.

это всего лучше доказываетъ современная этому произведенію статья Пушкина о Конискомъ (въ «Современникѣ» 1836 года), въ которой нѣтъ и намека на его недостатки со стороны фактической вѣрности. Открыта мною и издана профессоромъ Бодянскимъ «Лѣтопись Самовидца», неимѣющая ничего себѣ равнаго между малороссійскими лѣтописями. Новый взглядъ на исторію козацкой Малороссіи началъ проявляться въ печатныхъ и рукописныхъ сочиненіяхъ. Недовѣрчивость къ собственнымъ источникамъ, возбужденная всего больше упомянутой лѣтописью, заставила насъ обратиться къ источникамъ польскимъ. Живыя сношенія знатоковъ родныхъ преданій съ безпристрастными польскими учеными, и преимущественно съ покойнымъ графомъ Свидзинскимъ и Михаиломъ Грабовскимъ, утвердили въ южно-русскихъ писателяхъ здравыя понятія объ историческихъ явленіяхъ на Украйнѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Съ другой стороны, профессоръ Бодянскій издалъ знаменитую лѣтопись Конискаго, или «Исторію Руссовъ», которая составляла настольную рукопись каждаго почитателя памяти предковъ въ Малороссіи, и то, что было ужъ рѣшено и обсужено на счетъ ея между южно-русскими учеными, но не было еще высказано печатно, по случайнымъ обстоятельствамъ, — высказано московскимъ профессоромъ Соловьевымъ въ «Очеркѣ Исторіи Малороссіи». Съ Конискаго снята священная мантія историка. Онъ оказался, во первыхъ, фанатикомъ-патріотомъ южной Руси, изъ любви къ ней, не щадившимъ, на перекоръ истинѣ, ни Польши, ни государства Московскаго, — во вторыхъ, человѣкомъ необыкновенно талантливымъ, поэтомъ лѣтописныхъ сказаній и вѣрнымъ живописцемъ событій только въ тѣхъ случаяхъ, когда у него не было заданной себѣ напередъ мысли. Заслуга г. Соловьева, какъ критика лѣтописи Конискаго, велика (¹), хотя до сихъ поръ не оцѣнена Малороссіянами, которые униженіе своего Тита Ливія приня-

---

(1) Съ удовольствіемъ помѣщаемъ такой справедливый отзывъ о г. Соловьевѣ, тѣмъ болѣе, что читатели въ этой же книгѣ Р. Бесѣды найдутъ опроверженіе многихъ его ошибокъ. *Изд.*

ли, по старой памяти, за недоброжелательство къ ихъ родинѣ.) Но уже прошли времена умышленнаго недоброжелательства: оно остается теперь только при тѣхъ писателяхъ, которые, какъ люди, равно чужды сѣверно и южнорусскому обществу, и которыхъ имена не достойны быть упомянуты тамъ, гдѣ говорится о высокомъ стремленіи къ истинѣ. Лучшимъ заступникомъ г. Соловьева противъ простодушныхъ неудовольствій нѣкоторыхъ Малороссіянъ будетъ ихъ родной писатель, Н. И. Костомаровъ, котораго труды слишкомъ долго для науки оставались въ неизвѣстности, но за то, безъ сомнѣнія, примутся теперь обществомъ тѣмъ съ бо́льшимъ сочувствіемъ и уваженіемъ.

Это одна сторона движенія, которое усилилъ Гоголь своимъ прикосновеніемъ къ малороссійской народности. Но въ то время, когда отвлеченная наука дѣлала свое дѣло въ области историко-этнографическаго изслѣдованія южной Руси, въ обществѣ почувствовалось сознательнѣе прежняго желаніе допросить свой народъ на его родномъ языкѣ. Перестали искать въ немъ смѣшнаго, простодушнаго и даже хитро-наивнаго. Взглядъ на простолюдина сдѣлался глубже и симпатичнѣе. Мы начали внимательнѣе прежняго вслушиваться въ его пѣсни. Внутренній образъ Малороссіянина сказался намъ въ красотѣ, нѣжности и мрачной энергіи языка и музыки этихъ пѣсень. Появились новые сборники эпическихъ и лирическихъ произведеній народнаго ума и чувства. Этнографія перешагнула съ затвердѣлой почвы лѣтописей на живую, производящую почву національной поэзіи; исторія съ удивленіемъ увидѣла себя въ цвѣтистой и сіяющей одеждѣ народной пѣсни. Мы пожелали войти въ хату мирныхъ потомковъ того козачества, которое, по собственнымъ его словамъ, « полемъ и моремъ славы у всего свѣта добыло »; мы пожелали слышать ихъ рѣчи безъ переводчика, какимъ явился въ русской литературѣ Гоголь; мы уже подросли до того, что въ состояніи были понять все нѣжное и гармоническое въ подлинникѣ. И насъ ввелъ въ мужичью хату Григорій Квитка, писавшій подъ именемъ Основьяненка. Повѣсть его « Маруся » до сихъ поръ не оцѣнена по достоинству. Ви-

дѣли въ ней плѣнительную живопись простонародныхъ обычаевъ, теплое чувство и много сценъ, истинно-патетическихъ; но упустили изъ виду, что еще ни въ одномъ литературномъ произведеніи простолюдинъ-Малороссіянинъ, лишенный всякаго иного общенія съ людьми просвѣщенными, кромѣ Слова Божія, не являлся въ столь величественной простотѣ нравовъ, какъ въ этой повѣсти. Это не чернорабочій пахарь, а *человѣкъ*, въ полномъ значеніи слова. Его не усовершенствовала современная образованность. Онъ ничего не видалъ, кромѣ своего села. Онъ не грамотенъ; онъ занятъ только полевыми и домашними работами. Слово Божіе, которое онъ слышитъ въ Церкви, внѣдряется въ немъ одними только явленіями природы, которыя онъ любитъ безсознательно, какъ младенецъ свою кормилицу. Но во всѣхъ его понятіяхъ и дѣйствіяхъ, отъ взгляда на самого себя до обращенія съ сосѣдями, поражаетъ насъ именно какое-то величіе, въ которомъ чувствуешь естественное благородство натуры человѣческой. Никто не скажетъ, чтобъ это была аффектація. Тогда бы Квиткинъ поселянинъ не возбуждалъ къ себѣ такого сочувствія; онъ не впечатлѣлся бы въ душѣ и не сдѣлался бы ея любимымъ пріобрѣтеніемъ. Сердца обмануть не возможно, и слезы, пролитыя въ Малороссіи надъ чтеніемъ « Маруси », составляютъ фактъ, которымъ не должна пренебречь эстетическая критика. Квитка написалъ на малороссійскомъ языкѣ нѣсколько повѣстей, въ которыхъ много равнаго « Марусѣ » по частямъ, но въ цѣломъ ни одна съ нею сравниться не можетъ. И однакожъ, вездѣ у него проходитъ, въ болѣе или менѣе выразительныхъ чертахъ, величавый образъ малороссійскаго простолюдина, это глубоко нравственное лицо, которое ведетъ свое происхожденіе отъ неизвѣстнаго намъ общества.... Пораженный этимъ явленіемъ, умъ читаетъ въ немъ дѣянія исторіи, гораздо серьезнѣйшей, нежели козачество, гайдамачество и все, чѣмъ наполнены наши историческія сочиненія. Душа чуетъ здѣсь сильное начало народной жизни, развитое при неизвѣстныхъ намъ счастливыхъ обстоятельствахъ и, мимо войнъ, мимо искусственныхъ возбужденій нравственности, усвоенныхъ граж-

данскими обществами, продолжающее жить само въ себѣ и само для себя. Оно-то сообщаетъ украинской народной поэзіи, въ новомъ ея развитіи, у писателей, подобныхъ Квиткѣ, достоинство выраженія, которому далеко не соотвѣтствуютъ матеріальныя обстоятельства племени; оно придаетъ ей эту мягкость оборотовъ, это тонкое чувство приличія въ соотношеніяхъ людей между собою, это сознаніе благородства нравственной своей природы, которое у другихъ народовъ является только слѣдствіемъ долгаго пребыванія общества въ положеніи избраннаго, лучшаго, всѣми почтеннаго и независимаго класса людей. Я не сдѣлаю преувеличенія, если скажу, что малороссійскіе простолюдины—разумѣется, лучшіе изъ нихъ, подобные нѣкоторымъ лицамъ повѣстей Квитки,—въ своихъ установленныхъ обычаемъ сношеніяхъ между собою, какъ кумъ съ кумомъ, зять съ тестемъ, дочь съ крестной матерью, невѣстка съ новой семьей, въ которую она вступаетъ, или просто хозяинъ съ праздничнымъ своимъ гостемъ, въ своихъ свадьбахъ, крестинахъ, поминовеніяхъ усопшихъ и земледѣльческихъ празднествахъ, ведутъ себя съ какимъ-то гордымъ, *внушающимъ невольное уваженіе*, величіемъ и достоинствомъ. Мы мало знаемъ народъ и смотримъ на него больше съ точки зрѣнія хозяйственной; мы держимъ себя въ сторонѣ отъ него, никоимъ образомъ не принадлежа къ его обществу. Но мнѣ случалось попадать въ такія отношенія, когда забывалась разность сословій и образованности, когда мое присутствіе не замѣчалось; и тогда я бывалъ поражаемъ сдѣланными мною наблюденіями....

Повѣсти Квитки представляютъ теплую, простосердечную живопись нравовъ нашихъ поселянъ, и очарованіе, производимое ими на читателя, заключается не только въ содержаніи, но и въ самомъ языкѣ, которымъ онѣ писаны. На русскій языкъ онѣ почти не переводимы, потому что въ немъ не откуда было образоваться соотвѣтственному тону рѣчей. Великорусскіе простолюдины, не имѣя въ своей натурѣ свойствъ народа Малороссійскаго, слишкомъ рѣзко отличаются отъ него характеромъ языка своего; а литературный русскій языкъ, даже и у Гоголя, плохо слу-

жилъ для выраженія семейныхъ бесѣдъ нашего простонародья, его ласокъ, его огорченій, его насмѣшекъ и сарказмовъ. Всего лучше доказалъ это самъ Квитка, когда, по просьбѣ журналистовъ, перевелъ « Марусю » и еще нѣсколько повѣстей своихъ. Малороссіяне не въ состояніи читать ихъ,—до такой степени онѣ не похожи на подлинники. Одинъ изъ русскихъ писателей, имѣвшій на него вліяніе великаго авторитета, убѣдилъ было его совсѣмъ оставить языкъ, доступный небольшому кругу читателей и, по примѣру Гоголя, писать на общепринятомъ литературномъ языкѣ. Квитка написалъ нѣсколько большихъ повѣстей и напечаталъ въ журналахъ; но—странное дѣло!—тотъ самый писатель, который смѣшилъ и заставлялъ плакать своихъ земляковъ малороссійскими разсказами, сдѣлался для нихъ такъ же скученъ, какъ и для Великороссіянъ. Что̀ это значитъ? Отчего авторъ очаровательной « Маруси » не имѣлъ на русскомъ языкѣ успѣха автора « Вечеровъ на Хуторѣ »? Отъ того, что онъ думалъ на малороссійскомъ языкѣ, и, заговоривъ на великорусскомъ, былъ такъ не ловокъ въ каждой своей фразѣ, какъ молодцоватый малороссійскій па̀робокъ, который бы вздумалъ играть роль русскаго добра мо̀лодца. Журнальная критика справедливо причислила его къ посредственнымъ разскащикамъ, и публика перестала читать его, предпочтя ему писателей-говоруновъ, которыхъ и имена странно было бы упомянуть рядомъ съ Квиткою. Но Малороссія не позабыла первыхъ повѣстей его, и, не смотря на малоизвѣстность его въ Россіи, ставитъ его на ряду съ величайшими живописцами нравовъ и страстей человѣческихъ, каковы Вальтеръ-Скоттъ, Диккенсъ и нашъ Гоголь. Онъ уступаетъ имъ въ разнообразіи предметовъ творчества, но за то въ своемъ родѣ, который составляетъ самую трудную задачу для современнаго писателя, далеко превосходитъ каждаго.

Замѣчателенъ этотъ фактъ, и намъ не льзя на немъ не остановиться: что одинъ и тотъ же писатель, производя на читателей неотразимое впечатлѣніе малороссійскимъ языкомъ, оставленъ ими безъ вниманія на великорусскомъ. Здѣсь мы видимъ доказательство, какая тѣсная связь су-

ществуетъ между языкомъ и творящею фантазіей писателя, и въ какой слабой степени передаетъ языкъ другаго народа понятія, которыя выработались не у него и составляютъ чужую собственность. Какъ въ пѣснѣ музыка, такъ въ книгѣ языкъ есть существенная часть изящнаго произведенія, безъ которой поэтъ не вполнѣ дѣйствуетъ на душу читателя. Я слышалъ отъ нѣсколькихъ уроженцевъ великорусскихъ губерній, научившихся отъ-части языку малороссійскому, что для нихъ легче понимать наши народныя думы въ подлинникѣ, нежели въ переводѣ. Это значитъ, что тамъ сохранена гармоническая связь между языкомъ и предметомъ, которая въ переводѣ безпрестанно нарушается. По этому-то закону, во всѣхъ литературахъ, каждый самостоятельный поэтъ имѣетъ свой особенный языкъ, который только и хорошъ для того взгляда на жизнь, для того склада ума, для тѣхъ движеній сердца, которыя одному ему свойственны. Переложи его рѣчь на языкъ другаго поэта, и она потеряетъ много своей прелести. Но у насъ въ Малороссіи Квитка представляетъ не единственный примѣръ безсилія передать свои малороссійскія концепціи на языкѣ великорусскомъ. Гулакъ Артемовскій, составляющій переходъ къ нему отъ Котляревскаго, написалъ нѣсколько превосходныхъ комическихъ и сатирическихъ стихотвореній, которыя мы знаемъ наизусть, и остался совершенно неизвѣстнымъ писателемъ въ русской литературѣ, хотя положилъ несравненно больше труда на русскіе стихи и прозу. Гребенка, современникъ Квитки, оставилъ намъ дышащія свѣжестью и истиною картины изъ малороссійской природы и жизни въ своихъ «Приказкахъ», и тотъ же Гребенка писалъ по-русски нескладныя повѣсти изъ родныхъ преданій и безвкусные стихи въ родѣ слѣдующихъ:

Невыразимо хороша,
Сидитъ жена Барабаша (1).

Наконецъ, величайшій талантъ южно-русской литературы, пѣвецъ людскихъ неправдъ и собственныхъ горячихъ

---

(1) Начало поэмы.

слезъ, напечатавъ небольшую поэму на великорусскомъ языкѣ, изумилъ своихъ почитателей не только безцвѣтностью стиха, но и вялостью мысли и чувства, тогда какъ въ языкѣ малороссійскомъ онъ образовалъ, или, лучше сказать, отыскалъ формы, которыхъ до него никто и не предчувствовалъ, а изъ мѣстныхъ явленій жизни создалъ цѣлый міръ новой, никѣмъ до него несознанной, поэзіи. Въ его стихахъ языкъ нашъ сдѣлалъ тотъ великій шагъ, который дѣлается только совокупными усиліями цѣлаго народа, въ теченіе долгаго времени, или волшебнымъ могуществомъ генія, заключающаго въ своей единицѣ всю врожденную художественность роднаго племени. Они, какъ пѣсня, пронеслись изъ конца въ конецъ по всей южной Руси; они пришлись по душѣ каждому званію, возрасту и полу, и изданіе ихъ въ свѣтъ сдѣлалось почти ненужнымъ. Нѣтъ человѣка въ Малороссіи, сколько нибудь грамотнаго и расположеннаго къ поэзіи, который бы не повторялъ ихъ наизусть и не хранилъ въ душѣ, какъ драгоцѣнное достояніе.

Но всего удивительнѣе и всего важнѣе въ этихъ стихахъ то, что они ближе нашихъ народныхъ пѣсенъ и ближе всего, что̀ писано по-малороссійски, подходятъ къ языку великорусскому, не переставая въ то же время носить чистый характеръ украинской рѣчи. Тайна этого явленія заключается, можетъ быть, въ томъ, что поэтъ, неизъяснимымъ откровеніемъ прошедшаго, которое сказывается вѣщей душѣ въ настоящемъ, угадалъ ту счастливую средину между двухъ разрознившихся языковъ, которая была главнымъ условіемъ развитія каждаго изъ нихъ. Малороссіяне, читая его стихи и удивляясь необыкновенно смѣлому пересозданію въ нихъ своего языка и близости его формъ къ стиху пушкинскому, не чувствуютъ однакожъ того непріятнаго разлада, какимъ поражаетъ ихъ у всякаго другаго писателя заимствованіе словъ, оборотовъ или конструкціи изъ языка иноплеменнаго. Напротивъ, здѣсь чувствуется прелесть, въ которой не можешь дать себѣ отчета, но которая не имѣетъ ничего себѣ подобнаго ни въ одной славянской литературѣ. Какъ бы то ни было, но несомнѣн-

но то, что поэтъ нашъ, черпая одной рукой содержаніе своихъ плачей, пѣснопѣній и пророчествъ изъ духа и слова своего племени, другую простираетъ къ сокровищницѣ духа и слова сѣверно-русскаго; только у него свой доступъ къ ней и свой путь къ ея тайнамъ. Для него не существуютъ иноземныя формы рѣчи, усвоенныя русскими писателями съ самаго начала сближенія ихъ съ Европой. Онъ такъ силенъ родными началами, что его не останавливаетъ искусственная оболочка литературныхъ произведеній русскихъ поэтовъ. Сквозь безчисленныя варіаціи слова, порожденныя ненародными вліяніями, онъ видитъ слово русское въ его родномъ складѣ рѣчи и овладѣваетъ имъ по праву кровнаго родства съ сѣверно-русскимъ племенемъ. Но въ то же время чудесный инстинктъ, свойственный только великимъ поэтамъ, заставляетъ его брать изъ другаго языка только то, что̀ составляетъ общую собственность того и другаго племени. Вотъ почему языкъ его стихотвореній богаче, нежели у всѣхъ его предшественниковъ; вотъ почему этотъ языкъ выражаетъ понятія общечеловѣческія и, будучи совершеннѣйшимъ органомъ малороссійскаго ума, чувства и вкуса, больше понятенъ для Великороссіянъ, нежели наши народныя пѣсни и сочиненія другихъ писателей.

Ошибаются тѣ, которые въ его произведеніяхъ видятъ какую-то безусловную непріязнь къ сѣверно-русскому племени. Онъ возставалъ только противъ людскихъ неправдъ, кѣмъ бы они ни совершались, Великороссами или Малороссіянами; онъ увлекался за предѣлы исторической истины, изображая ожесточеніе сердецъ человѣческихъ. Но что имъ не управляла племенная непріязнь, доказательствомъ служитъ то, что никто такъ горько не насмѣялся надъ славой малороссійскаго козачества, никто не поколебалъ до такой степени авторитетовъ племеннаго нашего патріотизма, никто, подобно ему, не предалъ на позоръ и посмѣяніе всему свѣту того, чѣмъ мы такъ долго величались. Называютъ его безумнымъ патріотомъ; а между тѣмъ онъ-то нанесъ первый ударъ тому вредному мѣстному патріотизму, который поднимаетъ на ходули своихъ аттестованныхъ

исторіею героевъ и отворачиваетъ глаза отъ доблестей сосѣдняго народа, — тому патріотизму, который полагаетъ славу свою не въ успѣхахъ благоденствія цѣлой страны, а въ торжествѣ какой нибудь партіи, или даже нѣсколькихъ лицъ, иногда очевидно во вредъ всему народонаселенію.... Такъ, онъ *доходилъ* до безумія въ изліяніи своего гнѣва на беззаконія людскія; онъ *былъ* неистовъ, когда призывалъ небо и землю противъ тѣхъ, кого считалъ онъ виновниками страданій ближняго. Но кто же осудитъ поэта, который, поддавшись невыносимой боли сердца, не соблюдалъ мѣры своимъ воплямъ?... Обязанный одному себѣ духовнымъ воспитаніемъ, не имѣвъ предшественниковъ и образцовъ на своемъ литературномъ поприщѣ, появясь внезапно, точно съ неба, посреди застоя нравственной жизни въ Малороссіи, съ своимъ горячимъ плачемъ, съ своими новыми для слуха пѣснями, съ своими врожденными, ни отъ кого незаимствованными стремленіями, онъ не могъ быть тотчасъ оцѣненъ по достоинству критикой. Онъ это зналъ самъ; онъ говорилъ объ этомъ въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ и искалъ себѣ единственной награды въ слезахъ сочувствія со стороны родныхъ красавицъ; въ чемъ и не ошибся. Заплакали отъ его нѣжныхъ и горькихъ рѣчей не однѣ женщины. Кто позабылъ давно уже юношескія стремленія къ правдѣ и добродѣтели, кто погрузился въ равнодушіе ко всякому недостойному дѣлу и призналъ случайныя формы жизни за непреложный законъ для своихъ чувствъ и мыслей, — и тотъ былъ потрясенъ ими до глубины души, и неудержимыя ничѣмъ слезы показали ему самому далеко заброшенный въ засоренной душѣ юношескій его образъ.... Но какова бъ ни была оцѣнка нашему поэту отъ современниковъ, какъ бы ни мало было людей, способныхъ возстонать его стонами и понять высшій, безотносительный смыслъ его твореній,—а придетъ время, когда сѣверная и южная Русь включатъ его въ число благодѣтельныхъ геніевъ, положившихъ конецъ племенному отчужденію, котораго ничто не въ силахъ уничтожить, кромѣ взаимнаго стремленія къ тому, что̀ для одной и другой стороны равно драгоцѣнно.

Изъ краткой характеристики трехъ поэтовъ, чуждыхъ другъ другу по судьбѣ, но родственныхъ по стремленію возвеличить внутренній образъ южно-русскаго племени, читатель видитъ, что южная Русь со временъ Гоголя не переставала выражать себя въ болѣе и болѣе опредѣлительныхъ формахъ и сдѣлала великій шагъ въ искусствѣ самовыраженія; ибо велико разстояніе между полу-великорусскими жартами сельской молодежи въ « Вечерахъ на Хуторѣ », или переведеннымъ изъ народной пѣсни обращеніемъ влюбленнаго парубка къ красавицѣ и выраженіемъ душевной борьбы отца Маруси, или поэтическими рѣчами осиротѣлой матери; велико разстояніе между эффектнымъ, потѣшающимъ воображеніе, но мало объясняющимъ народную жизнь, « Тарасомъ Бульбою » и потрясающими душу воплями нашего вѣщаго поэта, который весь проникнутъ духомъ своего народа и выражаетъ свои чувсгва истинно народнымъ словомъ. Южная Русь не отстала отъ сѣверной въ успѣхахъ самопознанія, и, живя одной съ нею гражданской жизнью, разработывала начáла, изъ которыхъ созидается своеобразная національность. Какими бы глазами ни смотрѣли на ея литературную дѣятельность тѣ патріоты, которые ограничиваютъ полетъ русскаго духа предѣлами древняго государства московскаго; но сама она явно стремится къ обобщенію съ литературой сѣверно-русской. Она не чуждается того, чтò въ этой литературѣ есть чисто славянскаго, одинаково родственнаго каждому племени; но, чувствуя въ ней односторонность развитія и недостаточность своенародныхъ, чисто-русскихъ формъ, усиливается выработать изъ своей нравственной почвы слово полное, сильное, истинно самобытное, способное выразить южно-русскаго человѣка въ глубокихъ и тончайшихъ чертахъ его характера. Не наша вина, если уроженцы сѣверныхъ губерній не включаютъ нашего языка въ число разнообразныхъ предметовъ своей любознательности. Мы, напротивъ, не уступаемъ Великороссіянамъ ни въ чемъ относительно знанія родной ихъ рѣчи, и пускай безпристрастный судья рѣшитъ, на чьей сторонѣ преимущество основательнаго суда о предметѣ. Намъ очень добродушно совѣтуютъ оставить

разработку малороссійскаго языка посредствомъ художественныхъ созданій; но это совѣтуютъ люди, неимѣющіе понятія о томъ, какое вліяніе имѣетъ высоко развитая сила и красота роднаго слова на нравственное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на вещественное благосостояніе цѣлаго племени. Намъ объясняютъ вовсе не для шутокъ, что это даже не языкъ, а такое же нарѣчіе, какъ новгородское, владимірское и проч.; но странно, какъ эти проповѣдники забываютъ, что народная поэзія въ губерніяхъ Новгородской и Владимірской не отличается ни чѣмъ отъ народной поэзіи въ губерніи Московской, ни въ духѣ, ни въ содержаніи, ни въ формѣ,—тогда какъ южно-русская народная поэзія не имѣетъ ничего себѣ ни подобнаго по свойствамъ, ни равнаго по достоинствамъ во всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ! Намъ, наконецъ, доказываютъ неоспоримыми фактами, что Малороссіянинъ, присоединясь къ писателямъ великорусскимъ, имѣетъ обширный кругъ читателей, слѣдовательно болѣе достигаетъ цѣли каждаго дѣятельнаго ума разливать въ обществѣ свои убѣжденія. Правда, оно заманчиво; но только ни одинъ изъ малороссійскихъ поэтовъ —въ томъ числѣ даже и Гоголь—не былъ удовлетворенъ своими сочиненіями на языкѣ сѣверно-русскомъ. У каждаго изъ нихъ всегда оставалось на душѣ томительное сознаніе, что онъ не исполнилъ своего назначенія *принести пользу ближнему*, и дѣйствительно не принесъ ее въ той мѣрѣ, въ какой родное слово приноситъ пользу родному сердцу. Положимъ, что поэту, среди иноплеменниковъ, внимаетъ много умовъ, что его голосъ проникаетъ во множество сердецъ; но то ли онъ производитъ на нихъ впечатлѣніе, какое произвелъ бы на своихъ земляковъ, когда бъ обратился къ нимъ на незамѣнимомъ языкѣ дѣтства,—на томъ священномъ языкѣ, посредствомъ котораго мать внушала ему правила честности и добродѣтели. Я знаю, что друзья, сошедшіеся на позднемъ пути жизни, могутъ нѣжно и горячо любить другъ друга; но будетъ ли бесѣда ихъ такъ жива, какъ тѣхъ друзей, которыхъ дѣтство связано общими воспоминаніями, общими порывами сердецъ, общими муками и радостями? И заговоришь ли

такъ понятно, такъ увлекательно, безъ искусства краснорѣчія, съ человѣкомъ, хоть и любимымъ, и уважаемымъ, но воспитаннымъ подъ другими вліяніями, какъ съ тѣмъ, чье сердце издавна привыкло бить одинъ тактъ съ твоимъ собственнымъ? Что же тутъ говорить о числѣ людей, которые подвергнутся нашему нравственному вліянію? Не въ количествѣ дѣло, когда рѣчь идетъ о высокихъ преданіяхъ души человѣческой; дѣло въ качествѣ почвы, на которую падаетъ наше слово, дѣло въ той силѣ, съ которою оно поражаетъ умы и сердца слушателей. Успокой всепобѣждающимъ вдохновеніемъ рѣчи одного человѣка въ тяжкихъ сомнѣніяхъ о безсмертіи души человѣческой, подними одного ближняго изъ разврата чувствъ и понятій,— и ты сдѣлаешь больше заслуги передъ Богомъ и передъ людьми, нежели если бъ доставилъ легкое и пріятное, но безплодное чтеніе многочисленному обществу. Какъ же не странно, какъ не дико называть нелѣпостью потребность души, которая только этимъ, а не другимъ путемъ можетъ сообщить другой душѣ свою животворную силу? Резонерствомъ ничего съ этимъ стремленіемъ не сдѣлаешь: оно зарождается глубже въ душѣ, нежели самыя здравыя и основательныя разсужденія. Дѣло тутъ не въ одной разности языковъ; дѣло въ особенностяхъ внутренней природы, которыя на каждомъ шагу оказываются въ способѣ выраженія мыслей, чувствъ, движеній души, и которыя на языкѣ, не природномъ автору, выразиться не могутъ. По крайней мѣрѣ, пишущій эти строки, предпринявъ вѣрное изображеніе стариннаго козачества въ « Черной Радѣ », на пользу своимъ ближнимъ, напрасно усиливался замѣнить южно-русскую рѣчь языкомъ литературнымъ, общепринятымъ въ Россіи. Перечитывая написанныя главы, я чувствовалъ, что читатели не получатъ изъ моей книги вѣрнаго понятія о томъ, какъ отразилось былое въ моей душѣ, а потому не воспримутъ вполнѣ и моихъ историческихъ и христіанскихъ убѣжденій. Волею и неволею, я долженъ былъ оставить общій литературный путь и сдѣлать поворотъ на дорогу, едва проложенную, и для такого произведенія, какъ историческій романъ, представляющую мно-

жество ужасающихъ трудностей. Я былъ приведенъ къ ней томительнымъ чувствомъ художника и человѣка, напрасно борющагося съ невозможностью выразить свои задушевныя рѣчи. Не скрою, что этотъ поворотъ стоилъ мнѣ великихъ усилій и пожертвованій. Я долженъ былъ отказаться отъ удовольствія быть читаемымъ тѣми изъ писателей велико-русскихъ, которыхъ судомъ я дорожу, и которыхъ дружба возбуждала во мнѣ живѣйшее желаніе доставить имъ чтеніе серьезное и удовлетворительное. Я долженъ былъ ограничиться небольшимъ кругомъ читателей, ибо немногіе изъ земляковъ моихъ въ настоящее время способны оцѣнить мои труды по предмету разработки южно-русскаго языка и возведенія его въ достоинство историческаго повѣствованія. Я долженъ выдержать порицанія людей, которые все то считаютъ пустяками, чего не знаютъ, но которые своимъ авторитетомъ имѣютъ вліяніе на умы неопытные и неутвердившіеся. И, при всемъ томъ, я напечаталъ свою книгу на языкѣ южно-русскомъ. Я долго изучалъ его въ письменныхъ памятникахъ старины, въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ и въ повседневныхъ сношеніяхъ съ людьми, незнающими никакого другаго языка, и раскрывшіяся передо мною его красоты, его гармонія, сила, богатство и разнообразіе дали мнѣ возможность исполнить задачу, которой до сихъ поръ не смѣлъ задать себѣ ни одинъ Малороссіянинъ, именно — написать на родномъ языкѣ историческій романъ, во всей строгости формъ, свойственныхъ этого рода произведеніямъ. Я говорю здѣсь *романъ* потому только, что такова дѣйствительно была у меня задача. Но, вникнувъ въ нравы Малороссіянъ XVII вѣка, столь непохожіе на нынѣшніе (разумѣется, въ извѣстномъ слоѣ общества), я убѣдился, что повѣствователю надобно здѣсь смотрѣть на вещи глазами тогдашняго общества; я, такимъ образомъ, подчинилъ всего себя былому; и потому сочиненіе мое вышло не романомъ, а хроникою въ драматическомъ изложеніи. Не забаву празднаго воображенія имѣлъ я въ виду, обдумывая свое сочиненіе. Кромѣ всего того, что читатель увидитъ въ немъ безъ объясненія, я желалъ выставить во всей выразительности олицетворенной исторіи

причины политическаго ничтожества Малороссіи, и каждому колеблющемуся уму доказать, не диссертаціею, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость слиянія въ одно государство южнаго русскаго племени съ сѣвернымъ. Съ другой стороны мнѣ хотѣлось доказать, что не ничтожный народъ присоединился въ половинѣ XVII вѣка къ московскому царству. Онъ большею частію состоялъ изъ характеровъ самостоятельныхъ, гордыхъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства; онъ, въ своихъ правахъ и понятіяхъ, хранилъ и хранитъ до сихъ поръ начала высшей гражданственности; онъ придалъ Россіи множество новыхъ, энергическихъ дѣятелей, которыхъ вліяніе не мало способствовало развитію государственной силы Русскаго народа; онъ, наконецъ, пришелъ въ единоплеменную и единовѣрную ему Россію съ языкомъ, богатымъ собственно ему принадлежащими достоинствами, которыя въ будущемъ, своенародномъ образованіи литературы должны усовершенствовать органъ русскаго чувства и русской мысли, — этотъ великій органъ, по степени развитія котораго цѣнятся исторіею народы.

П. Кулишъ.